

Сергей Стрелец

(E-mail: sash_50@mail.ru)

МОСКОВСКАЯ

НЕДОТРОГА

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Глава 1

Чернота, дождь, скорость. «Что же я делаю, я, наверное, сошла с ума!» Машина несется, стекло залито потоками воды, видимость — ноль. Сердце сжалось в предчувствии чего-то ужасного. Но ее нога еще сильнее нажала педаль газа. «Господи, разобьемся!

Ну почему это именно я веду машину, если я вообще водить не умею!» — эта мысль мелькнула, но тут же забылась, а сознание вновь и вновь приковывалось к веселому отсвету красных и зеленых цифр и стрелок приборного щитка на темном перламутровом корпусе панели. В несущейся на Катю крошечной темноте этот отсвет гипнотизировал, делал происходящее совсем сверхъестественным.

Какая потрясающая, какая дорогая машина, как слушается руля!

На соседнем сиденье... кто-то. Мужчина. Хотя совсем не видно. Очень близкий ей мужчина — откуда она это знает? Что-то между ними происходило, происходит сейчас очень важное, непростое. Он смотрит на нее из темноты?

Вдруг... кошмар! Прямо перед глазами, в раздвинутых щетками-дворниками струях дождя — красные габаритные огни и огромный черный силуэт грузовой машины. Разобьемся? Но Катя чудом успевает вывернуть руль и сквозь стену водяной пыли идет на обгон.

И тут... этот кто-то из темноты протянул было к ней руку в предостерегающем жесте... Поздно! В глаза — слепящий сноп света фар встречной машины...

Еще миг...

Сердце остановилось.

Катя проснулась.

— Катюша, вставай, — позвал мамин голос.

Так это был сон?! А он, тот мужчина, — что же случилось с ним? Господа, ну какое она имела право выйти из сна! Это же очень ей близкий человек, хотя она его и не знает. Что же, что же с ним было дальше — разбился в машине? Она подвела его к автокатастрофе, сама вышла из сна, потому что могла, потому что это ее сон, а он, там — погиб?

...Эта удивительная любовная история произошла в конце 90-х, в конце столетия «тысячелетия» в Москве, точнее, как ни странно, — в московских коридорах власти. А началось все в обычный скучный день. Провидению было угодно именно сегодня круто изменить судьбу Кати Корневой. Но день этот еще впереди, а пока утро. Катя, причесываясь, механически включила телевизор и, не глядя на мелькающие картинки новостей, где наш непредсказуемый президент обнимается с канцлером, подошла к окну. Ветви за окном мотало. Катя открыла форточку, и на лицо дохнуло свежестью: ненастье, а так хорошо! Минуту она простояла, наслаждаясь, подставив лоб под крапинки дождя. Ветер, спутанные серые облака — все это словно ворвалось не только в комнату, но и в черноту ее собственных мыслей.

— Кофе остынет, — мама подложила Кате хрустящих печеньиц. — Так все-таки объясни внятно, что сказал Палыч?

— Мама, я уволена. Мы все уволены. Каюк «Сириусу», — вот что сказал Палыч. Он приехал вчера из Президиума какой-то потерянный, бледный, никогда его таким не видела. Сказал, чтобы все собрались для важного сообщения. Начал было говорить — и схватился за сердце. Валокордин ему капали.

Короче, когда немного пришел в себя, объявил, что с нас через два месяца снимают финансирование.

Формально мы и дальше можем держать здесь трудовые книжки, но в зарплату получать будем столько, что не хватит и на кило колбасы.

Фирма «Сириус», где работала Катя, в общем-то никакая не фирма, а бывшая лаборатория знаменитого академика Василия Павловича Лодеева, известного во всем мире машиностроителя в атомной энергетике. Когда государство их кинуло, как кинуло тогда всю науку, Палыч бесстрашно повернул руль: мы, торжественно объявил он тогда, с нашей-то квалификацией, не пропадем.

Есть у меня задумка! Энергосистемы, обслуживающие город, — целая империя. А что если отправить всю эту громаду в мусоропровод! Мы же специалисты: разработаем-ка мы миниатюрную тепловую станцию для микрорайона. Да что для микрорайона — для квартала! Мы всю жизнь проработали для атомной энергетики, а для городских служб — никогда. Ну и что — переквалифицируемся!

И пошел он по высоким правительственным кабинетам, поднял старые связи. И в конце концов — добыл-таки деньги, в общем даже неплохие.

Палыч — прекрасный русский человек, истинный интеллигент. Но на его беду — он болезненно честен.

И потому-то не он приватизировал здание их бывшего института, а какие-то темные личности, кажется, даже бывшие стрелки из охраны. Вот и тут, он не захапал выделенные ему правительственные денежки, не перевел их на личный счет за рубеж, а пустил строго на дело — равномерно распределил, чтобы и зарплата всему личному составу лаборатории была вовремя, и чтоб был оплачен весь цикл исследовательских работ на несколько лет.

Но вдруг пришла беда. Наш загадочный президент страны, «понимаешь», вдруг снял очередного премьера, что довольно часто случалось в те времена, новый премьер в свою очередь снял несколько министров, дальше пошло по цепочке, и в итоге полетел тот начальник управления, который был когда-то в учениках Палыча, лично его боготворил, потому без всяких взяток обеспечивал «Сириус» финансированием все эти годы. Палыч сунулся было в тот же кабинет к вновь назначенному чиновнику, но к нему даже на порог не пустили, а референт, кажется, даже умудрился по телефону академика оскорбить. И это «ЧП» произошло в момент, когда их лаборатория уже так классно все исследования завершила и даже провела пробные испытания на одном из зданий-новостроек на окраине города. Их агрегат показал себя просто великолепно, а, впрочем, Палыч — звездный ученый, у него иначе и не могло быть.

В общем — ужас! Что было делать — абсолютно непонятно. Завернуть документацию в рулоны?

Опытную машину выбросить на задний двор под дожди и снега? Похоже — да. А ведь оставалось-то всего чуть-чуть! Вот если бы они смогли дотянуть до приема агрегата на массовую эксплуатацию, а, следовательно, — получили бы мощный госзаказ!

Тогда бы «Сириус» уже не нуждался в подачках сверху и смог бы выжить самостоятельно. Как жаль!

Какой облом!

... Палыч переживал — больно было смотреть, вновь обегал все инстанции — везде глухо. Осталась последняя надежда — Президиум Академии наук. Если бы там поддержали, то с таким решением в руках еще как-то можно было бы бороться дальше.

Но, увы, увы, — опять выпала пиковая карта.

Не будет больше их лаборатории. Оставшиеся два месяца финансирования не решают ничего.

— И что же ты думаешь делать, доченька? — голос у мамы дрогнул.

— Пойду в торговый дом менеджером по продаже памперсов. Ладно, проживем, главное, не хныкать.

Все, я помчалась!

— Нет, минутку! — интонация мамы стала непререкаемой.

— Раз нам судьба бросает вызов, мы должны достойно ответить. Сегодня идем кутить!

После выставки приезжай в ГУМ, там встречаемся с тобой в шесть у фонтана. Я захвачу кое-что из наших сбережений. Ну не мотай головой — я просто мечтаю, ты слышишь, просто мечтаю купить тебе фантастическое платье и новые туфли. Ты у меня должна быть королевой. А потом — мороженое с шампанским. В шесть — договорились?

...Катя смотрела в качающееся, изломанное перемычкой черное зеркало окна вагона и не видела ни станций метро, ни людей, садящихся перед ней или встающих, ни своего отражения. Она думала о шике. Она всегда хотела быть ослепительно шикарной!

Нет, шик не в косметике, не в нарядах — ее внешний вид всегда был отнюдь неплохим — как-то само собой так получалось. Прекрасная достойная походка,

строгое, почти простое, но со скрытым шармом одеяние, доклад на симпозиуме, уважение в среде лучших профессионалов. Вот она перед ученой аудиторией с указкой в руке дает пояснения по развешенным плакатам со сложными электротехническими схемами. Вот она в дальней Армении, она, молодая русская женщина, ведущий специалист приехала лично участвовать в установке нового оборудования на атомной электростанции.

А вот она сходит с трапа самолета в Париже, в городе, где, как известно, все электроснабжение только и исключительно от атомной энергетики и где мадам Корневу французские коллеги знают и ценят как специалиста...

Фантазии фантазиями, но в жизни и в самом деле Катя была работоспособна, точна, собрана. «Без взора наглого для всех, без притязаний на успех...» — Станция «Новокузнецкая», — объявил репродуктор.

— Кто-то, протискиваясь, толкнул Катю и даже не извинился.

Да уж, такую вмятину Катя получила в личной жизни, что как вспомнит — в глазах темнеет. Год тогда ходила словно манекен, ничего не чувствовала, что-то делала, говорила — все механически, будто во сне. В душе была даже не боль, а какое-то вселенское ущемление и пустота — и все это отпускало Катю медленно-медленно, полугодие за полугодием.

А женский календарь — короткий. И вот безжалостный маятник судьбы пробил ей двадцать семь.

Будет ли вообще любовь? Любимый? Дети? «Без притязаний на успех» — смешно! Да уж, без притязаний — это точно! Катя с тяжелым вздохом упрямо тряхнула своими каштановыми волосами. Надо закусить ленточку бескозырки, как любят говорить матросы. Врагу не сдастся наш гордый Варяг!

Господи, не проехала ли я свою остановку? Нет, еще. После той душевной травмы Катя запретила себе и думать о личной жизни. Просто замкнулась, забетонировала свой внутренний мир. И, превозмогая нежелание жить, заставила себя выстроить свой идеал: она, Катя, — прекрасный, блестящий специалист, лучший из лучших. Вот в этом и есть теперь весь ее смысл жизни. А уж остальное... Как-нибудь приложится. Так, это у нас что за станция? А, на следующей выходим.

И вот надо же, теперь, с прекращением финансирования их фирмы «Сириус», — новый крах в ее жизни. Надо бросить любимую специальность и вместе с десятками тысяч безработных научных сотрудников идти наниматься куда-то в коммерцию.

... Катя шла по огромным пространствам выставочного комплекса среди хлопающих на ветру полотнищ ярких флагов, даже не прикрываясь зонтом от мелко морозящего дождичка. Нашла нужный павильон, а дальше петляла по лабиринтам ярко освещенных экспозиций.

— Катерина Владимировна, счастливы вас видеть!

— Палыч как всегда искренне и в то же время картинно поцеловал ее руку. — Ну все, приступайте к обязанностям. А у меня уже ни на что в этой жизни сил нет! — И он рухнул в пластмассовое кресло.

Эта выставка — очередной парадокс жизни. Их фирма «Сириус» закрывается, но по какому-то графику еще годовой давности должна участвовать в довольно представительной экспозиции, за это давно было заплачено. Они всей лабораторией по-настоящему старались, чтобы оформление их сектора было на высоком международном уровне — вот большие и малые названия русскими и латинскими буквами, вот макеты жилых зданий, чердачное помещение в разрезе, принципиальная схема их установки с бегущими огоньками, вот, наконец, — макет самой установки. И в самом деле — не парадокс ли: сейчас, на выставке, они блеснут, их оценят, поздравят, а завтра «Сириуса» не будет. Последний, прощальный залп.

Палыч своей авторитарной властью назначил Катю главным стендистом, чему, впрочем, никто и не сопротивлялся: всем в лаборатории давно известно, что она его любимица, если не сказать большее — тайная стариковская любовь.

...Выставочный день шел к концу. Их мало беспокоили посетители. За исключением двух-трех групп действительно компетентных специалистов, но, увы, некомандного уровня, то есть не имеющих право заключать контракты от лица их организаций, остальные были зеваки. В сущности, день ушел на треп: Катя и еще двое молодых сотрудников «Сириуса» расспрашивали Палыча, кто из наших ученых отвалил в Штаты, чем там занимаются и за сколько, и почему Палыч, свободно владеющий

английским, бедствует здесь, в нашей стране, хотя ему столько раз делали сказочные предложения из-за бугра.

И вдруг... Какой-то странный многоголосый шум стал надвигаться к ним по павильону. Пробежали двое длинноволосых парней в неопрятных свитерах, держа в руках кабели и осветительные приборы.

Неожиданно прямо к ним в секцию шагнул здоровенный наголо стриженный детина в черном, как будто казенном костюме, и, не обращая никакого внимания на присутствующих, быстро осмотрел углы, заглянул в закуток. Не успели они поразиться такой бесцеремонности, как неожиданно все пространство перед ними было заполнено солидными мужчинами в строгих костюмах, мечущимися журналистами, светом фотовспышек. И тут Катя с изумлением осознала, что невысокий плотный мужчина перед ней, батюшки святы... московский мэр собственной персоной!

То ли это сон, то ли явь, но почему-то столько раз проигранная в фантазиях ее ответственная роль специалиста именно что происходила прямо сейчас с ней самой! Между Катей и мэром постарался было встать сановный дядька в сером костюме, абсолютно незнакомый, причем уже начал мэру рассказывать про их установку, как будто это он ее создал!

Ну и наглец! А мэр то ли слушал этого дядьку, то ли нет, но почему-то не спеша, внимательно посмотрел на Катю.

— Простите, вас зовут...

— Катерина Владимировна, — неожиданно нашелся Палыч.

— Вы — разработчик, Катерина Владимировна?

— негромко и просто спросил мэр, как бы делая рукой отстраняющее движение, в результате которого дядька в сером костюме вмиг отодвинулся на метр.

— Да, — глухо, но твердо ответила Катя, — но я помощник автора установки, он находится здесь — это академик Лодеев Василий Павлович.

Палыч сделал шаг вперед, мэр крепко пожал ему руку, улыбнулся, но обратился почему-то снова к Кате: — Ну вот и расскажите об этой установке, Катерина Владимировна.

Катя в эти мгновения почему-то успела все в мэре внимательно рассмотреть и нашла в нем много неожиданного. Белая, холеная кожа лица, что так не вязалось с представлением о человеке, замученным сверхнагрузками. Поразили глаза мэра — оказывается, телеэкран их совсем не передавал. На нее смотрели большие, что редко для мужчин, и абсолютно ясные глаза.

Кате приходилось не раз встречаться с руководителями разных рангов — директорами, с замминистрами.

Как-то даже с министром. У них почти у всех глаза были особенные — далекие и, подчас, мутные, будто неясные льдиночки, ничего не выражающие, которые никак не поймать в упор. И как же странно встретить чистый, прямой взгляд — да у кого! У самого московского головы. И тут же — новое открытие. В контраст со всем остальным лицом мэра настораживала и даже обескураживала его нижняя губа — большая, тяжелая, грубая. Через такую губу можно цедить самые презрительные, самые уничтожающие, самые матерные слова. Губа лагерного пахана...

Катя в упор посмотрела в глаза мэру, и ее охватило удивительное самообладание. Она взяла указку и, показывая на макет, на схемы, коротко рассказала, что установка величиной с сундук вполне может быть поднята на лифте на крышу жилого здания и впредь будет обеспечивать теплом его и еще пять огромных соседних корпусов жилого сектора, при этом оплата за тепло для жильцов снизится вчетверо и никогда не потребуются отключать горячую воду на целый месяц для профилактики, как это было всегда. Катя коротко назвала несколько сравнительных технических характеристик с действующей системой городского теплообеспечения и упомянула об испытаниях, которые их лаборатория провела в доме-новостройке на окраине города. — Это у тебя, что ли, Спиридонов, — мэр полуобернулся к толпе.

Из толпы выделился и протиснулся вперед сильный мужик, можно сказать, — молодой, где-то под сорок с начинающимися залысинами и супершикарным галстуком. Он вперил в Катю властный взгляд льва, но ничего не сказал, потому что, видимо, ему нечего было сказать — впервые обо всем этом слышал. Однако этим обстоятельством он нисколько не стусевался, а попросту так и продолжал, почти нагнувшись к Катиному лицу, смотреть на нее немигающими голубыми глазами.

Тут-то и заработала нижняя губа мэра, как раз, видимо, предназначенная окорачивать таких вот львов: — Даю тебе два месяца, Спиридонов, подготовишь вопрос на правительстве Москвы.

И — ни спасибо, ни до свидания: мэр повернулся, и вместе с ним вся толпа вдруг также исчезла, как появилась.

Самое поразительное, что исчезновение толпы никак не повлияло на голубоглазого льва — он не шелохнулся, а так и продолжал смотреть на Катю, не хмурясь и не улыбаясь.

Может, он меня не видит, может, с ним что-то случилось, мелькнуло в голове у Кати, которую поразил сюрреализм происходящего. Интересно — а если отодвинуться в сторону, его взгляд... останется там же?

— Спиридонов Юрий Иннокентьевич, заместитель префекта, — вдруг командным тоном сказал каменный гость, протянул визитку и, повернувшись, другую визитку дал Палычу.

— Вы сами-то понимаете, что тут мэру нагородили?

— Ладно, конечно, не понимают, — сказал будто сам себе под нос. — Стронулись ребята, Мосэнерго решили списать. А впрочем, может быть все это и к лучшему, — опять продемонстрировал он удивительную способность в присутствии других говорить самому себе.

— Короче, давайте договоримся: то, что вы тут наговорили, является ранее запланированным экспериментом, который проводит, — и тут он отчеканил по слогам, — пре-фек-ту-ра. Вы меня поняли? — он почти угрожающе обвел взглядом застывших кроликов. — А этот ваш, как там — «Сириус», — он прочитал их название на стене, — выполнил разработку по инициативе... — и опять чеканно — пре-фек-туры!

— Да хоть черта лысого, лишь бы платили, — набычился Палыч, который за жизнь повидал чиновных хамов и никого из них не боялся.

— Сказано с умом, — неожиданно многозначительно, несколько не обидевшись, промолвил супершикарный галстук. — Не ровен час, вдруг возьмут да и в самом деле заплатят за вот это, — он только бровью повел в сторону макета. — Вот будут бабки! Да ладно, — прервал он себя, — об этом не сейчас.

— И так, — он привычно ставил задачу перед взводом солдат, — готовим вопрос в общей постановке — раз, согласуем с городской Думой — два, с департаментом балансов — три, слушаемся у зампреьера — четыре, выходим на правительство Москвы — пять.

Времени в обрез, работы море. Кто отвечает за вопрос — вы? — он в упор посмотрел на Палыча.

— Я, — ответил, держась абсолютно независимо, Палыч, — а по всем рабочим вопросам — Катерина Владимировна.

— Прекрасно, — блестящие на выкате голубые глаза, не мигая, опять вплотную приблизились к катиному лицу. — Завтра в десять у меня. Желаю!

— он круто развернулся и исчез.

Все остались стоять недвижимо, как стояли.

— Катя, поцелуйте меня вот сюда, — произнес Палыч, указывая себе на щеку.

У них с Палычем давным-давно установились нежные, хотя и несколько церемонные отношения, с чуть юмористическим сохранением официальной дистанции.

Но тут Катя, находясь еще в нервном шоке, легко пошла на вольность: она обняла и чмокнула Палыча в щеку. Он опять рухнул в пластмассовое кресло и вдруг расхохотался.

— Я захватил с собой пузырь, думал, махнем сегодня с горя по стакашке, по поводу закрытия нашего несчастного «Сириуса», так вот, давайте и махнем, да только по поводу дива-дивного. Нет, вы только представьте: если правительство Москвы постановит нас поддержать, а как же может быть иначе, братцы, — у нас будет денег на все третье тысячелетие! И ведь смотрите, как совпало — те же два месяца — через два месяца с нас снимают финансирование и через два месяца нас заслушивает правительство Москвы. Так и инфаркт схватить недолго. Катя, не ошибитесь там в бумажках и переговорах во всех этих кабинетах. Да ладно, шучу я. Заживем! — замахал он над головой бутылкой «Пшеничной»...

В ГУМ к фонтану Катя прилетела, чуть не приплясывая.

Они ходили по бутикам, перебирали бесконечные стойки с платьями, костюмами, пиджаками, а мама все продолжала расспрашивать: а что мэр? а что этот в галстук? а ты что сказала?

— Вот, — вдруг маму обуяла сумасшедшая идея, — вот что нужно. — Она держала в руках тонкую струящуюся ткань почти с искрой: выполненное с необыкновенным вкусом длинное вечернее бежевое платье.

— Так это же для топ-модели легкого поведения, — сказала Катя, и им обоим сказанное вдруг показалось смешным, что они ухватились за стойку и зашлись таким смехом, что все вокруг недоуменно обернулись.

Когда Катя, примерив это платье, глянула на себя в зеркало, она увидела обольстительную жрицу любви — грудь открыта почти на грани пристойного, бедра под бесплотной тканью вызывающе обнажились.

Никогда Катя и мерять бы такое не пошла, но сегодня она была словно пьяна от произошедшего на выставке и, сама удивившись себе, малодушно махнула маме, — а что, покупаем!

Глава 2

...Вот уже почти неделю Катя работала в префектуре.

Душа — пела! Сбывалось все, о чем мечталось.

И судьба их несчастного «Сириуса» вдруг волшебным образом изменилась с минуса на плюс. И черная перспектива для самой Кати оказаться выброшенной в никуда — вмиг улетучилась. И сладко щемило от возложенного на нее ответственного поручения.

Какое огромное будущее вырисовывается у того дела, которое они делали с Палычем — заменить всю систему энергообеспечения многомиллионного города! И в центре ответственности, по правую руку от Палыча, рядом с крупными руководителями города — всюду будет она, Катя!

Нет, она не выросла в собственных глазах. Она всегда про себя знала, что в любом, самом серьезном деле не подкачает. Она утроит четкость и собранность.

Вот заседает правительство Москвы, красный бархат, тяжелые царские люстры, инкрустированный лакированный паркет, доклад делает Палыч, мэр слушает, а каждое слово, каждая буква — подготовлены ею, Катей. Все встают, аплодируют. Катя с Палычем выходят из зала, их окружает толпа журналистов, камеры, яркий свет юпитеров. А вечером они с мамой смотрят в новостях на нее, на Катю, как она

стоит рядом с Палычем, а он весело и обстоятельно рассказывает про необъятные горизонты дела...

Боже мой, — Катя зажмурила глаза, — а ведь вправду, все будет именно так! И не почему-то, а потому, что установка и в самом деле гениально сработала на экспериментальном здании!

Кате выделили стол в маленькой комнатке, где за другим столом сидела пожилая расплывшаяся бесформенная женщина Антонина Дмитриевна.

Комнатка оказалась буквально через три двери от кабинета Спиридонова.

— Катерина Владимировна, Юрий Иннокентьевич просит вас зайти с материалами, — сказала трубка голосом секретарши — молоденькой смущающейся девчушки Ксюши.

Катя захватила стопку бумаг и пошла к кабинету Спиридонова напряженным, уверенным шагом, как пошел бы гимнаст к снаряду, зная, что выполнит упражнение на отлично. Катя ощущала здесь, в префектуре, свою значительность как специалиста.

Он кивком пригласил ее к столу, заканчивая телефонный разговор.

— Какая часть материалов готова? Покажите.

— Материал в работе, а вот сравнительную справку по использованию технических новинок в энергосистемах городов передовых стран можно посмотреть.

Пожалуйста.

Он прямо при ней углубился в чтение. Ее поразило: дважды звонил телефон, и дважды заходили сотрудники префектуры (без стука — отметила она про себя), а ей показалось, что он не отвлекался.

Настолько он не терял нить какой-то глубоко внутренней сосредоточенности.

Он закрыл последнюю страницу: — Отлично, продолжайте!

Улыбнулся ей, вернул текст и повернулся к телефону, показав тем самым, что аудиенция закончена.

Катя деловито кивнула и вышла, а внутри у нее гремел марш. Она и без того знала, что сделает все безукоризненно, но его оценка стала просто приятным подтверждением.

Он попросил ее заходить к нему без стука по любому большому или маленькому вопросу. И, действительно, один-два раза в день она заходила. То надо было узнать

объем жилого фонда, то потребовались технические характеристики отопительных систем... Он оперативно добывал все сведения. Каждый раз чуть позже Ксюша заносила Кате эти сведения, записанные ее ученическим почерком.

Стиль работы Спиридонова ее восхитил — такого она не видывала. Если он приезжал откуда-то и в приемной толпился народ, а такое было всегда, он не заходил в кабинет, а по полминуты разговаривал с каждым — тут же, в приемной, стоя, при всех, и в итоге почти все вопросы здесь же и решались. Иногда он уже слушал следующего, накладывая на прошение резолюцию, нагнувшись к ксюшину столу.

И только двоих-троих оставлял для специального разговора. Но видела она и этот специальный разговор. Беседуя с посетителем, он одновременно отвечал на все звонки (предельно коротко, буквально в два слова), а также попутно решал вопросы постоянно входивших без стука сотрудников префектуры.

Иногда их рядом с ним стояло даже по несколько человек сразу. И при этом у посетителя не складывалось впечатления, что Спиридонов отвлекается, — вот что удивительно.

Как-то Катя читала про способность японских гейш за церемонией чаепития одновременно вести беседу с несколькими гостями, участниками ритуала, и при этом у каждого остается впечатление, что весь вечер беседовали только с ним. Подобной магией обладал и Спиридонов. И только один раз она оказалась свидетелем совершенно иного разговора с посетителями. Их было трое — с маленькими кожаными сумочками-барсетками — в руках и с необыкновенно начищенными ботинками. Новые русские.

И в самом деле от их морд веяло самодовольством и криминалом. Спиридонов сразу вышел к ним в коридор, и там они довольно долго тихо говорили у подоконника. Значит, есть чего скрывать, значит, речь про деньги, подумала Катя, и, значит, в его кабинете все прослушивается. Вот она какая, власть — работать работает и неплохо, а своего не упустит.

Перед Спиридоновым всегда лежал большой лист бумаги, но не простой, а почему-то лист миллиметровки, и он поминутно что-то в нем помечал крестиками, кружочками, стрелочками, иногда записывал туда имя или телефон, а то и зачеркивал целый участок. Весь лист превращался в карту сражения.

И у Кати заронилось подозрение, что Спиридонов не здесь, не в своем кабинете за столом, где все его видят, — он на самом-то деле в том сражении и там, как полководец, непрерывно думает какую-то свою мысль, а все общение ведет лишь внешней оболочкой. И — самое поразительное — не устает за огромный рабочий день.

С некоторой озадаченностью Катя стала ловить себя на мысли, что любит Спиридоновым, что ей нравится подмечать все новые и новые его черты.

И ей доставляла радость мысль, что она сможет в паре с таким классным работником проработать целых два месяца над большим и ответственным делом, делом, от которого зависит будущее многомиллионного города. В общем, все шло классно!

...Мах — наклон. Еще мах, еще наклон. Катя смотрела на себя в огромное, во всю стену зеркало, смотрела, как ее отражение выполняло физические упражнения. Она ходила в спортзал уже несколько лет, как раз с тех пор, как еле-еле выжила от той травмы в личной жизни. Тогда ей было не просто плохо, а черным-черно в глазах, но что-то внутри требовало — не сдавайся, не опускай руки! И как-то в троллейбусе, который чуть не полчаса стоял в пробке у Белорусского вокзала, она в толпе вынужденно смотрела на обложку журнала, который читал пассажир. И вдруг до нее дошел смысл слов, вынесенных в заголовок: лечись спортом! Она, человек организованный, восприняла эти слова как указание свыше. В тот же вечер пришла в соседнюю с домом среднюю школу, где в цокольной пристройке были организованы вечерние оздоровительные группы для взрослых.

А что — фигура что надо! Просто секс-бомба, с безразличным удовлетворением оценивала она свое отражение в трико. Тело с удовольствием, прямо-таки с томлением уставало от нагрузок. Завтра набираем материал на компьютере и — боже мой, как здорово! — Катя на секунду в блаженстве закрыла глаза, — именно завтра предстоит первый полный показ Спиридонову. Она предвкушала самую высокую — сначала его, Спиридонова, потом мэра, а потом... — потом потрясающее постановление правительства Москвы по проекту «Сириуса»! А потом...

Господи, что потом-то будет? Вот что: со Спиридоновым будут созваниваться по рабочим вопросам как уважаемые люди, а потом...

А что потом — почему-то не придумывалось, да и неважно, и до этого момента думать было исключительно приятно. Допустим, допустим все будет скромнее, пусть это все мои фантазии. Но почему и что может быть иначе? Мэр проявил интерес? — Да. А авторитет Палыча и всех его разработок вообще вне сомнения. И городу объективно все это нужно? — Да! Господи, хорошо-то как! Еще мах, еще наклон. Все именно так и будет!

... Они с Антониной Дмитриевной уже словно две подруги вместе ходили в столовую. А сегодня та почему-то несколько слов сказала про Спиридонова.

Он, оказывается, был «молодым да ранним» директором одного, расположенного здесь, в районе, некрупного оборонного завода, который благополучно без госзаказа рухнул, как и вся оборонка. А префект, который в прошлом был начальником главка крупнейшего союзного министерства, Спиридонова лично знал, вот и «подобрал» его. Спиридонов, оказывается, завидный жених — он уже приличное время разведен, но бесполезно на него делать ставку — вконец, испортился, истаскался мужик в холостяцестве.

— И что: так и не женился вторично? — Катя попыталась спрятать свое бабское любопытство про то, есть ли у него женщина.

— Есть, есть у него женщина, он их меняет одну за другой, — впрямую ответила Антонина Дмитриевна именно на потайную часть вопроса. — Не стоит он внимания, поверь мне, — хам и циник.

Ах, вот оно что, сообразила Катя. Эта бесформенная, расплывшаяся пенсионерка, которую, если не знать, что она добрый и умный человек, впору назвать жабой, засекла-таки, что у Кати появился к Спиридонову микроинтерес, и спешит предостеречь.

Да, у женщин на это дело глаз-алмаз. Но напрасно Антонина старается, это совсем не то, что она думает, не шуры-муры всякие, тут у Кати люки задраены навсегда, а просто Кате всегда нравилось, когда кто-то классно работает.

— Катерина Владимировна, зайдите к Юрию Иннокентьевичу с материалами, — позвонила Ксюша.

Свершилось. Катя поднялась, собрала бумаги, направилась к двери. И почему-то, выходя, споткнулась на ровном месте.

Она увидела совсем другого Спиридонова. Он сидел будто бы совершенно недвижимо и пальцами подкидывал и ловко ловил ручку. Смотрел в одну точку. Лицо было подернуто ухмылкой, но от этой ухмылки становилось не по себе. Он не кивнул ей.

Катя поздоровалась и передала ему стопку скрепленных материалов. Спиридонов, не меняя позы, страницу за страницей стал перелистывать — видно, что не читал, а как бы удостоверился, что именно написано на странице. Завершив, он отодвинул от себя стопку.

— Вы, что, намерились провалить дело? Наш мэр, когда обращается к женщинам, говорит так: вы хорошо работаете, но больше так работать нельзя. Что это вы тут понаписали? Он поднял один материал — откинул, поднял другой — откинул. Ну ладно, вы не понимаете, что делать, но ведь вы втянули префектуру, достанется-то нам!

Над Катей разверзлось мировое пространство.

Как-то в детстве она случайно со всей силы лицом стукнулась об угол стены. Сейчас то ощущение вернулось: она была точно в таком же болевом шоке.

— Что-то не так? — сжав свои чувства в кулак, через силу бесстрастно спросила она.

— Все не так. Скажите своему академику, либо пусть сам пишет, либо присылает кого-нибудь потолковей.

Катю избили баграми.

— Прошу вас сформулируйте критику конкретно, — кто-то внутри ее уже немного очухался и переходил к активной обороне.

— То, что здесь написано, это сказки, воздушные замки. А исполнительная власть в городе — это механизм, который требует контроля. И какой бы вопрос ни рассматривался, в первую очередь анализируется ход исполнения всех предыдущих постановлений на эту тему, Спиридонов отчеканивал фразу за фразой со смесью льда, омерзения и садизма.

— Вот что главное, а не прожекты. Вы проанализировали, — Спиридонов приостановился и в упор довольно долго посмотрел на жертву, вы проанализировали весь перечень постановлений правительства Москвы по энергетике? Вы рассмотрели свои вопросы именно с этой точки зрения: как сработала исполнительная власть города за предыдущие периоды? Нет. Тогда что все это такое? Так, в корзину.

- Но мы же не знали, что вопрос надо готовить именно так, как вы сейчас говорите,
- еле слышно, но твердо сказала Катя, которая никогда в жизни не получала двоек.
- Ну и что — не знали, что — возиться с вами, делать за вас? Извините, некогда...
- Я не поняла — вы меня отстраняете от работы?
- Я? — Нет. Нет у меня таких полномочий. Вы представитель своей организации.
- Но вы лично считаете, что я должна быть отстранена от этой работы?

Катя наклонила голову и смотрела перед собой, прямо на маленькую выбоинку в поверхности стола.

— Слушайте, — он досадливо поморщился, — вот сейчас все брошу и буду заниматься тем, кто от вас должен готовить всю эту писанину. — У Кати расширились глаза. — Работайте, работайте, мне все равно — кто от вас здесь работает, просто в таком виде не пройдет.

— Но вы... — зажмурившись, начала было Катя.

— Ну какого тебе еще рожна?! — заорал он, и Катя в неопишемом ужасе открыла глаза.

О, боже! Оказывается, это он адресовал уже не ей, а появившемуся в дверях сотруднику.

Катя молча взяла материалы и пошла к выходу.

Глава 3

— Пойдемте, Катенька, выпьем по кофейку, расскажите мне, что стряслось, — захлопотала Антонина Дмитриевна, которой было достаточно только взглянуть на вошедшую Катю. Катя молча безропотно подчинилась. Они молчали и в коридоре, и в лифте, и в маленькой очереди за кофе. Катя, полуобернувшись и прищурившись, смотрела на отблеск солнца в стеклах стоящего напротив здания.

За кофе Катя выдавила из себя бесцветным голосом всего два предложения.

— Он считает, что работа в таком виде не может быть представлена на заседание правительства Москвы, материал должен быть основан на анализе предыдущих постановлений правительства по энергетике городского хозяйства, — сказала, а сама думала про то, как сейчас объявит Палычу о самоотводе с этого задания.

— Катюша, господи, не переживайте вы так, бросьте, выбросьте из головы — слышите? Вы просто очень многого не знаете. Спиридонов — прожженный карьерист. Для него существует только карьера и больше ничего. По слухам, к осени мэр сделает в чиновной пирамиде огромную чистку — половину из десяти префектов заменит сразу, в один день. Спиридонов на неплохом счету у мэра, и он сейчас жаждет только одного — попасть в обойму предстоящих назначений. И это вполне реально.

Поэтому он не видит ни людей, ни обстоятельств, если надо перешагнет через все. И вас, Катюша, он между прочим, тоже не видит...

— Мне-то что с того, — попыталась перебить Катя, которая ничего слышать про Спиридонова не хотела.

— Подождите, дослушайте. Его сейчас очень сильно подставили. Просто жуть, какую подставили подножку.

Мы здесь в аппарате все знаем. В городе по чистой случайности предотвращена чудовищная катастрофа.

Какая-то бригада наладчиков отремонтировала шлюзовые ворота, там, где река входит в город.

А зарплату им задерживали. Вот они одну воротину сделали, а вторую делать не стали — раз денег нет. И ушли. Об этом узнали в последнюю минуту, в момент когда уже должны были пустить воду. Пол-Москвы бы затопило. И враги Спиридонова, которые прекрасно знают, что у него неплохие шансы пойти на повышение, представили мэру дело так, что якобы во всем виноват именно Спиридонов, хотя он здесь абсолютно ни при чем.

— Ну так он должен пойти и объяснить мэру, что невиновен.

— Ну что вы, — невесело засмеялась Антонина.

— До мэра — как до неба, не добраться. Бывает, что и вице-премьер по несколько дней не может попасть к нему в кабинет и доложить вопрос.

До того у хозяина забит график. А уж зампрефекта, — она махнула рукой, — в этой игре мелкая фигура, ему в тот кабинет в жизнь не прорваться, а тем более с такой повесткой. Он может встретиться с мэром и регулярно встречается, но только, когда мэр его вызывает. Поэтому Спиридонов вынужден принять всю клевету и, не

оправдываясь, пережить тот факт, что, с точки зрения мэра, он на годы вперед — разгильдяй, достойный отставки.

Сегодня мэр позвонил прямо Спиридонову, что-то ему сказал — видимо, четвертовал, как это у них принято, ничего в ответ слушать не стал, а просто бросил трубку. Это, кстати, все наши видели, потому, что именно в этот момент Спиридонов проводил совещание аппарата.

— Антонина Дмитриевна, слушайте, но я-то здесь причем?

— Катюша, просто я хочу вам пояснить — вы попали к Спиридонову в черный для него момент, у него перечеркнута вся карьера. Хотя, конечно, Спиридонов и по природе — хам, искренне считает, что люди — всего лишь малоценные вещи. Это его стиль — ломать всех и всегда. Он просто-таки неспособен работать с другим человеком на равных, обязательно надо принизить, подчинить. Хам и циник.

А теперь, Катюша, не обижайтесь, скажу, положи руку на сердце, он совершенно справедливо завернул ваш материал. Требование, которое он выдвинул, — действительно неременное, без этого мэр просто высекает и прямо с трибуны выгоняет из зала заседаний.

— Так почему же мне раньше не объяснили?

— Вот и объяснили. Это таким способом здесь объясняют. А раньше ему было не до вас. Да не огорчайтесь вы, я вам помогу, подскажу, у меня есть опыт в таких делах.

— Спасибо, да уж видно не мне потребуется помощь, — отстраненно усмехнулась Катя.

Причина разочарования — очарование, корила себя Катя. Уж не девочка, взрослый человек, а растаяла, увидела энергичного мужика и давай придумывать за него его образ. Вот и получила. А он тебя в грош не ставит. Вообще в упор не видит. Срочно, срочно выкинуть вон из головы дурь с идеализацией первых встречных поперечных. Возвращаемся в родную, привычную броню: собранность и ломовая работоспособность.

...Катя поглощала один за другим тексты прошлых постановлений правительства Москвы, справки, доклады, развернутые записки специалистов — все, чем ее вооружили с помощью Антонины Дмитриевны.

Палыч сумел ее разубедить в попытке снять с себя задание. Во-первых, она вошла в дело, и он ей доверяет, во-вторых, Спиридонов объективно прав, а эмоции надо отбросить, а, главное, этот инцидент становится исчезающе малой величиной, если посмотреть на него с позиции нужности для города того дела, которое Катя делает. Это нужно десяти миллионам человек! И что важно: Спиридонов ведь не запрещает работать, наоборот, он в нелицеприятной форме — но помогает, показывает — как должно быть правильно. Плюньте на эмоции, мужайтесь, я в вас верю, — Палыч с любовью пожал Кате руку.

Господи, и этот прав. Все правы, кроме нее, она одна в дерьме по нижнюю губу.

Первоначально вникать в логику решений городского хозяйства, в особый чиновный язык текстов было трудно. Но постепенно Катя поняла, сколь полезную часть работы делает и насколько, черт бы его побрал, действительно прав был Спиридонов.

Она-то думала, что их техническое новшество махом заменит какую-то косную устаревшую систему, которой заняты недалекие, чуть ли не глупые люди, ибо как же можно заниматься тем, что заведомо устарело и, видимо, приносит только вред. А что оказывается? Оказывается энергетическое обеспечение города — огромный напряженный труд тысяч и тысяч людей, совсем неглупых, отличных специалистов, и надо благодарить Господа, что все это работает. Катино наивное презрительное отрицание вдруг сменилось на почтение. Более того, ей стало очевидно, что если представить себе — как мановением волшебной палочки старая энергосистема города, допустим, будет полностью заменена их установкой на крыше каждого пятого дома, то поддерживать жизнеспособность этой, уже новой системы будут все те же люди, с той же ответственностью перед многомиллионным населением.

И на самом деле оказалось, что все материалы надо кардинально переделывать.

Она столкнулась со Спиридоновым у лифта. Он выходил с каким-то гораздо более взрослым дядькой, но почему-то называл его на «ты».

— Вот, познакомься, женщина-писатель, Агата Кристи. Ну что у вас там, движется?

Ох, лишусь я головы из-за вашего писательства! — весело подытожил он.

«Лицо каменное, ноль эмоций, шагаем в лифт», — скомандовала себе Катя. Он ничего не успел гадкого добавить — закрывающиеся двери лифта разделили их взоры.

Издевается! И пусть. Она мысленно его уже держала за противника и ждала удара еще. Иронизировать начал — да неумно-то как! Принизить ее, точнее — унижить. Да пошел ты на три веселых буквы!

Я дело делаю, и плевать мне на тебя с высокой горы.

Как должностное лицо, ты обязан мне содействовать по той простой причине, что само дело — исключительной важности для города. Катя искала в душе своей незащищенное место — куда еще может достать его удар. Нет его! Романтизм отброшен, концентрация на деле. Он — профессионал, и она — профессионал, общаемся только в этой плоскости.

— Катерина Владимировна, зовет, — Ксюша вызвала ее снова на плаху. Катя собралась. Так змея кольцами собирается перед броском. Только тронь меня! Предыдущее задание выполнено!

Она вышла из своей маленькой комнатки, сжав зубы, под коленями чуть холодило, и увидела Спиридонова.

Он стоял в дверях своего кабинета, широко улыбаясь, но не ей, а, вытянув руку в сторону уходящего гостя: — Заглядывать слишком далеко вперед недальновидно, говаривал старик Черчилль, — и они оба многозначительно рассмеялись.

«Шикарен, мужественен, умен», — мелькнуло в голове Кати. «Чур меня, чур», — она вновь собралась, тем более, что он теперь, еще не сняв улыбку, смотрел в упор на нее.

— Ну что? — задал он бессмысленный вопрос, на который не требовалось ответа, вопрос этот просто вносил определенность — кто из них двоих имеет право взыска. Но главное — не пошелохнулся. Катя было замедлила шаг, но поняла так, что он ее пропускает.

Она решительно пошла вперед, хотя для этого пришлось пройти, едва его не коснувшись.

Его грудь атлета приподнялась. Совсем рядом оказались голубые навикате неподвижные глаза. И непонятно: то ли во взгляде запрятана ехидная приколистая мысль, то ли он вообще ее не видит, а смотрит насквозь. «Гипнотизер», — с досадой подумала Катя, поняв, что в ней, — в солдате, идущем на сражение, вдруг колыхнулось совсем незнакомое, ненужное чувство, унять которое

потребовалось усилие. Он шел сзади, она не оборачивалась, но было ощущение, что спина освещена прожектором.

Спиридонов смотрел тексты очень странно: внимательно вчитываясь в один-два абзаца на странице, но выхватывал их из страницы по непонятному принципу.

— Не пойдет, — заключил он буднично и нарисовал треугольничек на миллиметровке, зачеркнув там что-то еще.

Катя почувствовала не крушение, а какую-то опустошенность.

— Почему, — деревянно осведомилась она.

— Потому что детский сад.

— Прошу вас конкретнее, — в Кате вдруг закипела злость.

Он будто понял, что она готова хватить кулаком по столу, и потому намеренно долго стал изучающе разглядывать ее. Провоцировал, чтобы взорвалась.

«Не дождешься», — Катя мысленно закусила матросскую ленточку.

— На перевооружение энергосистемы у города денег нет. И не будет никогда. Ваш проект по мере внедрения должен поэтапно оплачивать сам себя и, к тому же, приносить городу чистый доход. Вот эта поэтапная экономика внедрения и должна не просто в вашем тексте быть, она должна стать центром доклада, кроме того, абсолютно убедить слушателей.

А где это все?

Безысходная тоска человека, которому никогда не переплыть океан на лодке, — вот что завладело Катей.

— Юрий Иннокентьевич! Если вы будете говорить мне требования к материалам с такой задержкой, — она старалась говорить отдельно и четко, но мышцы лица не очень-то слушались, — пострадает дело, и проект просто не пройдет через утверждение правительства Москвы. — Ее щеки запылали.

— Ну и хрен с ним, с вашим проектом, — этот хам то ли от глубины равнодушия еле подавил зевок, то ли это был театр.

— Что?! — Катя едва не вскочила. — Простите, я не понимаю вас. Вы, что — против проекта?

— Ну ладно, я должен звонить, идите, работайте.

Неделю вам на полное завершение, а потом пойдем к депутатам гордумы.

Она встала.

Он уставил на нее свои неподвижные голубые глаза снизу вверх: — Таких проектов в Москве — как раз миллиард плюс один. За каждой кочкой. Водоснабжение — полсотни сумасшедших размахивают гениальными изобретениями.

Освещение улиц. Утилизация мусора.

Транспортные развязки. И тэдэ и тэпэ. И все думают, что они уникальны, и все ждут, что город сейчас заплатит им несметные суммы. Конечно, в каком-то абстрактном смысле все это или, скажем так — многое, — полезно было бы внедрить. Но жизнь — куда сложнее, дорогая Катерина Владимировна.

«Никакая я тебе не дорогая», — Катя развернулась и вышла.

Руки Кати не дрожали мелко, когда она собирала портфель под пристальным взглядом Антонины, но и нельзя сказать, что хорошо слушались.

— Не обидел он вас сегодня, Катюша?

— Нет, все нормально, — она пыталась казаться спокойной. Еще раз указал программу действий. Я поеду в «Сириус», мне надо посоветоваться с нашим академиком. Завтра приеду и доложу про требования Спиридонова подробно — ладно? До свидания.

Она зашла в приемную к Спиридонову предупредить Ксюшу, что уезжает, и услышала, как он говорит с кем-то по телефону — дверь в его кабинет как всегда была открыта: — Да прислали тут одну. Типа аспирантку. Что-то там кропает, — он как-то мерзко рассмеялся. — Это ты помнишь — закон проезжей части: женщина за рулем, что обезьяна с гранатой. — Теперь, видимо, ржал собеседник. — Не-е, она мне для этого не нужна, у меня этого добра знаешь сколько...

Они с Ксюшей, застыв в столбняке, в ужасе смотрели друг на друга. Катя развернулась и хлопнула дверью, она шла быстро, и ее душили слезы...

Глава 4

Катя разговаривала с Палычем почти как во сне.

Он вдруг весело, а отнюдь не с испугом и не с растерянностью отреагировал на требование представить поэтапную схему самоокупаемого внедрения.

Стал приводить пример из прошлого — про какое-то очень трудное внедрение масштабного проекта в советские времена. Катя слушала и не слышала, говорящий Палыч был словно изображение в немом кино. Она не совсем понимала это свое отстранение от действительности, но такая отрешенность была абсолютно знакомым состоянием. Поза самозащиты, защиты медленного, но верного хода мысли в поисках точки опоры.

— ...И представьте себе, заходим мы к министру, — расхохотался Палыч...

«Ценность мне ноль». «Ноль?» «Нет, неправда », — думала Катя, глядя на увлеченного своим рассказом академика. «Почему же ноль?» «Если ноль, то кому же не ноль?» «Ему», — перед ее глазами вдруг возник образ Спиридонова, что-то властно говорящего в телефонную трубку. «Нет, и ему цена ноль». «И над ним есть люди, которые его дело и все его понимание держат по цене окурка».

«Нет, и это неправда». «Он нужен». От его огромной деятельности жизненно зависит десятая часть Москвы. Пусть все, что заполняет его трудовой день, — мелкое, безличное, повседневное, но для целого миллиона людей, что проживают в его округе, — это отнюдь не мелочи.

— ... добились-таки внедрения, за что стали лауреатами Госпремии...

«Вот Палыч — оптимист, значит нельзя опускать руки», — мысль Кати двигалась медленно, но неотступно. «Нет, и мне цена не ноль. То, что мы делаем — важно. Как бы он не обсмеивал. Да и вообще, причем тут он?» Палыч завершил рассказ. Смотрит на Катю смеющимися глазами.

— Спиридонов, по-моему, нам не в помощь, — ровно и безучастно сказала Катя.

— Да лишь бы не очень сильно мешал. Я этих чиновников перевидал — армию. Главное в их натуре — профессиональное равнодушие...

«Вот оно — равнодушие! Точное слово. Вот что не давалось пониманию. Не то, что снова надо переделывать.

Не то, что она была оскорблена. Он равнодушен! Равнодушен к существу их с Палычем дела — вот что резануло, вот что стало по-настоящему новым знанием. Что это за дело он делает, что к их новшеству — такому важному! — можно быть равнодушным?» — А как же вы думаете, Катя, вообще в нашей стране появлялись

новинки техники? Приезжает руководитель министерства на завод, а ему заводчане показывают новый трактор в поле на испытаниях.

Тот изумлен: какой трактор, откуда, за какой счет? Не было его ни в планах министерства, ни в программе завода! Значит никакого нового трактора и быть не может! А вот поди ж ты: он есть! И на твоих глазах переворачивает ровную борозду. Горе-горькое — эти чиновники. Все лучшее тогда специалисты подпольно делали. На чиновника, как и в охоте на медведя, шли большие мастера своего дела, а в результате — была великая держава. Именно так, в борьбе с чиновником появлялись спутники, корабли, станки, электростанции — все! А огорчаться по поводу бюрократов — пустое дело! Бросьте. Выкиньте из головы. Чиновники — это не люди. Все, что свято для людей, — в их головах полностью перевернуто. У них своя, только им ведомая иезуитская логика. Интриги, тайны мадридского двора — вот чем заняты их головы, а для любого живого дела они — мертвецы.

«Нет, все не то. Точка опоры не найдена. Ну ничего. Надеваем броню. Человек долга. Блеск и четкость. Ведь улыбка — это флаг корабля».

...Как-то жалостливо, неуместно, исподволь появлялась в Москве весна. В этом скопище автомобилей, выхлопных газов, в этой спешке прохожих — с какой стати вдруг просунуться кончику живой травинки где-то рядом с бездушной уродливой урной или за чугунной ножкой скамейки, зачем на ветке проклюнуться почке, если ее никто не заметит?

Катя не спеша, с удовольствием шла от Грибоедова вдоль по Чистопрудному бульвару. Это ее любимый маршрут.

Палыч оказался асом в обосновании экономики внедрения новшества. Катя неделю проработала с ним локоть к локтю в лаборатории, в префектуру не ездила.

Душа была замерзшей, недвижимой и спокойной — Катя знала: точка опоры наконец-то вот-вот ее мыслью будет найдена, торопить не надо. Материалы опять, в третий раз приготовлены, она привезла их в префектуру. Его на месте не оказалось, Катя оставила их для Него у Ксюши. Вчера вечером Ксюша позвонила, сказала, что он материалы прочитал, что они полностью приняты и что на завтра, на час дня, назначена встреча с депутатом городской думы Румянцевой. Спиридонов ждет их с академиком Лодеевым в двенадцать тридцать в префектуре.

«Материалы приняты» — вот и отгадка всему, и найдена наконец точка опоры. Месть — точка опоры.

Их дело с Палычем — будет утверждено. Иначе быть не может! И развернется их дело — на весь город. И будет она, Катя, фактически в центре всего этого водоворота. Вот и умоется Он со всеми своими мелкими шуточками, смешочками, приколками.

Больно душе, не больно, а гонщик на трассе должен выигрывать. Победа и есть то, что хочет-не хочет, но признает противник.

Еще прикусишь свой язык-то, мысленно пригрозила Ему Катя.

Она, направляясь на встречу с Ним в префектуру шла по Чистопрудному бульвару. Шла одна, без Палыча. В последнюю минуту Палыча куда-то по телефону вызвали, и он сказал, что в префектуру ехать некогда, и он прибудет в гордumu прямо к назначенному часу.

Молодая пара прямо перед ней вдруг остановилась, юноша и девушка, не обращая внимания ни на кого, слились в поцелуе.

Катя с подчеркнутым безразличием прошла мимо, но образ изогнутой девичьей шейки остался перед глазами. Катя прямо-таки физически почувствовала на своих губах упоительное прикосновение губ... Кого? Чьих губ? Она ожесточенно отринула наваждение и села в подошедший трамвай.

Что-то кольнуло ее, когда она увидела Спиридонова.

Она крепко сжала ручку портфеля. Он был опять в потрясающем галстуке, в безупречной сорочке, сильный, коренастый, уверенный. Но главное — поздоровавшись, как-то по-особенному мельком взглянул в глаза Кате, будто хотел найти в них ответ на занимавший его исподволь вопрос.

«Месть, — спокойно и даже с некоторой сладостью напомнила себе Катя, — ты у меня запоешь».

И равнодушно кивнула. Он без привычного театра изложил целую программу доработок, но не сейчас — позже, время торопит, и пора проводить вопрос через гордumu, в таком виде его уже можно депутатам показывать. Более того, Он, оказывается, уже два дня как переслал все материалы Румянцевой, самому дельному депутату.

— Давайте выедем пораньше, а то в центре сплошная пробка.

Они сели в его черную «Волгу» и в миг, когда он усаживался с ней на заднее сиденье со стороны другой дверцы, они коснулись телами.

Катя отпрянула к своей дверце, чтобы между ними оставалось безопасное расстояние, но почему-то прикосновение стальных мышц его плеча ей было приятно.

Он ее оскорбил, он для нее пустое место, она временно вынуждена с ним общаться по делу, на все только «да» и «нет», она знать его не знает и не хочет знать. В игру в выдержку она переиграет кого угодно.

Мимо окон проплывали абсолютно, до боли, до мельчайших деталей знакомые виды Москвы. Он без каких бы то ни было приколов расспрашивал про лабораторию, про создание энергоустановки.

Катя отвечала односложно, почти не отрываясь от окна. Но не так, чтобы надуту, не так, чтобы невежливо.

«Ты получишь только безупречную маску, а что за ней — тебе не узнать».

И он как будто принял игру. Вот продолжает расспрашивать, как будто ему на самом деле интересно.

Распускай-распускай павлиний хвост — не расколешь.

Она обернулась к нему ответить на очередной вопрос, а перед глазами вдруг всплыла шейка девушки в изгибе для поцелуя. Катя сразу же отвернулась к окну. Машина стояла. И впереди, сколько открывалась улица, — все движение стояло: машины, машины, машины.

Он глянул на часы.

— Катерина Владимировна, нам проще отсюда пешком — тогда успеем, а так не ровен час — опоздаем еще. Пойдемте!

Они шли по самому центру. Вот в лесах Большой театр. Что-то с Ним сегодня произошло. Будто в грузинском или испанском танце — но какой-то неуловимый элемент бережного галантного ухаживания чувствуется в каждом Его движении, в каждом взгляде, вопросе.

Им дорогу преградила женщина в фартуке поверх пальто.

— Купите вашей жене цветы, вот этот букет, — обратилась она к Спиридонову.

Они молниеносно с изумлением и чуть-чуть с испугом взглянули в глаза друг другу. Катя с полуулыбкой шагнула дальше, но Он остался стоять.

— Катерина Владимировна, секунду, — Она с оттенком досадливого недоумения обернулась. Он, протягивая женщине купюру, другой рукой забирал у нее букет прекрасных белых хризантем.

Катя, чуть подернув плечом, повернулась и пошла дальше. Спиридонов в два шага догнал ее: — Катерина Владимировна, прошу, послушайте меня, пожалуйста. Я виноват перед вами и очень неловко себя чувствую. Мне Ксюша рассказала, что вы слышали, как я говорил по телефону... ну, в общем...

— про гранату.

Катя не поворачивалась, шла прямо.

— Катерина Владимировна, не обижайтесь! У вас нет никаких оснований на меня обижаться. Я ничего плохого в ваш адрес не говорил и не имел в виду. А водительский мужской фольклор, — он загородил ей путь, встал перед ней, говоря одновременно ласково, властно и просяще, — ну разве можно на него обижаться, он на то и фольклор.

Он протянул ей цветы, но Катя отступила на полшага и мотнула головой.

— Катерина Владимировна, мы вступаем с вами в финальную часть подготовки важного мероприятия.

У нас с вами должен быть крепкий деловой мир.

— Мир? — предложил он и снова протянул ей цветы.

Катя глубоко вздохнула.

— Ну и куда я с этими цветами, что я с ними буду делать в госучреждении?

Она приняла цветы, но стояла с ними в нерешительности.

— Пойдемте, время. А про цветы не беспокойтесь, я договорюсь, их примут в гардеробе.

Что-то спуталось в стратегических установках Кати. Он шел рядом молча, больше не спрашивая ни о чем, она шла с цветами в руках, опустив очи долу.

«Мечь», — повторила она про себя заклятие, мысль пробежалась по всей цепочке выстроенных заключений и вроде бы даже мысль вошла в свою колею, но почему-то

столь железобетонная ранее платформа аргументов в этот момент не показалась Кате столь же убедительной, как раньше.

Катя никогда не знала, где находится городская Дума. Но шли они удивительно знакомым маршрутом.

Вот прошли ЦУМ, пошли по Петровке, вот начало Столешникова, ресторан Будапешт. Удивление — так где же здесь может быть Дума? — сочеталось в восприятии Кати с ожиданием чего-то важного, что должно здесь произойти. Ее идеал самое себя — безупречного уверенного специалиста — за время подготовки материалов оказался на зыбкой почве. Одно дело — она была абсолютно уверена в безусловной необходимости их энергоустановки для города. Но общение с Ним как-то поколебало эту уверенность.

Оказалось, что эта самая нужность городу — недостаточное условие. А что нужно еще — для нее было абсолютно неясным. Все-таки незнание специфики городского хозяйства, проблематика города оказались большим препятствием. И это выбивало Катю из колеи. Как она могла быть уверенным в себе специалистом, если результат, к которому она шла с такой надеждой, не вполне зависел от ее усилий? Она, как в кислороде, нуждалась в каком-то прояснении ситуации. Но как раз от Него Катя ждала этого прояснения меньше всего. Наоборот, именно с Ним-то и связаны крушения такой ясной картинки, которую раньше она рисовала себе.

Она абсолютно незаметно, боковым зрением взглянула на Него. Его выпуклые голубые глаза сверкали.

Профиль был отнюдь не римский — нос чуть картошкой, но в чертах лица застыло спокойное упрямство, воля к победе. Он почувствовал взгляд и полностью повернул к ней лицо. Катя, чтобы смешать ситуацию, спросила: — Что, где-то здесь?

— А вот видите — флаг над следующим зданием?

Мы пришли.

Надо же, в маленьком уютном кафе напротив, через улицу они недавно всей лабораторией справляли торжество, а то, что здесь же находится и городская Дума, Катя так и не знала.

Какая она, Румянцева? Может, это Он все путает, может, все сомнения напрасны, и депутат Румянцева подтвердит ее, катину безусловную уверенность — их дело

городу нужно! Оттого, как Кате хотелось, чтобы это произошло, она вдруг глубоко вздохнула.

— О-о-о! Цветы? — у дверей в Думу стоял Палыч, сделавший картинно недоуменный жест. — По случаю?

— У Катерины Владимировны именины, — вдруг пошел на сверхрискованную импровизацию Спиридонов.

— Именины? — еще более картинно и еще более изумленно воскликнул Палыч и поцеловал Кате руку. — Поздравляю от всей души.

Катя почувствовала, что у нее заалели щеки. Деликатный и все подмечающий Палыч тут же отвел от нее внимание, мужчины пожали друг другу руки, обменялись приветствием, пропустили Катю вперед.

В бюро пропусков, которое было за стеклянной загородкой здесь же в холле, фактически не было очереди, через минуту у Кати с Палычем уже были пропуска.

Еще в шаге — гардероб. Спиридонов как-то незаметно и с блеском выиграл конкуренцию у Палыча: кто поухаживает за Катей, когда она снимала плащ. Он наклонился к гардеробщице и что-то шепнул ей, и гардеробщица с улыбкой взяла у Кати букет.

И прямо тут же — пропускные магнитные воротца с тремя милиционерами, один из которых придирчиво сверил документы Кати и Палыча. Спиридонову же милиционер просто кивнул.

В лифте, крохотной кабинке, в которую они вместились втроем, Палыч выразил удивление: — Вроде думская власть в городе не менее полномочна, чем мэрия, почему же депутаты терпят такую тесноту? Не сравнить с просторными апартаментами мэрии.

— Тут же во дворе здания они сейчас отстраивают себе большое помещение. Но вообще-то вы правы, — тут Спиридонов ухмыльнулся, — сущность является, а явление существенно.

Это последнее изречение было рассчитано не для катиных ушей, но она была отличницей в вузе и помнила, что это было известной формулой философии.

То есть Спиридонов намекнул на то, что подлинные полномочия депутатов значительно меньше, чем должны бы быть. Это что же — значит от депутатов мало что зависит? То есть Катя зря надеется, что депутат Румянцева защитит их проект?

И Катей опять овладело неприятно-тревожное чувство, что их дело, их надежда оказалась в такой смутной области, называемой городская власть, где она, Катя, абсолютно не ориентировалась.

Они вышли на пятом этаже, пошли направо по узенькому коридорчику и открыли дверь с надписью «помощники депутата Румянцевой, помощники депутата Колесова». Катя хотела было шагнуть и отпрянула: там была теснотища, как в купе поезда.

— Проходите ко мне, — раздался сзади женский голос, — здравствуйте, депутат Румянцева Анна Ивановна, — представилась немолодая женщина, — здравствуйте, Юрий Иннокентьевич. Василий Павлович, неужели вы, батюшки, как давно мы с вами не встречались!

Комната, куда они вошли, была столь же тесна, величиной с кухню, не более, которую почти полностью занимали три огромных стола, заваленные горами писем. Они втроем уместились за приставленным столиком, крышка которого была вряд ли больше портфеля. Катя почувствовала, что ее колени уперлись в Его колени, и ее словно шибануло током. Она собрала все свои силы, чтобы удержать видимость душевного равновесия, потому что Его голубые блестящие навывкате глаза оказались совсем рядом и впрямую уперлись в ее лицо. Катя отвернулась к Румянцевой, которая к ним присоединиться из-за тесноты не могла и вынужденно заняла место начальницы за своим столом. Румянцева уже открыла папку, в которой Катя угадала свои многострадальные материалы, и стала перелистывать.

Это длилось минуту, и Катя успела разглядеть Румянцеву. Это была женщина с простым очень русским лицом. Ни дать, ни взять — школьная учительница литературы в глухой российской провинции. Скромный на вид, но на самом деле дорогой и стильный — «скандинавский» шерстяной костюм. Лицо без косметики, а руки совсем натруженные, переделавшие за жизнь море домашней работы. Предельная сосредоточенность на деле.

Прекрасный женский образ.

Катя воспряла духом — на Румянцеву можно положиться, она поможет.

— Василий Павлович, — Румянцева обратилась к Палычу, не отрываясь от бумаг, хочу вам поставить пять с плюсом. Я второй срок депутатом, а так качественно подготовленных материалов не припомню.

Катя никак не изменила выражение лица простой серьезности, но внутри у нее возликовало: «Выкуси!

» Она посмотрела — не на Него, нет, а на его отражение в полированной стенке за спиной Руманцевой.

Он повернулся к той же стенке и в темноте отражения, хоть это и мистика, их взгляды встретились. Катя перевела глаза на Румянцеву.

— Анна Ивановна, это не мне оценка, а Екатерине Владимировне, сотруднику нашей лаборатории, — бесценный работник, рекомендую вам.

Румянцева быстро посмотрела на Катю, улыбнулась ей, и огромное облегчение вдруг свалилось на Катю, которая только сейчас почувствовала, как была напряжена все последние дни. Воодушевление, светлые перспективы, надежды — все-все, уже было забытое, словно вернулось.

— Но хочу вас огорчить, — Румянцева снова уткнулась в текст, — в таком виде материал не пригоден для представления на заседание правительства Москвы.

Небо опять разверзлось над Катей. Потрясенная, она повернулась и оказалась лицом к лицу с Ним. Он же, наоборот, нагнулся и кашлянул в кулак, но Кате показалось, что он таким образом еле скрыл самодовольную усмешку. Катя деревянным истуканом вновь повернулась к Румянцевой.

— Сейчас поясню, — Румянцева почему-то обратилась напрямую именно к Кате и заговорила с жаром.

— Есть ряд проблем города, которые превращаются в вечные. Это, например, проблема транспортных развязок, которые на поколение отстали от напряженности автомобильных потоков, это проблема гаражей, которые без единого решения городских властей заполонили в виде уродливых ракушек всю территорию города, это проблема пятиэтажек, в которых проживает каждый четвертый москвич и которые простояли в полтора раза дольше паспортного срока, это проблема миграции в Москву народов Кавказа, которые, если правде посмотреть в глаза, под

видом временного разрешения приехали сюда навсегда. И так далее. К числу этих проблем относится и технический уровень нашей энергосистемы. Суть вот в чем. Каждая очередная администрация города чувствует, что по деньгам ей эту тяжесть не поднять и благополучно передает проблему в наследство следующей администрации, но в уже гораздо более острой, перезревшей форме. У нас технический уровень энергосистемы города — это сороковые, в лучшем случае, пятидесятые годы. Поэтому жители оплачивают, в сущности, не теплоснабжение, а техническую отсталость наших систем. Да, конечно, львиную долю оплаты город берет на себя, поскольку мы не можем простому горожанину выставить к оплате подлинную себестоимость электроснабжения — будет социальный взрыв. Но какая разница: деньги из другого кармана бюджета города — это все равно те же деньги граждан. Поэтому материалы нужно переработать под углом зрения той гигантской именно социальной, а не технической проблемы, которая за всем этим стоит. Кто мне будет в помощь — вы? — Румянцева снова улыбнулась Кате. Катя кивнула.

— Вообще-то сам факт вынесения этого вопроса на заседание правительства Москвы — уже огромная удача для всего города, — заключила Румянцева. — Так что уж давайте постараемся.

Катюша,— извините, можно я буду вас так называть?

— пропуск вам каждый день будет заказан, давайте на неделе встретимся раза три, вместе доработаем. Ладно?

Катя еще раз кивнула и повернула голову. На нее в упор смотрели два больших голубых глаза. Он сидел, подперев щеку рукой, и чуть-чуть улыбался.

Глава 5

Катя в халате после утреннего душа открыла шкаф и, перебирая гардероб (который неплохо бы, чтоб был раз в пять побольше), размышляла, что надеть. В задумчивости, с некоторым недоумением и в то же время сердясь на себя, она взяла на ладонь струящуюся бежевую с запрятанной искрой ткань того самого неприличного платья и вновь как бы увидела себя в зеркале: почти открытые полушария груди, кажущиеся обнаженными бедра, разрез вдоль ноги, доходящий

буквально до этого самого... И тут же прямо наложением на этот образ — блестящие чуть навывкате, как бы застывшие голубые глаза, смотрящие прямо на нее.

Катя зажмурилась и прижалась лбом к дверце шкафа: «Ну уж нет. Не выйдет! Не позволю появляться тут в голове без спроса и мешать! Долой!» — Смотри, как хорошо стоят цветы, — крикнула из кухни мама, — у вас с этим Спиридоновым прямо роман.

— Ну что ты такое говоришь! — всерьез рассердилась Катя. — Это пустое все, ты меня слышишь?

Пустое. Это чиновник, я его еще месяц буду видеть, не более. Правильно говорил Палыч — чиновники не люди, забудь, не говори о нем никогда.

— А что же ты от него цветы приняла? — продолжала из кухни подкалывать мама.

— Мама, ну это же проще пареной репы, — Катя стала с ожесточением надевать любимый костюмчик болотного цвета. — Если бы я еще стала отказываться — ты представляешь, он предлагает цветы, а я отказываюсь, — я бы превратила сцену в пошлую и глупую, из которой просто нет выхода.

Вроде девушка с характером. Но уж больно низкого уровня эти женские штучки. Я приняла цветы, потому что ноль на них и на него внимания.

— Что ж, конечно, — задумчиво проговорила мама, появившись в дверном проеме и критически оглядывая уже одетую дочь.

— Сегодня снова встречаешься с тем, на кого ноль внимания?

— Да, назначена встреча у депутата Рытова.

— И Палыч будет?

— Нет, Палыч сказал, что, по его мнению, все идет прекрасно, и поручает мне одной идти к депутату.

— А все идет прекрасно?

— Вот тут-то у меня начинают закрадываться какие-то сомнения, но в чем они — я даже сформулировать не могу, — Катя закончила причесываться.

— Одна надежда на Румянцеву — до чего классная тетка, — я и не знала, что депутаты могут быть такими — у меня с ней послезавтра встреча, я ее в лоб спрошу про свои сомнения, просто больше некого.

— А Палыч? Кофе наливаю?

— Наливай. А с Палычем даже говорить бесполезно, он беспросветный оптимист. Считает, что если дело объективно нужно — в данном случае городу, то больше ни в какие тайны мадридского двора вникать не требуется, а нужно переть вперед как танк и не бояться неудач. В случае неудачи начинать все сначала. Вот такой Палыч, прост как правда.

... К часу дня Катя уже поднялась на шестой этаж гордумы, где ей предстояло найти по табличке кабинет депутата Рытова. С Ним условились встретиться прямо там.

На сердце было радостно, поскольку дела с Румянцевой пошли споро. Хотя с самой Анной Ивановной, как оказалось, встретиться не так просто, это не работник, а вихрь. Катя общалась с очень толковой ее помощницей — другой учительницей той же захолустной школы. Катя углубилась в материалы социальной политики в области коммунальных платежей и с неожиданностью для себя отметила, какой порядок в делах наведен в таком огромном городе. Десятки сложных подслучаев в каждом малюсеньком вопросе, и все они изучены, рассмотрены, по ним принято решение, все отслеживается.

Ей вдруг показался наивным и даже неуместным тот ниспровергающий запал, с каким они в «Сириусе» намерились одарить город своим изобретением.

Лишь только Катя повернула от лифта, она буквально столкнулась лицом к лицу с Ним. Атлет в безукоризненной белой сорочке и как всегда — с умопомрачительным галстуком, с неуловимой насмешкой во взгляде поцеловал Кате руку.

— Придется ждать. Я совсем забыл, что сегодня среда, а среда у депутатов день заседаний. Рытов нам назначил на обеденный перерыв, а заседание, разумеется, затягивается и неизвестно насколько.

Его помощник открыл нам рытовский кабинет — пойдете, — Он галантно вытянул руку, пропуская Катю вперед.

«Я знать его не знаю, он для меня никто, я точна и корректна как Маргарет Тэтчер — и все, точка, вот это ты от меня получишь, а через месяц — адью», — повторила Катя про себя заклинание, всей кожей чувствуя, что он идет сзади буквально вплотную.

Она открыла дверь с табличкой «Депутат Рытов В.П.» и ахнула — настолько перед ней открылась картина, полностью не похожая на то, что было в кабинете

Румянцевой. По размерам комната, видимо, та же, но зрительно сопоставить это было невозможно.

Тут не было ничего — ни шкафов, ни полок — пусто, а на полу в этой пустой комнате от плинтуса до плинтуса лежал белый ковровый палас, в котором нога утопала. Посередине комнаты (а не в углу и не у окна) стоял очень дорогой письменный стол под антиквариат. Напротив его сиротливо прижались к стене всего три простых стула, так что посетитель, сидя на стуле, должен, видимо, чувствовать себя приниженным, лицезрея ослепительно шикарный письменный стол, до которого, кстати, было выдержано определенное расстояние.

Никакого микростолика или другой поверхности, на которой посетитель мог бы разложить бумаги, не предусматривалось. Зато за спиной хозяина кабинета посетителю видны были две большие фотографии, оформленные в дорогие стильные рамки под стеклом. На одной тучный мужчина, Рытов надо полагать, пожимал руку улыбающемуся московскому мэру. Типа — друзья до гроба. На другой — этот же тучный мужчина стоял у входа какого-то небоскреба, легко было догадаться, что это Штаты.

— А впрочем, — крутанул носом Спиридонов, которого вид кабинета, судя по всему, так же, как и Катю, ошеломил (а, может, и задел), — что мы здесь будем дожидаться, как бедные родственники. Пойдемте в буфет, я предупрежу рытовского помощника. Катя охотно согласилась, в этом кабинете ей, почему-то совсем не хотелось находиться.

Они спустились на второй этаж и зашли в маленькое помещение самого обыкновенного буфета, ни одного признака каких-то роскошеств, отделяющих власть от обычных людей, здесь не было. Тут всего-то помещалось от силы пять столиков.

— Что будем? — спросил он, оглядывая стеклянную витрину. — Чашечку кофе?

Катя пожала плечами и присела за столик.

Он взял по кофе, по бутерброду с красной икрой и по пирожному.

— Ну как с Румянцевой?

— По-моему, все идет хорошо, — сдержанно ответила Катя, посмотрев на то, как у него пострижен висок и какая форма мочки уха. В виске виднелось две седых серебринки.

— Румянцева — знаменитая женщина, — Он отхлебнул кофе и зубами отхватил сразу полбутерброда.

Она — известный физик, доктор наук из ФИАНА — ну, знаете, — Физический институт Академии наук.

И вдруг — стала защитницей народных нужд. Режет правду-матку невзирая на лица. Рытов другой — да вы увидите. С Румянцевой считаются. Но... — он захватил зубищами вторую половину бутерброда.

— Что «но»? — всерьез полюбопытствовала Катя, которая не хотела никаких «но» в отношении Анны Ивановны.

— Но очень многого она не знает, ее и не допускают.

Есть некоторая изоляция. Расплата за прямоту.

Поэтому то, что Румянцева оказалась причастной к вашему проекту, — и плюс, и минус.

— В какой степени «минус»? — Катя опять с досадой отметила, что занята тем, что совершенно не понимает и не понимает, видимо, в главном.

— Это зависит... — Спиридонов стал сосредоточенно смотреть в клеенку стола, равномерно пережевывая пирожное, — то ли он подыскивал слова для более точного объяснения ситуации, то ли он уже высказал совершенно законченное предложение на своем служебном, черт бы его побрал, фольклоре.

Катя аккуратно справилась с бутербродом, к пирожному не притронулась. Она ждала продолжения.

Он, видно, передумал продолжать. Махом опрокинул остатки кофе в себя — Кате Он казался каким-то жующим мифическим фавном в непосредственной близости, настолько он был натурален, — и вдруг, Он, совершенно серьезно, без того прикола, который обычно играл в его глазах, сказал: — Катерина Владимировна, если у вас есть вопрос, задавайте, я отвечу.

— Есть вопрос, — серьезно ответила Катя, которая вконец запуталась — то ли твердить «я его отвергаю, он для меня ноль», то ли уплыть в волнах необъяснимого простого мужского обаяния, которое исходило от него. — Анна Ивановна, если помните, выразилась в том смысле, что, мол, уже огромная удача, что вопрос просто вынесен на обсуждение правительства Москвы. Я, видимо, чего-то важного здесь

недопонимаю. В ее словах не прозвучало даже намек на то, что вопрос на правительстве может быть решен положительно. Почему?

— Катя повернулась к Нему, она явно волновалась — и по существу заданного вопроса, и еще непонятно почему и очень боялась, что волнение это будет ему видно.

Они встретились глаза в глаза, и этот садист не собирался хотя бы из деликатности как-то разрешить, снять, стусевать ситуацию — наоборот, так и смотрел молча в ее глаза.

— А, вот ты где, — тучный мужик с фотографии шагнул к их столику, — мне помощник сказал, здравствуй, Юрий Иннокентьевич. — Он даже не взглянул на Катю, как будто ее здесь не было. Спиридонов поднялся, Катя осталась сидеть.

— Ну что там? — тучный оперся на катин стул, по-прежнему не замечая ее.

— Да вот, кропаем помалу, — в тон ответил Спиридонов.

— Ну что, у Маркелова были?

— А он-то нам зачем? — парировал Спиридонов.

— Да? Ну, ладно, — мирно согласился тучный и переминался с ноги на ногу, по-прежнему опираясь о спинку катиного стула.

Катю многое поразило в облике Рытова. Он был практически наголо острижен, что делало его просто-таки «новым русским» из анекдотов. Но ничего смешного в нем не было, наоборот, — что-то тревожное и угрожающее, а, главное, — по мутным глазам почему-то казалось, что говорит он одно, а думает совершенно другое. «Неужели такие депутаты бывают?» — изумилась Катя в точности так же, как и про Анну Ивановну, но то было изумление с противоположным знаком.

— А у Белоногова были? — преодолевая некоторую одышку, задал уже ставший однообразным вопрос Рытов.

— Нет, это в конце, — было видно, что атлет Спиридонов подхватил интонацию этого как бы свойского информационного обмена, но целоваться и обниматься к Рытову не лезет.

Вдруг Рытов сам подхватил Спиридонова под руку, прижал к себе, чуть отвернул от Кати и низким тихим голосом что-то проговорил, причем и на самом деле для нее не слышно. Они оба засмеялись, причем Спиридонов громко расхохотался, а Рытов

затрясся и сквозь эту тряску что-то еще добавил, и тут Катя расслышала: «банька, девочки». Они еще раз мерзко рассмеялись, а Спиридонов неопределенно махнул: — Ладно, как-нибудь.

— Ну давай, — Рытов хлопнул Спиридонова по плечу и всей тушей двинулся к выходу.

Спиридонов обернулся к Кате, его смех вдруг как рукой сняло, и он почему-то виновато потер переносицу.

— Аудиенция закончена, — сказал он, сжав зубы, почти зло, — эту инстанцию мы прошли, мы свободны.

Катя сидела оплеванной.

— Вот что, Катерина Владимировна, — он вдруг взял ее кулачок в свою огромную теплую лапищу, то есть сделал то, что еще не делал никогда. Катя подняла на него глаза, полные исключительно сложного чувства — и только что испытанного оскорбления от поведения Рытова, и смятения, и в то же время странного головокружения оттого, что Он так смело коснулся ее. — Я отвечу на ваш вопрос, что вы задали до Рытова, но позже. А сейчас пойдете, я могу вас подкинуть.

— Нет, я пойду к помощнице Румянцевой, — Катя постаралась сказать это ровно и, по возможности, безразлично.

— Тогда — до встречи, — он наклонился и поцеловал ее руку.

Глава 6

Последняя перед депутатской комиссией встреча Кати с Румянцевой происходила не в Думе, а где-то на краю города в районе-новостройке. Больше полутора часов добиралась Катя сначала до конечной станции радиуса метро, затем полный маршрут троллейбуса, а дальше пешком вдоль бетонного забора какой-то огромной гаражной системы, потом пустырь по диагонали и, наконец, за зданием с магазином «Продукты» в цоколе — обычная общеобразовательная школа. Здесь, на втором этаже, на двери табличка: «Приемная депутата Румянцевой А.И.». Перед дверью на стульях сидело человек пять просителей — до боли знакомые лица правдоискателей-пенсионеров и немолодых нервических женщин. Нищие, тысячекратно обманутые, несчастные наши соотечественники.

Они хотели хором наброситься и на ключья разорвать Катю, почуяв в ней намерение открыть дверь с табличкой, не просидев в очереди за ними за всеми.

Бессмысленно было объяснять им, что Катя по другому делу, уж они-то прекрасно знали, что у всякого, кто плетет самые правдивые объяснения, есть все шансы скрыться за дверью с табличкой и быть принятым, а они, как всегда, останутся ни с чем.

Но тут, по счастливой случайности, из двери выглянула помощница Румянцевой с намерением пригласить пенсионера с орденскими планками. Он было встал, но помощница увидела Катю и сразу же завела с собой в приемную. Дверь с табличкой за ними закрылась, а граждане остались каждый посвоему думать одну и ту же мысль, что и здесь блат, и что они снова оказались кинутыми.

Внутри были две смежные комнаты. В первой за двумя разными столами два помощника-юриста вели предварительный прием, разбирая ворохи заявлений, справок и документов, переписки с властями.

В следующей комнате Анна Ивановна сразу же лично занималась с теми, кто прошел фильтр юристов.

В этот момент двое старичков как раз выходили из комнаты Румянцевой, и Анна Ивановна сразу же занялась с Катей, закрыв за ней дверь.

Когда просмотр материалов был завершен, Катя решилась задать тот же вопрос, что и Спиридонову, самой Румянцевой: — Анна Ивановна, может, я ошибаюсь, но у меня не сложилось впечатления, что мы готовим материалы на утверждение правительства Москвы. Ни разу в ваших словах не прозвучало предположение, что наш проект будет поддержан. Мы что же — не пройдем?

Анна Ивановна какой-то миг посидела, разглаживая обложку папки с материалами.

— Катюша, не так в городе делаются дела. Город — десять миллионов человек, колоссальная ответственность.

Но и огромная инерция управленческих систем. Если честно — там еще есть обстоятельства...

— Румянцева запнулась, — впрочем, Катюша, у нас с тобой нет времени на долгие лекции, мы и так у посетителей отняли кучу времени, от их законных часов приема.

Катя встала, укладывая материалы в портфельчик.

Румянцева, сделав шаг, чтобы открыть дверь, вдруг остановилась: — Катюша, большое везение, что дело поручено Спиридонову, это очень перспективный администратор, он знает многие тайные пружины механизма городской власти, да к тому же он в обзоре у мэра.

— Заходите! — крикнула она в дверь. — Вопросы энергетики вообще в правительстве идут туго и, может, я сама не все понимаю, но странно и удивительно, что конкретно этот вопрос готовится к заседанию.

Между ними уже протискивался тот самый пенсионер с орденскими планками, одновременно почтительно кланяясь Румянцевой и с ненавистью глядя на Катю.

— Да, совсем забыла, — вновь выглянула из двери Румянцева. — Катюша, пустая формальность, принесите завтра на заседание комиссии от вашей фирмы — как она называется — «Сириус»? — вот от «Сириуса» на мое имя письмо с изложением проблемы в один абзац — чтобы у меня было формальное право заниматься этим вопросом.

Катя вышла из школы. Неуютные пустые огромные пространства между громадами домов были наполнены порывами весеннего ветра. Потихоньку темнело. Снова длинный бетонный забор. Блохастая драная собака приподняла голову в воротах и слабо гавкнула.

И вдруг Катю будто пронзила сверхъестественная сила. Ката встала, как вкопанная. Вдали, в ветряной струе по неправильной кривой поднималась стайка черных птиц, а Катя, глядя на них, осознала, что происходит немыслимое. Она тихо-тихо, буквально на цыпочках, сделала два шага назад, воровато оглянулась. Никого, ни души. Катя вновь оказалась рядом с собакой, та вильнула своим драным хвостом, но больше не твякнула. В глухие металлические ворота гаражной системы, приоткрытые так, что в проем можно было бы еле протиснуться, Катя увидела, причем совсем рядом, еще один проем открытой двери — в дощатый домик сторожки. А там, в кромешной темноте помещения — светящийся, прямо на Катю направленный экран.

Порнофильм! Высоковольтное напряжение прошло весь катин организм. Женщина стояла на карачках, задом прямо к зрителю. Она была в черных колготках, а дальше — без всего, видно было, что большие полные груди висят свободно. К заднице протянулись мужские руки. Они стали медленно стягивать черные колготки, и во весь

экран стали обнажаться огромные ослепительной белизны ягодицы. Катя почувствовала, что лицо ее горит, что мышцы лица свело. Вот между ягодиц снизу утонуло носом мужское лицо. Другие мужские руки захватили грудь. Внутри Кати завывали какие-то неведомые ей спруты. Кадры сменились. Длинный мужской узловатый член приближается к женскому лицу, губы жадно хватают красно-багровый мускул. Член оказывается между грудей, мужские руки зажимают им член и его багровая головка то появляется, то утопает в них. Что-то в Кате бессильно требовало отвернуть лицо и идти вдоль забора.

Но она не могла пошевеливаться. Ей казалось, что она в жару и в столбняке одновременно.

Член во весь экран, он начал конвульсивно дергаться, извергая молочно-белые плевки на женское лицо, которое хотело поймать их ртом. Белые женские наманикюренные пальцы обхватили эту темную узловатую палицу и начали водить туда-сюда...

Вдруг экран стал темным, и по нему пошли титры. И в этот миг из-за воротины выглянуло раскисшее, мягкое лицо молодого алкаша-охранника.

Господь все милостивый! Этот гаврик, оказывается, все это время стоял рядом в полуметре, их разделял всего-то металл ворот! Значит, несчастный алкаш слышал ее шаги и знал, что она здесь стоит! И эта-то обращенная к Кате омерзительная харя вдруг поехала в очень-очень понимающей ухмылке!

Катя почти бегом, схватившись за щеку, как от зубной боли, помчалась вдоль бетонного забора в сторону остановки, не разбирая в темноте рытвин и камней. К величайшему счастью, шагов ей вслед она не слышала.

В момент, когда она поднималась по ступенькам в троллейбус, тусклый свет салона упал ей на лицо, и стоящий мужчина сразу стал внимательно вглядываться. Как тебя благодарить, Господи, что руки и ноги могут сами выполнять элементарные движения, поскольку голова в угаре и в помешательстве и больше не смогла бы руководить! Катя резко шагнула к заднему окну, схватила поручень и невидящими глазами стала смотреть в уплывающие в темноте огни района-новостройки.

Глава 7

... Комиссия гордумы была назначена на пять, но всегда точная Катя — опоздала. На проспекте Мира рядом с ВДНХ возводили эстакаду, транспорт пустили в один ряд, возникла дикая пробка на километр, пассажиры в автобусе оказались заперты — ни туда, ни сюда, в конце концов стали стучать водителю в стекло, он открыл двери, и все пешком больше двадцати минут добирались до метро. Бегом она влетела в Думу, с ужасом глядя на часы, получила пропуск, сдала плащ в гардероб и прошла мимо уже знакомых милиционеров в пять ноль три.

— Где зал заседаний, — спросила она с мукой, пряча паспорт в портфельчик.

— Вот сюда, сразу направо по коридору, только осторожно, дальше три ступеньки вниз, и будет зал, — показал рукой постовой.

Катя рванулась бегом — и зря. На треклятой ступеньке она оступилась и плашмя полетела вниз, если бы не...

Навстречу шел Спиридонов. Чуть с распростертыми объятиями, приветствием и предупреждением, что спешить не надо, зал еще занят предыдущим заседанием и им все равно придется ждать. Но ничего этого он сказать не успел, зато с ловкостью гимнаста прыгнул и поймал падающую ниц Катю.

Катя оказалась в крепчайших объятиях. Столь желанных! И где? В Московской городской Думе.

Среди депутатов и прочего солидного люда. Она постаралась с благодарностями тут же выпутаться из них, и это получилось, но не сразу. Приколист Спиридонов на всю катушку решил использовать преимущества момента и со словами «Вы не ушиблись?» продолжал держать ее в стальном обруче.

«Нет, нет», — смущенно лепетала Катя, пытаясь разомкнуть его бесконечно сильные руки. А он все как бы не верил ее заверениям и еще потратил время, оглядывая ее с той и другой стороны. Сзади Спиридонова застыли Палыч и Румянцева. Лицо Анны Ивановны сменило выражение испуга на смущенную полуусмешку, и она отвернулась посередине спиридоновского театра. Палыч же стоял неподвижно, прищурившись, глядя куда-то вверх их голов. Как трудно с умными, все понимающими людьми!

Спиридонов, уже отпустив Катю на самом краю меры приличия всей этой сцены, еще продолжал держать ее за руку и два шага так провел, словно в дворцовом минуэте.

Смущенная донельзя Катя буквально вырвала руку и, чтобы как-то закончить ситуацию, стала здороваться с Палычем и Румянцевой и извиняться за опоздание.

— Ну что вы, Катя, — успокоила Анна Ивановна, — время еще есть, а я вас хочу отправить обратно.

Вы принесли письмо на бланке на мое имя, что я вчера просила? Ну вот и отлично. Возвращайтесь туда, где бюро пропусков, да, в холл еще до поста милиционеров, там на противоположной от бюро пропусков стене — окно регистрации проходящей в Думу почты — поспешите, пока они не закрылись, они зарегистрируют письмо, поставят входящий номер. А потом — с письмом сюда, ко мне — скажите им, что я жду, они отдадут.

Катя так и сделала, но быстро не получилось. У окна регистрации заняла посетительница с каким-то своим заявлением. Формальность оказалась не формальностью. Оттуда из окошка спрашивали: кому заявление, кто ее депутат, где она живет, ходила ли на прием по месту жительства. Тетя бестолково, но горячо начала рассказывать суть своей проблемы. Катя поняла, что это надолго, и притулилась к стене. Ей требовалась минута покоя, она была одновременно встревожена тремя обстоятельствами.

Ну, первое, само падение, постепенно уходило.

Но распаялось другое. Она против своей воли наслаждалась произошедшим соприкосновением с Ним. Ей хотелось подольше оставить впечатление от этого железного объятия. Она вдруг поняла, что впервые, будучи в Его объятиях, услышала Его запах.

«А тело пахнет так, как пахнет тело, а не фиалки...

» — пришли на память строки из сонета Шекспира.

Да, запах у него был сильный, мужской, она бы сказала — животный, но он отнюдь не был ей неприятен. Наоборот, именно по этому запаху она как бы заново его узнала. И этот образ именно с этим немного терпким запахом сильного мужика был необыкновенно к стати всему ее нутру.

Тетку продолжали из окошка все более нетерпеливо расспрашивать, а та поняла так, что пора переходить на скандал и стала повышать тональность своих бестолковых объяснений.

Наконец, третье, еще дальше где-то в глубине катиной души, но очень серьезно ее забеспокоило — что это с ней происходит? В ней самой как бы стали просыпаться давно спавшие — может быть, животные?

— силы. Почему его запах? Она что — самка что ли? Она Екатерина Корнева, специалист в области атомного машиностроения, четкий и безупречный работник, гордый человек. Вот что ее встревожило не на шутку: огромная сила проснувшихся в ней физических желаний и неподвластность их буйства уму, сознанию, контролю.

Если так пойдет — что же дальше-то будет? Прямо катастрофа какая-то, подумала Катя, поеживаясь от удовольствия.

Не выдержал один из постовых милиционеров, подошел к тетке и уже по-мужски попытался унять разбушевавшуюся посетительницу. Та, наконец, стала врубаться, что по месту ее жительства ведется регулярный депутатский прием, но продолжала кудахтать.

И тут Катя замерла — так, наверное, охотничьи собаки делают стойку, завидев дичь. Во входные двери, оглядываясь, видно, впервые здесь, вошла, как же назвать, дева-торт. Пышная грудь и не менее пышная задница, белая кожа, холодный, чуть отстраненный взгляд и... Катя слегка оцепенела. Рот!

Не этот, конечно, но, именно, именно такой рот так сильно запечатлелся в Катиной памяти. Да, как раз такой рот она видела в проеме гаражных ворот на экране видека, и он там делал... то, что делал.

— Девушка, ну вы долго будете так стоять? — сердито крикнули Кате из окна. Батюшки святы — загляделась! И не заметила, как тетка с заявлением куда-то ушла. Катя виновато поспешно протянула письмо и передала пояснения Румянцевой.

Там начали читать письмо, потом делать запись в журнал. Катя с бабьим любопытством обернулась на деву-порно-торт. Та смиренно встала у входа рядом с телефоном для посетителей, однако не проявляла интереса ни к этому телефону, ни к бюро пропусков, ни к чему бы то ни было еще. Катя поспешно вновь обернулась к окну, чтобы снова не опростоволоситься. И вовремя: ей уже протягивали ее собственное письмо на бланке «Сириуса».

...Комиссия прошла быстро, скучно: как-то никак.

Единственный человек, который проявлял предельную сосредоточенность и серьезность от начала до конца, была Румянцева. Катя, по-наивности, думала, что на депутатской комиссии будут все тридцать пять депутатов городской Думы — ничего подобного: публики в зале было мало, все уселись за полукруглым столом. Поодаль отрешенно сел Рытов, не проронивший ни слова.

Вел заседание неизвестный Кате строгий человек неопределенных лет в очках — по-видимому, не просто депутат, а какой-то депутатский начальник, но явно не главный в этой Думе. Присутствовали какие-то безликие дяди и тети — человек пять, про которых почему-то Кате сразу стало ясно, что не депутаты — видно, маленькие чиновники из городских ведомств.

Румянцева обстоятельно прочитала весь вопрос по тексту, подготовленному ею с Катей. Спиридонов сказал, что имеет поручение мэра готовить вопрос на правительство Москвы. И все.

Далее разразился устной пламенной речью Палыч — по-видимому, если судить по лицам собравшихся, совсем не по делу. Палыч, конечно, и сам это понимал, но ему давно на все условности плевать, он делает, что хочет. Он объяснил присутствующим, что великое российское энергетическое машиностроение целую эпоху давило ведущие немецкие электротехнические фирмы, а только эти две страны и делили остальной мир как рынок сбыта в жесточайшей конкурентной борьбе. И мы — россияне — славно побеждали в целом ряде важных регионов мира. Но вот уже почти десять послеперестроечных лет главную подножку российские специалисты получали от родного правительства, а немецкие «коллеги» в это время нас попросту задавили, что бесконечно обидно. Палыч сказал, что присутствующим все это невдомек, однако, если городской заказ на данную установку будет, это станет хоть маленьким, но укреплением российских позиций в целой эпохе сплошной капитуляции, а если сейчас «Сириус» не поддержать — завтра втридорога придется то же покупать у немецких электротехников, которые, надо признать, конечно же, прославленные, и поделом, этого у них не отнять, но зачем же нам своими руками топить свое российское, которое отнюдь не хуже заграничного?

Все вежливо и безмолвно ждали, когда Палыч завершит. Наконец, дождались. После этого человек в очках объявил, что Дума поддерживает обоснованность постановки проблемы. Все встали.

— До встречи, извините, бегу — Спиридонов с вечным приколом в стоячих голубых блестящих глазах чуть поклонился Кате, потом обменялся мужским рукопожатием с Палычем, кивнул через стол Анне Ивановне и быстро вышел из зала.

И они также без задержки направились к гардеробу.

«Созвонимся», — крикнула Румянцева и осталась говорить что-то тому в очках. Катя с Палычем получили в гардеробе плащи, оделись, подошли к стеклянным выходным дверям, и... у Кати на миг померкло сознание. Сквозь двери было видно, как Спиридонов и эта — порно-торт — одновременно садились в его черную «Волгу», стоящую у крыльца. Машина газанула и тут же смешалась с бесконечным московским транспортным потоком.

— Давайте, Катюша, купим по мороженому и сядем перед Большим театром на лавочку, обсудим наши дела, — в это время говорил Палыч, раскрывая перед Катей стеклянную дверь и не заметив произошедшего чрезвычайного происшествия.

Кате показалось, что она стала согбенной старухой, и послушно на все согласилась. Они шли по Петровке, «по самой бровке», а в душе катиной выл вой всех ее жизненных неудач. Окружающий мир стал бессмысленным и черно-белым. А на лавочке она, изо всех сил концентрируя внимание на смысле, чтобы не потерять нить, поделилась с Палычем тем, что давно хотела ему сказать. Не все так просто и хорошо с их проектом. По совокупности недомолвок Спиридонова и Румянцевой, похоже, что проект могут не утвердить. Причины — непонятны.

Но, якобы, везение, что к ним приставлен Спиридонов.

Он все тайное знает, но не говорит.

Умнейший и опытнейший Палыч уставился через проспект на памятник Марксу, и так они с памятником молчали и смотрели друг на друга, пока Палыч доедал мороженое.

— Я вообще против маневров и секретных ходов, по мне так, чем проще, тем лучше. Но сегодня — это не то, что СССР, где я проработал всю жизнь, сегодня, Катюша, нам есть, что терять. Не утвердит московское правительство наш проект — и мы со следующего дня безработные. И, видимо, в этой специальности — навсегда. Вот в

чем с глубочайшей горечью вам признаюсь: это я как капитан привел наш кораблик к гибели, а расплачиваться будет весь личный состав, и вы в том числе. Мне от этого очень тяжело, Катюша.

Катя изо всех сил сжала родную стариковскую ладонь: — Ну что вы, мы вас так любим, никто из нас никогда вас не упрекнет, только благодарность...

Палыч перебил Катю: — Ладно, не будем о плохом. Пока будем действовать...

Катя, даю вам разведздание. Помните то время, когда мы экспериментальную установку пробовали на крыше нового дома? Мы тогда удивительно легко получили «добро» на эксперимент.

А ведь этот дом строила не государственная и не городская, а частная строительная компания. Как звали президента фирмы?

— Корецкий Семен Израилевич.

— Точно! Напроситесь-ка к нему на встречу, кстати, ему обязательно нужно знать, что вопрос готовится на правительство Москвы, он, кстати, еще и выступит там. Скажите ему, что материалы в принципе подготовлены, мы считаем себя обязанными ему их показать. А в конце так, между прочим, спроста спросите: почему проект могут не утвердить? Он, я так понимаю, опытейший строитель, московские власти знает хорошо, не то, что я — я тут вообще профан.

А вдруг он что-то дельное нам подскажет.

— Принято, Василий Павлович, — почти по-военному ответила Катя, чтобы как-то увести его от грустных мыслей, а заодно и закончить разговор, она сама была раненой птицей, и ей тяжело было бы все: разговаривать, сидеть, общаться, думать...

— А я обязуюсь покумекать и придумать что-нибудь, как разговорить этого, не могу слова подобрать, — вдруг сказал он очень сердито — ну этого, Спиридонова вашего. Вы, Катя, вообще-то его остерегайтесь, чую я недоброе. Ну ладно, — пресек он начавшиеся было катины протесты — я взятки никогда не давал, не подхалимничал, ни подлизывался, но сейчас пойду против своих принципов и ради коллектива готов выкинуть неожиданное для меня самого коленце. Пригласим-ка мы этого зампрефекта на якобы десятилетний юбилей «Сириуса» на мою академическую подмосковную дачу, на шашлыки. Там — расколется! Прямо в следующее воскресенье.

— А если откажется, не поедет? — наивно предположила было Катя.

— Поедет! — опять очень сердито отрезал Палыч.

— Глядя на него, как он смотрит на вас, когда вы на него не смотрите — ну надо же, ей Богу, наворотил как в известной песенке — утверждаю: поедет!

Я сам ему позвоню.

Глава 8

Корецкий, как выяснилось, уехал на неделю в Петербург, на какую-то строительную выставку, так что визит к нему откладывался.

С Катей стало твориться нечто непонятное.

Куда-то делось то сильное сознание, самообладание, самоконтроль, чем Катя всегда подспудно гордилась.

А пришло что-то вроде заболевания вплоть до лихорадки и удушья. Внешне она изо всех сил старалась держаться, как обычно, но все время приходилось унимать колотун. Это было и сладко, и досадно. Досадно, потому что беспочвенно. И очень трудно.

Пошли дни в обычном мелком крутеже и, что удивительно, — по тому же кругу. Первоначально Катю в префектуру вызвала Антонина Дмитриевна: пришли важные справочные материалы из энергетических ведомств, вызванные еще с самого начала, более месяца назад.

Будучи в мандраже оттого, что едет в префектуру, Катя вышла из метро у Грибоедова и по любимому своему маршруту шла вдоль Чистых прудов.

Почему это Он на меня смотрит, когда я на него не смотрю, как неожиданно выдал Палыч. Напрасно пыталась она отогнать эту мысль. В сознании Он почему-то все время оказывался рядом.

Катя открыла для себя удивительное: оказывается, можно тайно наслаждаться близостью с Ним, получать от этого колоссальное удовольствие, и, главное, долго, сколько хочешь, но тайно, а никто из окружающих и не догадывается, какие зори вспыхивают в твоём внутреннем мире.

Дорожку, что вдоль пруда, почти перегородила коляска с наклонившейся к ней молоденькой мамашей — Кате пришлось посторониться, чтобы обойти. В этот момент

мамаша разогнулась со спеленатым полешком в руках, что-то воркуя ему, и в тот же миг взглянула на Катю. Их глаза встретились.

Катю ослепили сияющие глаза девушки, почти старшеклассницы. Катя потупила взор: Господи, а у меня состоится?!

Ну что за бред?! Ну откуда, на каком основании такие никчемные вредные мысли? Ну что — Он разве повод какой-либо подавал? Нет! У них роман чтоли раскручивается? Нет! Ну разве ж можно так опережать события и заводить себя?

«Вред мечта и бесполезно грезить: надо весть служебную нуду», — правильно, Маяковский! Катя уютно устроилась у окна трамвая.

Через улицу на ветру раскачивался транспарант- реклама какого-то фильма. На нем крупными красными буквами написано: «В чем счастье женщины?» В чем счастье женщины? Вот в этом самом, блаженно зажмурилась Катя, ощущая истому во всем теле.

В префектуре она инстинктивно отшатнулась от раскрытого проема приемной Спиридонова.

— Здравствуйте, Катерина Владимировна! Вы к нам? А его нет, — приветствовала Ксюша.

Да почему же это меня по дуге-то ведет? — сделала себе выговор Катя, встречно приветствуя Ксюшу.

Ну почему напало такое влечение! Ну почему так не вовремя, без предупреждения! Почему влечение это оказалось сильнее самоконтроля? Катя и Антонина Дмитриевна обрадовались друг другу словно две подруги.

— Ну как? — Антонина стала разглядывать Катю с каким-то потаенным смыслом, будто ей ответа не надо было, а все она про Катю читала на ее лице, чего, конечно же, быть не могло, потому что это была бы мистика.

Но Антонина от Бога столь проницательна и столь заранее все уже продумывает, что именно эта мистика и есть реальность. «Ну как», — это вопрос не про то, что происходит, что, надо полагать, она уже все на катином лице прочитала, а это вопрос — как ты, Катенька, с этим справляешься?

Катя донельзя смутилась и, чтобы как-то увести несуществующий диалог в сторону, стала рассказывать, как продвигается подготовка вопроса к правительству Москвы. Но интуиция у женщины, что у кошки, их обеих нельзя провести.

Антонина с заботой и добротой продолжала читать на катином лице неоконченную повесть, а после завершения рассказа про московскую энергетику положила свою немолодую ладонь на катину руку, пожалала: — Ну и хорошо. Только будь осторожна.

Катя, глядя вниз, тихо кивнула. Вот тебе и несуществующий диалог.

С толстенькой папкой полученных материалов пришлось ехать в Думу, так как множество цифр и фактов надо было непременно вносить во все ранее подготовленные записки. В Думе, получая от милиционеров свой паспорт и засовывая его в портфельчик, она с опаской посмотрела вправо, где никого на тех злополучных ступеньках не было. А мороз у нее по коже прошел так, будто то ее падение снова повторилось и будто тут, в двух шагах, стоит она же сама, Катя, да еще в этот момент находится в объятьях Спиридонова!

Она тряхнула своими каштановыми волосами: тьфу, нечистая сила, оставь меня, совсем измучила.

В лифте рядом с ней стояли двое мужчин. Ну никакого сравнения! Он — римский легионер, а это — два мешка с картошкой. И запах... Нет, это не его запах! Хватит ли у нее душевных сил удержать в узде столь внезапное влечение?

В «Сириусе», где она села за компьютер вносить десять тысяч коррективов, работа была парализована, и весь личный состав громко обсуждал лжедесятилетие в следующее воскресенье. Ситуация оказалась непростой. У многих уже был запланирован весенний выезд со своими семьями на дачные участки, и поменять планы они были не в состоянии. Других перспектива выпить-закусить на свежем воздухе воодушевила до невозможности, и они тут же углубились в детализацию — что с собой взять на академическую дачу. Третьи, с сомнением вспомнили, что, якобы, по метеосводкам обещали дожди.

Неужели Он чувствует то же притяжение? — думала Катя, работая на клавиатуре.

Приехавший Палыч все расставил по местам.

— Я говорил вам, Катя? — Тут же согласился! — торжественно сообщил он ей загадочную для других фразу.

Поедут те, кто может! Брать только провиант.

Шашлыки состоятся при любой погоде! Потому что в случае дождя продолжим в помещении, а там места хватит всем.

Это безобразие, надо взять себя в руки, командовала себе Катя. Человек — это суверенное государство, суверенное космическое пространство. Ну никаких, решительно никаких поводов для того, чтобы так распускаться!

Вечером в спортзале она дольше задержала взгляд на своем отражении в зеркале, на линиях своего тела, и опять будто пробежал озноб.

Женщины на мате делали упражнения, и Катя вдруг осознала, что все они — и она, Катя, тоже — стоят в той же позе, что и в том порнофильме. Вот прямо перед ее глазами именно такая же — прости, Господи! — задница, разве что не в черных колготках, а в трико.

Ну зачем мне обо всем этом думать! И в самом деле — заболела. Животное влечение — еще не любовь, вдруг подсказало ей сознание опорную мысль, и Катя почувствовала себя уверенней. Да, да — любовь это одно, а животное — это другое. Ну что говорить, конечно же, она не маленькая, понимает, что застоялся ее женский организм и рад-радешенек воспламениться — навстречу... чему?

Вот — чему? Нет того, навстречу чему стремиться!

Мечта, пустая к тому же. Выдумка. Воспаленное воображение.

— Все, мама, спокойной ночи, — она положила в раковину перед ней чайную ложку, выбросила в ведро пластиковый стаканчик из-под йогурта, вошла в свою темную комнатку.

Вот он ее раздевает. Господи, ну освободи ты меня от этой маяты!

Я подгоняю события под свою тайную мечту, — вдруг ясно осознала Катя, засыпая.

Я подгоняю события под свою тайную мечту, — открытие вдруг укрепило разбалансированный внутренний мир Кати.

Мама увидела в секторе света, что падал в проеме двери, как нежная рука дочери обняла подушку.

Мама вздохнула и выключила свет.

Глава 9

Воскресный день выдался одновременно холодный и теплый, ясный, солнечный, если можно так сказать, — аристократичный. Ехать на дачу к Палычу надо было с Савеловского вокзала пятьдесят минут на электричке. Как и предполагалось, собралась лишь часть лаборатории. Но с женами, мужьями и детьми, а также с собаками, узлами и гитарами — они вместе составили исключительно веселую компанию, хохотавшую уже на вокзале, а затем и всю дорогу до платформы «Терентьевка». Там, как и было договорено, всех ждал сам Палыч, поскольку оттуда до его дачи было двадцать пять минут пешком и никак иначе не добраться.

Шумно, всем табором, высадились, окружили Палыча, неспешно двинулись по улочкам Терентьевки, возбуждая за заборами лай собак. Палыч, улучив момент, незаметно пожал Кате руку и шепнул: — Катюша, как-то вы сегодня необыкновенно хорошо выглядите.

— Что, не к добру? — рассмеялась Катя, чтобы что-то ответить, отмечая про себя, что он уже третий, кто ей об этом сказал. Утром — мама, а на вокзале при встрече их немолодой научный сотрудник, который так за всю жизнь и не смог защитить кандидатскую.

— Кто знает, — вдруг задумчиво и серьезно тихо промолвил Палыч, оборачиваясь в это время ко всем с громким объявлением, что дождь все-таки во второй половине дня обещали.

За деревней дорога разветвлялась, и только было они повернули направо, как их нагнала красавица иномарка, все расступились, чтобы пропустить, но она как раз среди всех и остановилась, как вкопанная.

Дверца распахнулась, и из машины легко вынырнул...

— ну, разумеется, Он!

Все мужики их компании, не скрывая восхищения, уставились на супертачку исключительно элегантного болотно-зеленого цвета, а Катя впервые увидела его не в костюме. Пока он пожимал руку Палычу, она отметила, что он в чуть выцветших, но абсолютно чистых джинсах, на нем прекрасный мохеровый свитер, а сверху моднейшая, небось из самого Парижа, необыкновенно ему идущая вельветовая куртка.

Из-под свитера выглядывал воротник свежей сорочки скромно-изысканной клетки. Король-олень, ядрена корень. Но не нужно женщине времени, чтобы все это внимательно разглядеть, и когда он искал Катю глазами, она уже доставала резиновый мячик из кювета для малыша в красной шапочке.

Хором приняли решение, что все дети, а также авоськи могут доехать до дачи на этой ослепляющей глаза иномарке, и, когда Катя усаживала малыша на заднее сиденье, а он придерживал дверцу, он проникновенно и негромко поздоровался: — Здравствуйте, Катерина Владимировна!

— Здравствуйте, — весело и равнодушно, не ему, а малышу сказала Катя, больше заботясь, чтобы у того из рук вторично не упал мяч.

За несчастным российским кусочком поля, на котором вряд ли что-нибудь может вырасти, начинался могучий сосновый лес. Уже глядя на него, многие вздохнули полной грудью — все городское, суетное, мельтешащееся как бы спешило выйти из человека уже при виде этих потрясающих сосен.

Отдых начинался. Каково же было общее удивление, когда гурьба вошла в этот лес, и все осознали, что это — ну ничего себе! — не лес, а совокупность дачных участков за очень высокими сплошными дощатыми заборами. Из-за этих заборов изредка теремами выглядывали вторые этажи деревянных дворцов, находящихся в глубине участков. Вся толпа довольно долго петляла по ухоженной дорожке и остановилась перед воротами с прибитым адресом — ул. Курчатова, 8.

Ворота были раскрыты, иномарка стояла со всеми четырьмя распахнутыми дверцами на дорожке около дома, дети высыпали, а Он о чем-то говорил с улыбающейся интеллигентной старушенцией, видно, супругой Палыча.

Участка как такового не было — это был шишкинский сосновый бор, обступающий двухэтажный старый, но с признаками бывшего великолепия дом. А где были другие границы этого леса — неизвестно.

— Однако, — присвистнул, оглядываясь на все это великолепие и так обращаясь к Палычу, Спиридонов.

— Все просто, — объяснил притихший толпе Палыч. — Когда группа Курчатова работала над созданием атомной бомбы, то даже завхоз в их институте имел звание генерала КГБ. Вот так с учеными-атомщиками тогда носились. Я подключился к

группе на последних этапах, у Курчатова была такая особенность — соединять вместе академиков и студентов, кстати, так вот, я как раз и был студентом, даже не старшекурсником. Вот откуда дача. Перед вами отблески сталинской эпохи. Ну ладно, давайте за дело.

Обсуждение регламента обнаружило интересную деталь. Спиридонов объявил, что является знатоком шашлыков, вызывается их готовить и не доверяет никому, но до шашлыков, оказывается, далеко.

Мясо должно до жарения несколько часов простоять в каком-то специальном составе. Следовательно, стол разделяется на две фазы.

Сначала как бы полулегкая всеобщая закуска, потом футбол, потом отдых и только потом, ближе к концу дня — шашлыки и, так сказать, полноценный стол. Под занавес — танцы. Принимается!

Закрутилась работа. Дети, собаки и мужчины уже заиграли в футбол, а женщины обступили расставленные на свежем воздухе деревянные столы с приготовкой легкой закуски. Разворачивались свертки, зазвенела посуда, началась милая русскому сердцу праздничная суета.

В центре этого бабьего переполоха как гранитный утес стоял Он, засучив рукава на смуглых волосатых руках, весь сосредоточен на шашлыках.

— Мне нужен помощник, — объявил он торжественно и шутливо, одновременно бросив быстрый и незаметный взгляд на Катю. Она и не подумала приближаться, стоя по другую сторону стола, держа одной рукой зелень, а другой — нож, убирала со лба наехавшую косынку. Сразу одна, чуть более бедрастая, чем было бы хорошо, незнакомая, не их сотрудница — видно, чья-то жена, кокетливо вызвалась хлопотать рядом с таким видным представителем фауны. Но к тому, что Он говорил, Катя прислушивалась со сладкой истомой в сердце.

— Рубим лук репчатый, а затем лук зеленый — примерно в равных количествах, — дал поручение он помощнице, а сам склонился над огромной кастрюлей с мясом.

— Так, говядина — хорошо, вырезка — прекрасно.

Он ловко начал нарезать мясо на куски.

Его рука с несколькими кусками в пальцах регулярно оказывалась у Кати перед глазами. То был кулак боксера. Когда кулак разжимался и куски падали в бадью,

Катя мельком видела крупные, почти толстые пальцы с коротко остриженными ногтями.

Как этот мужской инструмент — ладонь, рассчитан природой на тяжелую работу, на бой, как он своей грубостью и весомостью отличен, прямо-таки противоположен всему женскому!

В душе Кати вдруг произошло что-то совершенно сверхъестественное. Так, наверное, огромный воздушный шар отрывается от земли для того, чтобы уйти в высокие небеса. Вот и в ней все сердце одновременно стало воспарять, как бы подниматься.

Ей безумно вдруг захотелось прижаться щекой к этой ладони.

Она, думая, что этого не увидит никто, бросила молниеносный взгляд на него и — о, ужас! — Он именно в этот момент взглянул на нее. Весь мир всей вселенской истории взорвался да так и остался в этом взорванном состоянии. Катя продолжала резать лук, упорно глядя на свой нож, но ей впору было упасть навзничь. Она на секунду перестала резать, чтобы не порезаться, и закрыла глаза, чтобы хоть как-то справиться со своей окончательно вышедшей из-под управления женской природой.

Начался гвалт обсуждения какого-то общего оргвопроса, и Катя со вздохом облегчения как бы спряталась в уединении. Надо взять себя в руки!

— Соль, перец, лимон, — скомандовал он помощнице и запустил свои пальцы мельника в грудку кусков мяса. — Засыпаем луком! Заливаем уксусом!

Отставляем мариноваться на холоде. Все! — он подхватил полную бадью приготовленного мяса и переставил в сторону от стола.

Общими усилиями длинного стола все было полностью снято, затем он был застелен белой бумажной скатертью и снова заставлен закусью и посудой.

Появилась водка, вино, вода, — словом, красотища!

Началась торжественная часть. На момент рассадки при обычной на этот момент неразберихе Он изловчился и будто ни в чем ни бывало сел рядом с Катей, в это время переговариваясь для отвода глаз через весь стол с Палычем, которому положено было быть во главе стола.

И поехало! Подняли тост за «Сириус», которому якобы исполнилось десять лет. На самом деле восьмилетний юбилей справляли два месяца назад как раз в уютном кафе на Петровке напротив городской Думы. Пошел закусон, а Палыч разразился

речью об истории лаборатории и выполненных в прошлом разработках всемирного значения.

У Кати от вина, а, может, от свежего воздуха и, скорее всего, оттого, что она сидела с ним вплотную — поехала голова, и вдруг стало так хорошо-хорошо.

Главное куда-то пропала огромная настороженность и неудобство, что, мол, все увидят, что Катя на него, а он на нее, словом, они обращают друг на друга внимание.

А и наплевать, — Катю вдруг окрылила необыкновенная свобода, она полностью повернула лицо к нему и смело попросила передать ей хлеб. Боже!

У него начался свадебный танец аиста. До чего ловко, уверенно, картинно он стал ухаживать за Катей, умея в то же время быть симметрично галантным по отношению к соседке слева и к соседке впереди через стол.

Махнули за Палыча. Катя заметила, что Он наливал себе только водку, причем не в рюмку, а в небольшой стаканчик — стопарик, как его зовут в народе. Этот стопарик он наливал до краев, а опрокидывал — или ввинчивал — хочется сказать, крякнув.

Нет, звуков он не издавал, но ухватки, все эти жесты у Него были мужицкие.

Он поворачивал свой упрямый нос картошкой то в профиль, то в фас, окуная всю ее в свой взгляд голубых блестящих, чуть с приколом глаз. Он предлагал ей то одно со стола, то другое, вовремя подливая вино, которое она выбрала. Катя солнечно ему улыбалась и заразительно смеялась Его всегда удачным — простым, но не без тонкости — шуткам.

Никто не мог видеть главного! Под столом их бедра до колен были прижаты друг к другу — не в силу вольности, а просто столь тесно все уселись за столом.

Он, будучи великим дипломатом, умудрялся отдельными вопросами или репликами поддерживать диалог исключительно с Палычем, который вел заседание. И смысл его реплик и вопросов был один: удивление и почтение в отношении его, Палыча, его лаборатории, а также проделанной за годы огромной работы.

Махнули за коллектив. Катя поплыла, и ее внутренний наблюдатель отметил, что она чему-то необычайно смеется. Его удачной шутке, разумеется.

Палыч свою игру вел с той стороны. Он стал рассказывать про созданную ими установку, про ее значение для отопления городов, про то, какой передовой уровень технической мысли в нее заложен.

Катин сосед со столь желанными голубыми глазами недрогнувшей рукой гладиатора опять налил себе до краев.

Итак, за то, чтобы свершилось, за то, чтобы город эту установку принял! Опять единым махом плотника или лесоруба содержимое стопарика штопором ушло в это сильное тело. Он слегка поддел вилкой огурчик.

— А скажите, Юрий Иннокентьевич, — вывел Палыч свою шахматную партию на окончательную двухходовку: шах и мат, — есть у нас шансы, чтобы правительство Москвы утвердило наш проект?

Катин сосед посмотрел перед собой на блюдо с селедкой, потом спокойно перевел взгляд с селедки на соседку впереди:— Не знаю.

Катя увидела, что у него идет работа мысли, и поняла, что он, видимо, никогда не боится неудобных вопросов.

— Вот теперь-то, впервые, наконец, наступило время по-настоящему выпить, учитывая ваш ответ, — твердо и с расстановкой сказал Палыч, голова которого приняла гордую и независимую осанку индейского вождя. — Поясню вам то, Юрий Иннокентьевич, что вы, скорее всего, не знаете, если вам не сказала об этом Катерина Владимировна.

Катя поняла, что микроатмосфера за столом кардинально изменилась. Перед нею был рыцарский турнир, и двое сильных мужчин в тяжелых доспехах разгоняют своих коней навстречу друг другу с пиками наперевес. И ясно было Кате также, что мужчина, к стальному боку которого она сидела, прижавшись, все понимает и ничего не боится. Он повернул голову к Палычу, и она видела его ухо, совершенное крепкое ухо, и крутой поворот его борцовской шеи.

— «Сириус» жил до сих пор, Юрий Иннокентьевич, потому что нам помогало одно из управлений российского правительства и поддерживала Академия наук России. Обстоятельства изменились, финансирование прекращено независимо от фактической ценности нашей разработки и для Москвы, и для страны. И со следующего дня после заседания правительства Москвы мы остаемся без рубля денег.

— Так что ваш «не знаю» — гвоздь в крышку гроба «Сириуса», — заключил Палыч.

— Ну что ты такое говоришь, — фу! — махнула на него рукой сидевшая с ним рядом интеллигентная старушенция.

— Вот как? — негромко, но с большим вложенным смыслом и долей неподдельного удивления сказал катин сосед с борцовской шеей. Он, не спеша, как башенный кран, перевел свою башню в противоположную от Палыча сторону и посмотрел Кате в глаза с тем же большим смыслом и неподдельным удивлением. Судя по всему, он все и всегда знал наперед, и удивляться ему приходилось крайне редко. Но сейчас он удивился.

— Разрешите, я вас спрошу прямо, по-мужски, — обратился к нему индейский вождь с того конца стола. — Что стоит за этим вашим «не знаю»?

Спиридонов положил перед собой обе руки на стол и чуть-чуть кривовато ухмыльнулся, видно, вмиг понял, почему он здесь.

— Уважаемый, Василий Павлович, — сказал он притихшей аудитории. — Я вам прямо по-мужски и отвечу. Это вы меня не знаете, а я вас давно знаю.

Вы нам читали курс, когда я учился в Бауманском.

И в дальнейшем — я ведь был директором пусть небольшого, но оборонного завода, а мы своих прославленных академиков всех знали.

— Так вот насчет оборонного завода, — довольно неожиданно он продолжил свою мысль. — Вы перед собой видите человека с такого же утонувшего «Сириуса». Когда заказчик — государство — не оплатил исполненного нашим заводом заказа, — раз, другой, третий, а затем и вовсе, продолжая оставаться должником, перестал даже формировать заказ, — тогда мне было трудно, как никогда в жизни.

Я предпринял гораздо больше, чем про себя думал — на что способен, и все равно проиграл.

Извините, я только сейчас врубился в вашу ситуацию, которая мне лично так понятна. — И он с тем же смыслом, но уже без оттенка удивления вновь посмотрел на Катю, которой так хотелось положить голову на вельветовое плечо.

— Итак, отвечаю на ваш вопрос, Василий Павлович, — он снова обернулся к Палычу, показывая Кате перекрут сильной шеи. — Если вы считаете, что правительство Москвы постановит сразу организовать массовое внедрение вашей установки и

выделит под это соответствующее финансирование, — то это, конечно, вероятно, ибо установка ваша того заслуживает, — и все же, у меня большие сомнения.

— На чем они основаны? — спросил Палыч.

Спиридонов опять внимательно посмотрел на селедку и на соседку впереди: — Да ни на чем, — на интуиции, на опыте.

— Вы наш гость, и, наверное, я говорю неучтиво, — снова заговорил индейский вождь, — но это и есть прямой ответ?

— Ха-ха-ха, — невесело полурассмеялся Спиридонов, ничуть не обиженный. Он вдруг переменял позу, а, именно, оперся правой рукой сзади Кати за скамейку, так что его рука стала как бы спинкой стула для Кати. Катя себя не смогла бы увидеть, но ей показалось, что ее щеки заалели.

— Уважаемый Василий Павлович, я говорю вам как есть, на духу. Хорошо, я попытаюсь раскрыть нераскрываемое, но это будет абстрактная философия, и я боюсь, что наши дамы завянут, — он вдруг весело оглядел застолье восковых фигур, настолько все превратились в слух, исключая, конечно, галдящих детей.

— Прошу на меня не обижаться, Василий Павлович, но дело тут вот какое. Политика — это насилие плюс пропаганда. Является ли ваш проект пропагандой?

Да, мэр посчитал целесообразным показать, наконец, на примере вашей установки кое-кому в городе, что наступает пора технических перемен в энергетических системах.

— И все?! — глухо изумился Палыч. — Просто на нашем примере показать, что наступила пора?

Ну, тогда и в самом деле наша карта бита, — было видно, что он безмерно огорчен.

— Но есть и первая часть формулы — насилие.

Вытаскивая ваш проект на обсуждение, мэр меняет ситуацию на шахматной доске, и есть такие фигуры на этой доске, над которыми как бы занесен удар.

То есть слушание вашего проекта на заседании правительства — предфаза будущего насилия. И кому надо — это хорошо понимают.

— Тьфу ты, — Палыч в сердцах сплюнул куда-то в сторону.

— Но все, что я вам сказал — это половина правды, — Спиридонов почему-то значительно веселее посмотрел в захмелевшие, полностью его принимающие глаза

Кати. А вторая половина правды в том, что, оказываясь в этой комбинации, ваша фирма «Сириус» ближе чем кто-либо к утверждению проекта и к финансированию. Опять же шахматным языком — вы становитесь пешкой, проходящей в ферзи.

— Но нас-то уже не будет! — с досадой стукнул кулаком по столу Палыч.

— Вот это-то и стало для меня сюрпризом дня.

Но, Василий Павлович, еще не вечер. Может, как-то образуется, хотя мои возможности на тех этапах ограничены и ничего я вам, к сожалению, обещать не смогу.

— Юрий Иннокентьевич, давайте больше не будем о грустном, тем более, что совершенно неожиданно для меня, старика, вы показали, что все не так уж совершенно плохо, как я первоначально думал.

За вами тост, Юрий Иннокентьевич!

— А я предлагаю тост за человека, которого я увидел в работе, которого оценил и который очень много делает, чтобы сложная ситуация, в которой находится «Сириус», была наиболее благоприятной.

За Катерину Владимировну!

Все захлопали, и веселье вернулось.

Глава 10

Публика напрягла все свои мозги, чтобы понять диалог двух шефов и, главным образом, концовку разговора. И поняли: есть какие-то затруднения на пути у «Сириуса», может быть, даже серьезные, но есть и классные, почти головокружительные перспективы, но при условии, что все каким-нибудь чудным способом образуется, осталось только надеяться на этих двух дядек — старого и молодого. И каждый чувствовал свою определенную заслугу в том, что благодаря сегодняшнему уик-энду этот молодой шикарный дядька явно стронулся в сторону личных симпатий к «Сириусу», что уже заметно продвинуло шансы «Сириуса» даже по сравнению с сегодняшним утром.

Еще одно — два таких счастливых продвижения, и кто знает, — вдруг окажется возможным безбедно и гарантированно зажечь на годы вперед.

Эта мысль упала ох как на удобренную почву: перспектива идти искать работу не по специальности в каждой семье уже стала глубоко обдуманной драмой.

«Футбол! Футбол!» С огромным удовольствием все сменили род деятельности.

— Мы с Катериной Владимировной в одной команде!

— категорично заявил Палыч, держа в руках мяч как судья.

— А мы с Юрием Иннокентьевичем — старая команда, — бедрастая чья-то жена уже прижалась к нему как раз этим местом.

Разделились на команды, начали. Катя играла, может быть, второй раз в жизни после пионерлагеря.

Мяч сразу попал ей, она побежала к другим воротам и вдруг осознала, что бежит легко, по-спортивному — вот они несколько лет спортзала! Она сделала пас сотруднику, который все никак не защитит диссертацию, но гола не получилось, а только куча-мала.

Второе открытие сделала Катя: Он, играющий форвардом команды противника, играет далеко не лучшим образом. Да, Он решителен и прямолинеен, но, увы, не гибок. Пятнадцатилетний Толик, чей-то сыночек, где-то уступал Спиридонову, а где-то легко Его обводил. И было видно, что Его это исподволь злило, проигрывать он не привык, хотя он весело шутил и виду не подавал. Несколько раз Катя смело бросалась наперерез к Нему, чтобы отнять у Него мяч, но он, хоть и в некоторой борьбе, но каждый раз отнимал и мчался к воротам Палыча, где Его уже ждала вся орава женщин и детей, чтобы не дать забить. Столкновения с Ним в ходе борьбы за мяч были чисто спортивными, Катя хохотала и по-настоящему старалась переиграть Его, но эти их обоюдные толкания, прикосновения возносили Катю на верх блаженства.

Вот Толик паснул Кате, и перед ней открылась прямая дорога к воротам противника. Спиридонов издали помчался за ней вдогонку. Катя спиной чувствовала этого огнедышащего кентавра, ощущала, насколько он физически сильнее ее, и в то же время ее тренированный организм вдруг подсказал ей: беги, ты можешь быть быстрее его. Она рванулась в миг, когда Он ее почти настиг, и стала прибавлять скорость, когда Он был уже на издохе, и Он, понимая, что она уходит, что гол

неизбежен, уже отставая, схватил ее обеими руками за бедра, они в таком положении и упали.

Тут все заорали: «Пенальти!», и Катя, разбежавшись, забила-таки гол той бедрастой, что стояла в воротах. Увы, через минуту Спиридонов забил ответный гол Палычу. Он шел от ворот победителем, вздымалась широкая грудь, на лице играла полуулыбка типа «Да что уж там, не надо оваций».

Вот Катя пытается обвести мячом целую стаю женщин и детей, и ей это удается, она пасует Толику и, задохнувшись, держится обеими руками за ствол могучей сосны. Она пытается отдышаться, и голова у нее кружится — от всего сразу. Мяч куда-то улетел, за ним побежали, через поле стоит Он и смотрит прямо на Катю, а она на Него и она этого не стыдится, и ей легко. Господи, думает она, держа в пальцах грубый рельеф сосновой коры, хорошо- то как! Может, это конец жизни? А зачем еще жить — вершина блаженства достигнута. Она подняла голову вверх, и в подтверждение ее мыслей кроны закачали голубое небо в полном сюрреализме.

Этот миг бытия — непостижим. Неужели это все реальное — реально?

Но мяч в игре. Катя поняла, что необязательно бегать со всей оравой, достаточно догадаться, где приблизительно может оказаться мяч и там просто выждать. И почти угадала — он вскоре полетел недалеко, настолько, что, приложив все человеческие усилия, можно было бы пересечь его траекторию.

Хрясь! Катя на полном ходу вдруг спотыкается о выпирающий из земли корень сосны и падает плашмя.

Не столько больно, сколько неожиданно. Не успевает сесть, как уже ее окружают обе команды, а Он, разумеется, успел раньше всех, он на корточках буквально нависает над ней и в руках держит ее ногу в тренировочных рейтузах. Лицо сверхзабоченное: — Здесь не больно? А здесь?

Кате стало смешно: ну надо же, нашел способ при всех ее щупать.

— Нет, не больно, — она резво встала, упрямо и счастливо потрянула своими каштановыми волосами.

Хотя, конечно, коленке немного было больно.

Но терпимо.

Но недолго они еще играли. Вдруг крики: Василь Палыч! Что с Вами?!

Батюшки светы, Палыч осел в воротах, побледневший, с виноватой улыбкой, держась за сердце.

Через секунду к нему уже бежала интеллигентная старушенция с валокордином. Все забеспокоились: надо «скорую»!

— Да ничего, это чуть-чуть, сейчас пройдет, — успокаивал публику Палыч.

Кто знает, может, его и в самом деле несильно кольнуло, но уже через пару минут Палыч обвел притихшую компанию просветлевающим взглядом и сказал: — Отбой тревоги, вот и все. А где шашлыки? — двинул он приказом всю армию на новые победы.

А старушенция между тем помогла Палычу медленно дойти до скамейки рядом с домом, где он и сел надолго.

Снова взял бразды правления Спиридонов. Приблизивши свой упрямый нос-картошку к мясу, он изучил содержимое и сказал:— Эх жаль, рановато, мясу бы еще постоять часа два-три, ну да ладно.

Конкурировать с «чьей-то женой» за право быть в помощниках у Него было бесполезно, бедрастая Его попросту приватизировала. Мужчины стали заниматься костром, а Катя вошла в старую женскую бригаду по новой подготовке стола к продолжению пиршества. С ней стало происходить нечто странное — движения стали медлительными, почти сонными, взгляд рассеян, ощущение, что щеки как бы чуть-чуть намылены. Она хотела. Чего? Всего. Она была готова. К чему? Ко всему. Всемирная пробуждающаяся весна — это была она. Распускающаяся почка — это была она. Лосиха, уходящая с лосем в чашу, — это была она. Ее желание было важнее ее человеческой личности, важнее той оболочки, которая называлась Катя. Раскрывающаяся раковина — это была она. Сладковатый запах угарного секса — это была она. Катя делала движения руками, а пальцы дрожали — ни для кого незаметно, но видно ей самой, потому что вместе с пальцами дрожало все тело.

Как-то чрезвычайно легко, почти шутя, Он вышел из монопольного владенья бедрастой.

— Катерина Владимировна, зычно позвал он, — принесите, пожалуйста, шампуры, они вон под той березой.

Катя стала выполнять команду, как зомби, подчиняясь, не имея своего управляющего центра, словно плыла в замедленной киноленте. Она подошла с шампурами, присела перед углями и не заметила, каким быстрым и пронизательным взглядом Он оценил все, что она сейчас собой представляла.

— Вот два шампура, держите их недалеко от огня, но и не в огне, я скажу, когда поворачивать, — Он давал указания также на корточках, прижавшись к ней плечом, но уже не вызывал в ней никаких реакций, потому что это уже была не Катя, а сама живая жизнь планеты Земля во всем многообразии живых существ, в момент, когда эта живая жизнь готова дать жизнь следующую. Раковина раскрылась.

Катя не видела никого и ничего и почти не уворачивалась от едкого, гуляющего во все стороны дыма. Время от времени Он брал шампуры из ее рук, осматривал — все так же, прижавшись к ней на корточках, — снова вручал или давал другие. Шум, смех, разговоры — всего этого Катя не слышала.

— Катя, смотрите, вы щеку мазнули углем, — его лицо оказалось рядом. В голубых блестящих навывкате глазах не было вечного прикола, было что-то другое, какая-то необыкновенная внимательность.

Он достал из заднего кармана джинсов платок — чистый, выглаженный, благоухающий и, приблизив свое лицо уже совсем близко, почти коснувшись, стал уверенной рукой нежно оттирать угольный мазок. Катя медленно снизу подняла ресницы, и на Него посмотрел Зов. Женщина стала тем, кем и должна быть — не сотрудником, не прохожим, не гражданином, а силой и властью, которая повелевает: жизни — продолжаться!

Чуть-чуть озадаченное выражение промелькнуло в Его лице.

— Горят, горят, шашлыки горят, — этими криками народ прервал сцену, смотреть на которую было невозможно в силу ее вопиющей откровенности.

— А смотрите-ка, затягивает, — сказал кто-то, глядя в небо.

В самом деле: куда девалась голубизна и солнце?

Небо было в тучных облаках, похолодало. Шашлыки готовы. За стол не пошли, и все съестное перенесли к костру, подкинули дров.

Расселись кружком — кто на чем. Спиридонов уже без обиняков прочно уселся рядом с Катей. Началось всеобщее плотоядное безобразие. Шашлыки удались на славу, и

все впились зубами в прекрасное мясо. Катя второй раз видела рядом это зрелище: сильный мужчина с мощными челюстями, которые ходят туда-сюда, впивается зубищами в мясо и отрывает кусок. Странно, ей не казалось это ни ужасным, ни отталкивающим. Наоборот, предельная натуральность зрелища почему-то ей очень даже нравилась, более того, казалась чем-то родным. И при том, что нижняя часть этого мужественного лица ходила ходуном, с верхней неподвижно и очень внимательно смотрели голубые звезды.

— Катя, что же вы не едите, ну-ка кусните этот кусок с моего шампура, вот-вот, а теперь тяните — опа! отлично, жуйте-жуйте, ваша работа!

— «Когда это он стал называть меня по имени — Катя? Что-то я не заметила. Да и Бог с ним, пусть будет так». Катя чуть прислонилась к вельветовой куртке. Под шашлыки водка прошла не раз. Он каждый раз, не пропуская, наливал себе полный стаканчик и крепко ввинчивал его, резко запрокинув голову.

Говорили обо всем. О политике, о киноактерах, о футболе. Палыч как-то притих, сидел, прижавшись со своей старушенцией. Зазвенели гитарные аккорды.

Так и не защитившийся их сотрудник был давний бард еще со студенчества. Пошла вся классика шестидесятых, семидесятых, вечный Окуджава.

Присутствующие знали все эти песни до слова и потому запели все. Кроме Кати и Его. Она происходящее видела как бы из-за стекла, она сама была равномерно горящим костром, но горящим изнутри.

А Он, будто понимая это, оберегал ее, выполняя сверхпочетную роль подставки, к которой она прислонилась.

Он продолжал жевать и опрокидывать стопарик, как бы издали чокаясь с теми вокруг костра, кто пытался не отстать от него.

Вдруг на лицо упало увесистая капля. Катя, озаренная своей внутренней улыбкой, не спеша растерла ее на щеке. А вокруг народ стал подниматься: — Смотрите, начинает, кажется, — надо же, как обещали.

Капли, словно пули, стали увесисто впиваться то в траву, то на угли, то на куртку.

Народ превратился в сложную корабельную команду, готовящуюся к шторму. Женщины стали собирать посуду, увязывать узелки, мужчины тушили костер,

переносили столы в стоящий рядом аккуратненький хозяйственный сарайчик, зияющий черным квадратом распахнутых ворот.

Катя никак не реагировала на эту суету, она жила тем, что может быть впервые в ее жизни включилось во всем ее организме. Чем-то отдаленно похоже на полураспаленную спираль электроплитки — Катя вся была этой спиралью ровного накала. За тем стеклом, из-за которого Катя видела сейчас реальную жизнь, уже вовсю шел дождь: и лес, и дом, и убегающие к дому люди были словно покрыты бегущей серебристой сеткой.

— Василий Павлович! А шампуров куда? — это, оказывается, она, Катя, крикнула Палычу, уже входящему во входную дверь дома.

— Не промокнут, бросьте! — крикнул он, — или вон в сарайчик на столы киньте, я потом уберу. И скорее в дом, Катюша.

Катя не побежала, а спокойно двинулась к сарайчику, держа всю связку шампуров. И... Только она в темноте положила их на деревянный стол, только повернулась, чтобы идти в дом, ей навстречу со света в темноту шагнула фигура.

— Катя!

Могучие объятия, такие желанные, такие сладостные схватили ее.

— Катя!

Мокрый мужественный нос картошкой уперся ей в щеку. Произошло самое обыкновенное, одновременно, и самое невероятное. Сильные мужские губы припали к ее губам.

Губы Кати трепетно ответили, ее сознание поплыло.

Его большая ладонь двинулась по ее телу и полностью закрыла одну грудь. Ее рука рванулась, схватила его кисть, будто бы стараясь оторвать, а сама обессилила и осталась так сверху, на его ладони.

Катя чувствовала всем своим телом его мощные мышцы. А поцелуй все длился. Он снова вымолвил только: — Катя!

И это позволило двум организмам успеть сделать только один вздох, чтобы не задохнуться, и они снова слились в поцелуе.

Странное спокойствие овладело Катей. С мига до поцелуя и до мига после поцелуя она стала абсолютно другим человеком, вся прошлая жизнь осталась где-то, словно

прочитанная книга, забытая на даче. Сейчас она чувствовала себя сильной птицей, которая может расправить большие прекрасные крылья, и они понесут ее вдоль любой ее воли.

Она, удивительно добро улыбаясь ему, отвела его руку от груди, отстранилась и со словами «нас ждут» спокойно пошла под дождем к дому.

По расписанию электричек оказывалось, что следующая через сорок минут, а другая за ней будет только через полтора часа. Решили попытать счастья и успеть на эту. Спиридонов предложил тремя партиями довести всю публику до платформы, а еще несколько человек, кто благоразумно запасся зонтом, — пошли пешком.

— Вы мне прояснили дело так хорошо, что я еще больше возненавидел политику и возблагодарил Всевышнего, что в жизни занимался другим делом, — сказал на прощанье Палыч Спиридонову.

— Но, главное, я увидел свет в конце тоннеля.

— Если б у нас было несколько жизней, и не надо было бы гнать лошадей — шансы вашей установки, по-моему, — стопроцентные, Василий Павлович.

Сейчас многое зависит даже не от заключительной резолюции, а от тональности, в какой она будет принята — именно по ней будут видны истинные намерения мэра на дальнейшее.

— На дальнейшее... — эхом отозвался Палыч, с большим сомнением качая головой.

— Не горюйте, Василий Павлович, может, прорвемся как-нибудь!

— Но вы-то со своим оборонным заводом не прорвались!

— Василий Павлович, ну, сравнили: там федеральные власти, а здесь московские. Как говорится в русском народе — две большие разницы.

— Может, заночуете у нас, — без всякой связи с предыдущим предложил Палыч. Все-таки вы употребляли...

шашлыки, а вы за рулем...

Спиридонов вроде как поначалу и не понял слов Палыча, а как понял — хохотнул, хлопнул дверцей и из-за стекла махнул рукой: низко осевшая машина пошла в свой первый рейс. Катя оказалась в третьем рейсе, причем надо же такому случиться — бок о бок с той бедрастой. Женщины внешне не обращали друг на друга никакого внимания, но, по-существу, у них у обеих шерсть стояла дыбом.

Они поднялись на платформу, когда электричка уже подходила. Дождь шел уже не крупный, а морозящий, было ветрено, и уже почти стемнело. Он вышел из машины с ними и подошел вплотную к той двери электрички, где среди других сиделась Катя. В тамбуре народ развернулся и стал ему махать с криками «До свидания».

— Катя, а давайте я вас прокачу, — вдруг абсолютно спокойно сказал Он, и в этот момент началось шипение закрывающихся дверей. Как же ловко он вдруг взял Катю за руку и выдернул из тамбура на платформу — двери захлопнулись прямо за ней. Она буквально упала ему в объятия, а он продолжал махать тем, кто также ему махал с вытянутыми от удивления физиономиями, но это длилось секунду, поезд пошел.

Глава 11

Они снова слились в долгом поцелуе. На платформе, как и всюду вокруг, не было ни души — только за заборами горели окна Терентьевских усадеб.

Так, поминутно целуясь, в обнимку, они спустились к машине, не обращая внимания на морозящий дождь. Он, словно швейцар, открыл перед ней дверцу, усадил, поцеловал, закрыл дверцу, обошел машину и сел за руль.

— Я боюсь, вы простудитесь, сказал он, откручивая крышку с какой-то изумительной изогнутой фляги. — Ну-ка глотните, — он поднес к ее губам небольшую серебряную чарку (откуда она здесь?), — только сразу одним глотком, договорились?

Катя послушно «махнула» — и ахнула — это был, судя по всему, крепчайший напиток, но душистый, приятный. Сразу по телу пошло тепло, сознание в который раз за сегодняшний день поплыло. Он опять нагнулся в долгом поцелуе, а уж его рука чувствовала себя на ее груди просто по-хозяйски. Катя ничему не сопротивлялась.

Он завел машину — перед ним на удивительной темной перламутровой панели зажглись красненькие и зелененькие цифры и стрелки. «Где-то все это уже со мной было», — мелькнуло у Кати в подсознании.

Машина бесшумно пошла, хотя дорога, освещенная фарами, представляла собой ребристую поверхность, словно стиральная доска.

Катя утонула в исключительно удобном кресле и наполовину зачарованно, а наполовину как бы во сне смотрела на слабые отсветы темного неба над черными

контурами стоящего впереди леса, иногда чуть озадаченно переводя взгляд на красные и зеленые цифры и стрелки приборного щитка панели, создающие такой уют внутри машины.

Рядом чувствовалось его сильное плечо. Вскоре они выехали на асфальт. И тут моросить перестало, а пошел настоящий ливень. Далее непонятно — что Он видел впереди? Щетки-дворники сметали со стекла воду потоками.

Но Он, будто дождя не было вообще, вдруг стал придавать машине большую скорость — Катя увидела: зеленая стрелка на красной шкале на перламутровой панели пошла вправо. Как бы мягко машина ни шла — скорость ощущалась.

Опьянение от его чарки стало действовать все сильнее, мысль стала терять нить, а сознание перестало ориентироваться.

Из темноты на них надвигались освещенные их фарами огромные прямоугольники кузовов междугородних трейлеров. Их машина шла на обгон прямо в стену водяной взвеси, которая клубилась у огромных колес этих грузовиков-гигантов. В обгоне они все время прямо в темень уходили на встречную полосу.

Какая сейчас скорость — сто? двести? Разобьемся.

А впрочем неважно. Жизнь закончилась хорошо.

Хорошо? Нет, что-то не так. Впрочем и это неважно.

Нет, важно. Он стал ухаживать за женщиной, будучи пьяным. Да, зато желанный. А, ну и пусть: все хорошо не бывает.

Почему — ухаживать? Ухаживания не было. Меня сразу берут как женщину. Сразу. Без предисловий.

Навстречу чьи-то фары летели прямо в их стекло.

Она не успела подумать, что конец, а они уже разминулись, и их машина с той же бешеной скоростью неслась в темень.

Вот щетки-дворники разметаю воду. Вправо.

Влево. Почему не было ухаживаний? Куда мы едем? К нему. Я согласна. Почему не было периода, когда мужчина за мной ухаживал перед тем, как везти к себе? Потому что мы уже не дети, как взрослый роман развивается, так пусть и будет.

Не все по логике. Потом будут ухаживания.

Да, именно потом они и будут. Это вполне естественно.

Немного он ухаживал. Нет, это не ухаживание.

Это... Боже, зачем пришла эта мысль?

Машина опять в обгоне какого-то длиннющего фургона вылетела на встречную полосу. Как же это так получается, что мы не разбиваемся?

Нет, что-то важное я только что думала. Да! Это не ухаживание, а заученный рисунок действий по взятию женщины. Точно! Ее взяли. И она — согласна.

Да, согласна, и пусть все летит колбасой.

Навстречу пролетела машина, непрерывно гудя, — им, наверное. И с этой не столкнулись.

Насколько она знает, двойную сплошную пересекать нельзя. А мы половину времени едем так, что она у нас справа.

Да, все-таки важная была мысль. О чем же? Боже, какой пьяный оказался напиток. Приближается море огней. Москва?

Да, мысль была о том, что она согласна. А почему?

А потому, что скоро конец подготовки вопроса про энергетическую установку, и они больше никогда не встретятся. А ей хочется Его. Хочется, чтобы это было в ее жизни. Она больше не может быть безупречным, корректным, работоспособным сотрудником. Господи, неужели через каких-то три недели она снова наденет на себя этот образ? По катиной щеке покатила слеза. Пусть я погибаю, пусть Он меня просто соблазнил. Просто пусть это будет. Я хочу. Нет, это не любовь. Нет, не так целует мужчина, который любит.

Не так прикасается, не так смотрит. Но как мне нужен этот запах, эта сила, эти блестящие голубые глаза. В омут — с головой! Пусть будет без любви.

— Ты плачешь? Почему? Что с тобой? — Он на секунду убрал руку с рычага и положил ей на колено: — Ну что ты, ну что ты...

Они неслись не по Москве, а по какому-то подмосковному городу, машин попутных с ними было все больше и больше. Красный светофор у поста ГАИ. Где гаишники? Спрятались от дождя.

Катя ощутила, что его лицо повернуто к ней.

Дорогие черты так ранящего ее человека. Она протянулась левой рукой коснуться его руки. В этот миг зажегся зеленый, стальные мышцы заходили под вельветовой

курткой, переключая рычаг. Машина понеслась и, видимо, еще быстрее — так он понял ее слезы: надо спешить. По самой левой части полотна у двойной сплошной линии машины шли значительно быстрее, чем в других рядах, но их бесшумный комфортабельный лайнер все время упирался в чьи-то задние номера. Дважды ярко вспыхивал свет фар их машины, видно Он так требовал уступить дорогу, и, действительно, многие уходили вправо, освобождая им путь. Если же нет, Он круто выворачивал на встречную и с удвоенной скоростью проходил мимо — прямо навстречу цепочке идущих на них фар. Это была даже не опасность, а запредельное существование, но в отсветах пролетающих мимо огней она видела абсолютно недвижимый упрямый профиль с носом-картошкой, который сейчас ей казался символом всего мужественного.

Вот это трагическое расхождение между столь долгожданным происходящим и тем, какой она всегда представляла себе любовь, это расхождение, от которого хотелось в голос рыдать, имело внутри трагического какую-то упоительную ноту гибельной решимости. Что-то сродни запрятанному счастливому надрыву лучших русских романсов. Ведь очень скоро и, быть может, уже с завтрашнего дня, — Господи, так именно что с завтрашнего дня! — не будет ничего. Ни Его не будет, ни ее с Ним.

Это естественно: какое же может быть продолжение у прикосновения без любви? Ему самый почет остаться в памяти либо как приятным, либо как досадным, либо как пустым приключением. И все.

— Не плачешь? Ну слава Богу, — его рука оторвалась от рычага, прошлась вдоль по ее руке и чуть пожала пальцы. Катя не ответила ни словом, ни жестом.

Вдруг произошло что-то страшное. Они обходили длиннющий трейлер, а, может быть, и еще какую-то машину — Катя не успела даже толком разглядеть за переливающейся водой раздвигаемой щетками-дворниками — и вмиг огромные слепящие фары оказались прямо перед ними, они шли на них.

Катя только успела слабо заслониться рукой.

Тут их бесшумная и плавная колыбель куда-то кинулась, сделала резкий бросок вправо, и прямо за правой щекой Кати, буквально в сантиметре за стеклом угрожающе образовались прямоугольные рельефы огромных — выше их машины — колес грузовика в дыму водяной взвеси. Катя вскрикнула и... ничего.

Ни фар, ни грузовика, только дорога впереди, где-то там маленькие огоньки. Они неслись дальше.

Как же все обошлось? Катя испуганно посмотрела на еле различимый черный неподвижный контур его лица — он был столь же упрям и невозмутим.

Но тут катина память стала смутно воссоздавать: в момент, когда их кинуло почти под колеса грузовика, он произнес ужасное матерное ругательство.

Было ли это? Сейчас Катя начала сомневаться. А, может, ее сознание уже все путает. Да и сам миг чуть не состоявшейся катастрофы также вызывал у Кати сомнения в своей достоверности. А он-то был? А, может, она на миг отключилась, и ей почудилось?

Катя с досадой отбросила все эти размышления, поскольку они заслонили что-то бесконечно важное, чем она жила до того.

— Ничего, все нормально, — он опять чуть пожал ее пальцы.

А-а, значит дорожное происшествие все-таки было!

На них надвигалось море огней — Москва. Нет, нет, что-то важное она не успела продумать. Срочно возвращаемся к той мысли, а то так и не успеем.

Да, вспомнила она: упоительная гибельность любви и одновременно ее потери, которые вынимают всю душу столь простыми словами и звуками русского романа.

Да, еще точнее вспомнила она, ничего и никогда уже впредь не будет уже с завтрашнего дня!

Вот-вот, это и есть главное — все существо Кати нашло наконец точку опоры — вот почему романс, вот почему ей на такую глубину хорошо: она легко решилась. Пусть все будет сегодня, пусть это будет один раз, пусть не совсем так, как всю жизнь мечталось, а точнее — совсем не так, но она запрячет в груди своей это произошедшее навсегда, она пронесет ее через вереницу пустых дней и лет, столь же пустых, какими они были до этого, но то, что она запрячет как самое дорогое в памяти — и будет ее теплом, ее смыслом, глубинным оправданием ее существования.

Да, она согласна! Пусть все так и будет!

В свете фар еще вдаль, но быстро приближаясь, им пересек путь милиционер с вытянутой палкой.

Их машина резко свернула к обочине. Он как-то молниеносно выскочил, и Катя увидела их обоих прямо перед капотом машины неестественно ярко освещенными снизу. В какую-то секунду милиционер посмотрел в документы и тут же козырнул.

Как они проехали по Москве — Катя даже не смогла зафиксировать — просто перед глазами менялись знакомые-перезнакомые картины ярко освещенного ночного города. Они останавливались, трогались, поворачивали, вливались в автомобильные потоки. Но вот машина стала притормаживать.

«Большая Ордынка», — прочитала Катя на доме.

Машина въехала в какой-то проулок, затем в темный двор и встала.

— Приехали, — сказал он мужественно и ласково одновременно, и Катя ощутила на своих губах кроткий поцелуй, но не ответила.

Они зашли в неосвещенный старый подъезд, не чистый и не грязный, но пропахший быльем. Катя маленькой жила как раз в таком подъезде — это были старые коммуналки центра города.

Они медленно поднимались ступень за ступенью на второй этаж, и огромные двери коммуналок с множеством звонков и табличек с именем жильца у каждого звонка почему-то были поперек заклеены длинной бумажкой с печатью. «Опечатаны », — поняла Катя, — «а почему?» На втором этаже у такой же двери почему-то не было бумажки. Он открыл дверь своим ключом и сразу же просунул в проем руку, зажег свет. Да, именно в таком коридоре коммуналки Катя и росла в далеком детстве. Он не пропустил Катю вперед, как полагалось, а сделал два крупных шага вперед и стал ключом открывать первую из ряда дверей в коридоре.

«Здесь никого нет», — слегка захолодело у Кати.

— Проходи, — то ли пригласил, то ли скомандовал он.

Катя сделала шаг и поняла, что отзвук человеческого шага в огромной пустой коммуналке звучит более чем противоестественно.

«Куда мы приехали? Где это мы? Неужели он здесь живет?» — Удобства там, в конце коридора, — махнул он рукой, а сам, полюбив Катю, завел ее в комнату жестом на грани вежливости и насилия. И сразу же зажег, но не верхний свет, а торшер. Катя огляделась.

Небольшая комната. Нет ничего шикарного, абсолютно ничего, но нет и ничего убогого, грязного, недостойного. Высоченный потолок с лепниной.

Шторы надо постирать. Обои нигде не порваны, без засаленных мест, но крепко не новые. Столик, кресло, двуспальная кровать, рядом тумбочка, большой шкаф, очень-очень старый, потемневший, некогда добротный дубовый паркет.

Он помог ей снять куртку, положил куртку на кровать, застланную темно-красным в черную клетку пледом, снова поцеловал и в поцелуе усадил в кресло.

— Посиди здесь минутку, — сказал он, — я сейчас по хозяйству, сделаю кофе, принесу вина, посиди, осмотрись, не пугайся ничего.

Его шаги гулко удалились вдоль всего коридора.

Все чувства дня у Кати как рукой сняло. Она силилась припомнить — где она все это уже видела — этот шкаф, это кресло, этот торшер? Ну, конечно же, в той коммуналке ее детства. Из всех соседей одна семья была богатая, и у них была мебель на зависть всем новая, современная, модная. Мама тогда еще говорила, что им ни в жизнь такой мебели не раздобыть. В той семье Катю любили, и она часто гостевала, сидела именно в таком же кресле, смотрела на такой шкаф.

А вот была ли в той семье такая тумбочка? Катя присмотрелась и... Что это там, между тумбочкой и кроватью? Вроде бы застрял сложенный маленький листок бумаги. Больше механически, чем из любопытства Катя протянула руку, благо для этого не надо было подниматься из кресла, достала его, развернула и...

«Убегаю. Когда будешь уходить, все выключи и все закрой. Созвонимся. Ю.» — прочитала она твердый ясный почерк.

Черная молния пронзила катино сознание. Перед ней будто наяву всплыл образ той, с пышной грудью и белой кожей и с тем, именно с тем ртом, ну — этой, которая порно-торт. Эта записка — ей?

И что: она, Катя, — стой в очередь? Здесь же, на этой самой кровати? «Хам и циник», — сказала Кате словно рядом сидящая Антонина Дмитриевна.

На той же кровати! Делать то же? И так же? Катя отбросила записку на кровать как что-то гадкое.

Никаких слез, никакого оскорбления. Ясная сверхделовитая решимость овладели Катей. В одно движение она схватила куртку, вот пальцы легко отодвинули щеколду

замка входной двери, вот быстро по ступеням вниз, вот в лицо темный холод ночи — бегом! Проем какой-то арки, а за ней свет, улица движение машин. Бегом!

Глава 12

Катя делала утренний маршрут на работу на автопилоте, без единой мысли. Не в ней, а где-то в космическом пространстве была ноющая боль.

Нет, — нет, и в душе также. Ах, вот где истина — боль была во всей этой связке: душа — космическое пространство, потому-то ее было не унять.

Если б только в душе только, то тут можно было бы приказать: «Боль, уймись!», а если болеет сама связь с мирозданием, тут уж Катя не властна, значит — только терпеть.

Катя механически вливалась в человеческие потоки, заполонившие бетонные тоннели метро, заходила в поезд, выходила на нужной станции, шла на переход. Интересно, что боль — это тоже жизнь.

Но странная эта жизнь — в боли. Можно ли, испытывая боль, сказать — «жизнь прекрасна!»?

Почему на поле боя солдат, развороченный снарядом, просит товарища: «Пристрели меня!» Все-таки это не жизнь — в боли.

Мужчины, когда что-то переживают, сразу пьют водку. Для них это анестезия. А ей, Кате, что делать, — Катя взялась за ручку входной двери их института, — тоже пить водку? Куда деться от боли — носить ее с собой?

Катя вошла в лабораторию. Все почему-то замолчали, обернулись на нее — кто со странным вниманием, кто с удивлением, кто с ухмылкой. Катя безразлично всем кивнула: «Здрассте» и, не обращая внимания ни на кого и ни на что, пошла к своему компьютеру. Плащ — на вешалку, компьютер загружаем, портфельчик — в сторону.

На экране привычная последовательность кадров загрузки. Катя помнила старое, как мир, правило: когда фотографируешься, исключай все, что может ненароком занизить твой образ. Лучше всего фотографироваться на фоне шитых золотом гардин.

Вот она и сфотографировалась. Одна из женщин.

Женщина постельного конвейера.

— Катя, к телефону, — позвала сотрудница и, зажав трубку рукой и сделав страшные глаза, даже не шепотом, а мимикой губ произнесла: «Он». Разумеется, это беззвучное сообщение услышала вся лаборатория, все поудобнее уселись в портере — акт второй.

Катя без всякого чувства, будто душа у нее была ампутирована, взяла трубку:

— Слушаю.

— Катерина Владимировна! Я виноват. Я даже не могу просить у вас прощения. Я сделал вам больно.

— Вы о чем?

— Катерина, Владимировна, каюсь...

— До свидания, — Катя положила трубку и также безучастно прошла сквозь озадаченную зрительскую аудиторию, вкушающую театральное представление.

Так, вставляем дискету. Ищем файл. Связь с мирозданием вновь заныла: Он ее прокатил по обычному маршруту! А за ней будет еще какая-то, следующая.

Нет, не в этом дело — на то наплевать. В другом дело: чтобы по тому накатанному маршруту катиться, не надо было быть переполненной всей той бездной чувств, что тогда, на даче Палыча, овладели ею. Можно было быть вообще резиновой куклой и с тем же успехом оказаться в том кресле рядом с кроватью, покрытой красным пледом. А ведь у ней в душе тогда происходило, может быть, самое главное в ее жизни, столь долгожданное, с такой задержкой пришедшее в ее не юность, а уже и не в раннюю молодость.

Дверь открылась, появился Палыч: — Катюша, зайдите ко мне.

Кабинет Палыча — крохотная комнатка, не обставленная никак, выдавший виды стол, да стулья, просившиеся в утиль, да книжные полки. Но в этом помещении был Палыч — сокровище рода человеческого, и это с лихвой компенсировало отсутствие интерьера.

Катя села напротив, не замечая, что лицо ее чуть нахмурено и сосредоточено на чем-то там внизу, будто она обронила иголку и не видит ее. Палыч взирал на это с недоумением.

— Катюша, у вас все в порядке?

— Да, — бесцветно отозвалась Катя.

— Мне уже настучали, — Палыч хотел прибавить юморной тональности в разговор, но не получалось.

Катя продолжала хмуриться на уроненную иголку.

— Простите меня, Бога ради, может, я лезу не в свое дело, но честное слово, я к вам отношусь лучше, чем ко многим своим родственникам. У вас сейчас вид такой, будто вы старше меня. Ну ладно, — поспешил замять он свое залезание в душу другого, — все нормально, так все нормально. Я, собственно, вызвал вас для серьезного и секретного разговора.

Катя, оставаясь в рамках анемии, перестроилась на внимательное восприятие.

— Вчера, когда вы все уехали, я еще успел посмотреть третий тайм хоккея. Наши, как всегда, проигрывали, но то, что сделал тренер в последнюю минуту, навело меня на мысль. Вратарь покинул ворота, а на поле вышел шестой игрок — в том смысле, что проиграют так проиграют, а вдруг да забьют вшестером шайбу за последнюю минуту.

Катя силилась понять: о чем это Палыч?

— Я, видно, вас мучаю, но потерпите чуток. Так вот, наши гол не забили, матч кончился, я перед тем как выключить, просто переключил на другую программу, а там внизу экрана надпись: костюмы для телеведущих предоставлены такой-то фирмой.

Катя кашлянула в кулачок.

— Меня осенило, Катя. Из объяснений Спиридонова с очевидностью стало ясно, что наш вопрос на правительстве Москвы может не пройти, и тогда нашей лаборатории конец буквально на следующий день. Улавливаете параллель с той хоккейной ситуацией?

Пока еще не исчезла и вероятность положительного для нас исхода. Следовательно, — что? Патронов не жалеть. Вот подпись про костюмы меня и надоумила. Катюша, я по остаточным дохлым финансовым средствам нашей лаборатории принимаю волевое решение. За большую проделанную работу, — речь Палыча приняла торжественную интонацию военачальника, вручающего ордена, — за проявленную ответственность и с учетом предстоящей важной роли на заседании правительства

Москвы, — речь Палыча вновь стала человеческой, — я премирую вас, Катя, суммой в десять ваших окладов с целевым назначением — потратить эти деньги на наряды.

— Ну что вы, не надо, — хотела отмахнуться Катя.

— Это еще что? — театрально рассердился Палыч. — Что это за неуважение к приказу? Что делают матросы перед решающим боем, в котором корабль может затонуть?

Переодеваются в чистую парадную форму. Вот и у нас та же ситуация. На правительстве Москвы выступать буду я, но вы обязательно будете присутствовать.

Вам же проводить еще ряд важных встреч до заседания. Это деньги вам на парадную форму. Это — приказ. Хорошо, Катюша? — Палыч улыбнулся нахмуренному манекену.

— Спасибо — потупясь, сказала Катя, — спасибо, Василий Павлович.

— А что Корецкий?

— Завтра в десять.

— Но и ладно. Заезжайте потом, расскажите. А секретность нашего разговора в том, что прошу вас про премию не афишировать, люди в лаборатории и так все нервничают.

Катя вышла, а Палыч остался в задумчивости потирать подбородок.

Катя уткнулась в компьютер. Максимум того, что заслужила в жизни — ухаживания пьяного. Браток, не проходи мимо, будь милостив, пристрели меня, не могу больше!

...Придя вечером из спортзала, который не принес ей никакого облегчения, Катя уткнулась в телевизор — вот это то, что для мужчин водка: местная анестезия — на мозг.

Мелькают кадры — какая-то не наша жизнь, огромные трибуны, кричащие, вскакивающие с мест люди — сотни, тысячи, десятки тысяч голов и рук, арена, всадники...

...Он заведомо был убежден, что она будет счастлива от его предложения постели...

Между всадниками непонимающе остановился бык. В его холку впиваются короткие пики.

Уважение — это еще не любовь, но любовь как минимум предполагает уважение. А тут вся любовная история может начаться и кончиться, а про уважение еще и не вспоминали...

Бык разогнался — и мимо. Снова в атаку — и опять мимо. В его холку попадает и начинает там раскачиваться один металлический прут. Как же быку, наверное, больно!

— Катенька, доченька, не случилось ли с тобой чего — ну? мой маленький, что с тобой, — мама озабоченно склонилась.

— Все нормально, мама, — Катя чуть отчужденно и чуть досадливо отклонилась. Мама поняла, что приставать сейчас без пользы, решила приберечь разведку на попозже, пошла на кухню позванивать оттуда посудой.

Вот два всадника, чтобы отвлечь быка от матадора, подскочили к нему и вновь нанесли ему раны копьями.

... А где крик быка от ран? А-а, звука нет, вот в чем дело. Как понять поведение мужчины? Если у него не чувство, то что тогда? Тогда — животное стремление к случке. Нет, по крайней мере, не в этом случае. От такого борова Катя сразу бы отшатнулась и не получила бы такого ранения, как этот бык. Тут что-то другое. Это, наверное, самоутверждение хищника. Надо заставить жертву стать жертвой.

Важно именно этот процесс подчинения, покорения, доведения до состояния, когда можно вытереть ноги. Поставить в ряд других, предыдущих жертв и — отправить в прошлое. Утвердиться, что в правиле нет исключений, что хищник именно он, а кто-то другой, представший перед глазами — только жертва и ничего более...

Бык качнулся. Его морда показывается крупным планом — кровище хлещет потоками. Вот бык справился с остойчивостью и пошел в свою последнюю в жизни атаку. Человек с плащом победоносно втыкает быку длинное, сверкающее лезвие куда-то меж рогов. Бык пробегает еще и падает.

— Господи, ну что ты за ужасы смотришь, — мама ворвалась в комнату и, не спрашивая разрешения, переключила программу. Катя не пошевелилась.

На экране реклама того же фильма, что рекламируется по всему городу. Голос задает тот же вопрос, что написан и на экране — то есть само название фильма: «В чем счастье женщины?» И тут же кадры из фильма. Молодая женщина, привлекательная,

разумеется, как все голливудские кинозвезды, с ненавидящими глазами шипит стоящему напротив мужику: «Вы слишком много себе позволяете!» ... Батюшки, а ведь она, Катя, всего в миллиметре была от того, чтобы поверить, да, поверить, что он может в нее влюбиться! Да, все, что произошло, ей, Кате, проставило цену!

— Нет, это уж слишком, — мама еще раз переключила программу.

Катя вдруг встала, взяла свои джинсы и свитер, в которых была с Ним на шашлыках, в воскресенье, свернула все это в сверток и под изумленным взглядом мамы, встав на стул, запрятала на верхнюю антресоль.

— Ну ладно, не сейчас, но ты мне обязательно расскажи, что стряслось, проговорила вконец напуганная мама.

Глава 13

Ах, так вот почему «Сикор» — название фирмы сконструировано из первых букв! Семен Израилевич Корецкий.

Интересно, как пантера или волчица зализывает рану?

Путь в частную строительную фирму «СИКОР» оказался неблизким. Можно было ожидать, что такой крупнейший предприниматель в строительном деле Москвы, как Корецкий, этот «новый русский», который строит целыми микрорайонами, — сам отгрохает себе офис из белого или черного мрамора с вышколенными охранниками в безупречных костюмах — где-нибудь рядом с Моссоветом, в самом что ни на есть центре города, чтобы, разумеется, имидж соответствовал его реальному значению, а то и превышал его. Но Семен Израилевич Корецкий все сделал наоборот и запрятал себя в далекую, совсем уже непристижную промзону, в заводоуправление какого-то мертвого завода, который и в былую-то эпоху, когда еще что-то производил, имел разбитые подъездные пути, ободранный внешний вид и на редкость унылые и запущенные внутренние помещения.

Когда пантера или волчица зализывает рану — она что думает? Ничего, просто терпит. А сколько это может продолжаться?

Охранник, но совсем не вышколенный, сидел на стуле, развалясь, вытянув длинные ноги, и сверял паспорт Кати со своим списком — мог бы и встать перед женщиной,

все-таки ничем и никем не занят — на всем гулком этаже с двумя длинными коридорами вправо и влево кроме их двоих никого не было.

Охранник с ленцой вернул паспорт: — По лестнице на третий этаж, кабинет с подписью «Приемная».

Да, так сколько может продолжаться зализывание раны? Катя минула второй этаж, который был вообще безлюдным — хоть снимай здесь фильмы ужасов. «Сколько нужно, столько и будет продолжаться!

» — сказала с ожесточением Катя вслух сама себе и, повернув на последний марш, обнаружила, что с площадки третьего этажа ее с интересом рассматривает, а, вернее, слушает другой охранник.

Катя чуть смутилась, но оставила ситуацию без комментариев. Он довел ее до «Приемной».

Дверь к Корецкому была открыта, и Катю сразу пригласили туда.

Катя с удивлением осмотрела кабинет «нового русского» — махонькая, только небольшой стол да два стула перед ним, обитая деревянными панелями комнатка — шик директоров заводов тридцатилетней давности. Как же это Семен Израилевич сумел в такой громаде пустого корпуса отыскать самую маленькую комнату и в ней поселиться? Еще круче впечатление производил хозяин кабинета.

Невысокий, рыжий пожилой человек, мягкий, внимательный, улыбающийся — никаких бритых квадратных затылков и самодовольных тупых морд.

Он сразу же углубился в материалы, время от времени кивая головой в знак согласия с написанным.

У Кати появилось время подумать о своем — она повернула голову к окну и стала думать прямо в кусок облачного неба. Почему-то Он спешит с цинизмом.

Почему? Почему из всех вариантов поступков Он избрал такой, который смог разрушить все?

Не было бережности с его стороны! — вдруг догадалась Катя. А почему? Может, сам боится любви?

Например, когда-то обжегся, а сейчас исключает ее для себя, и любой контакт с женщиной заведомо пускает по рельсам флирта.

— Вот это место про недопустимое для многомиллионного города техническое отставание энергетических систем — совершенно правильное! — сделал реплику Семен Израилевич, не подымая головы от текста.

Ах, вот в чем дело! — вдруг осенило Катю — она чем-то сама дала Ему понять, что легко доступна.

Чем же? Она стала воссоздавать шашлычный день, фрагмент за фрагментом, и вдруг сначала волной на нее нахлынуло огромное желание Его — именно и только Его: голубоглазого, в вельветовой куртке, нос картошкой. И тут же на это воспоминание черной гарью наплыла боль и безмерное огорчение всей катиной личности. Произошла такая же противоестественная смесь лучшего и худшего в чувствах Кати, как смешиваются кишки с песком у несчастного, который попал под колеса поезда.

— Вам плохо, воды, валидола, врача, чем вам помочь? — внимательнейший Семен Израилевич, оказывается, смотрел не на текст, а во все глаза уставился на Катю.

— Нет, нет, все нормально, — крайне смутившись, заверила Катя и уперлась взором в пол, чтобы как-то скрыть лицо. Корецкий с сомнением качнул головой, еще раз испытующе взглянул на Катю и вновь углубился в бумаги — судя по толщине стопки, он был на середине.

Где-то очень давно что-то подобное Катя читала.

Более того, она ведь очень хорошо это знает. Но что? Помнится, там было вот так же: она — к нему, а потом по ней вмятина — бац! Самое-самое цветение женского чувства прижигается каленым железом.

Ах, ну конечно, она же Катя сама об этом писала в сочинении на пять баллов: Татьяна и Онегин!

Такая простая, такая естественная и такая жуткая для женщины накладка — все ее естество раскрывается навстречу бесчувственному цинизму. И, навстречу, добавим, между прочим — мужской опытности, заключила пятерочница Катя, сопоставив несопоставимое — литературного дворянского повесу двухсотлетней давности и современного высокопоставленного московского чиновника.

Семен Израилевич, только движением глаз мельком бросил взгляд на сидящую напротив него Катю — видимо, он теперь стал думать одновременно две мысли — про отопительные системы, применяемые в московском строительстве, и про

самочувствие сидящей перед ним молодой, вроде бы совсем неброской и в то же время чем-то очень привлекательной, и именно в этом сочетании, прекрасной русской женщины. Еврейский мужской глаз умеет видеть русскую женскую красоту.

Вот, кстати, — чем же тогда разрешилась ситуация с пушкинской Татьяной? А ничем — зализала рану, как та пантера и та волчица, пока рана не затянулась. Звериное терпение. И никакого другого рецепта. Вот так и надо жить, вот и прекрасно.

— Вот и прекрасно! — Семен Израилевич постучал стопкой документов о стол, выравнивая их, и стал укладывать в папку.

— Я благодарю вас за то, что показали мне документы — для меня, как для строителя, это все очень важно. Разумеется, я прибуду на заседание правительства Москвы и, скорее всего, выступлю в прениях.

Спасибо! Передайте мою благодарность Василию Павловичу Лодееву.

— Семен Израилевич, можно еще вопрос?

— Ну, конечно, я слушаю.

— У нас, я имею в виду нашу фирму «Сириус», странное впечатление сложилось по ходу подготовки вопроса. Все заинтересованные стороны энергично принимают участие в этой подготовке, а, с другой стороны, то одна недомолвка, то другая — суммарно складывается впечатление, что все вместе как бы заведомо не верят, что вопрос на заседании правительства Москвы пройдет положительно.

Корецкий сощурился в неуловимой улыбке.

— Получается парадокс, — продолжила Катя. — Ведь, если все знают, что вопрос не пройдет — зачем его готовить? А если так качественно готовить, а, самое главное, если это на самом деле объективно, исключительно нужно городу — почему не пройдет?

Для «Сириуса», как разработчика это очень важно знать заранее.

— Ну, конечно, вы же боретесь за городской заказ, — понятно, — расплылся в улыбке Семен Израилевич.

Он понял, что эта милая молодая женщина попыталась поставить на него, словно на лесного зайца, силок из трех согнутых прутьев, поэтому и пришла сюда, это надо же — силок на него, на хитрилу московского масштаба, которого последние полвека еще никому не удалось провести. Этот старый хрен Лодеев поручил чудной девушке

выведать у него, у ведущего гроссмейстера, который укрылся под скромной вывеской частной фирмы, чтобы не афишировать свои подлинные возможности, свою подлинную осведомленность и свои подлинные цели в городе Москве — выведать тайны коридоров власти!

Смешные, ей-богу.

— Катерина Владимировна, здесь нет никакого парадокса. Этот вопрос на самом деле нужен Москве, вы совершенно правильно сказали, именно поэтому все с готовностью участвуют, и, кстати, именно поэтому мэр дал распоряжение вынести вопрос на заседание. Но скажите, все ли необходимое в жизни реализуется — причем иногда жизненно необходимое и даже признаваемое абсолютно всеми — как жизненно необходимое?

— Приведу пример, — продолжил Корецкий, вернув Кате папку, — чьи компьютеры стоят на каждом столе? Американские, японские, корейские — а где наши? Что: отстает отечественная техническая мысль? Ничего подобного. В конце шестидесятых советская электронная вычислительная машина БЭСМ-6 была лучшей в мире. Вы представляете? — Мы вели! Почему же не российские компьютеры стоят на каждом офисном столе во всем мире? Почему же отстали? А просто тогда ЦК КПСС решил сравить друг с другом двух ведущих ученых, искусственно стали раздувать конфликт между ними — конфликт, который возник сам по себе, но ничего не стоило все это легко уладить и создать все условия для пользы дела. Конфликт раздули, стали давать госпремии одному, а другому ничего — и дело встало. И результат — СССР, а теперь Россия, страна высоких технологий, отброшена в хвост мировой цивилизации, да не где-нибудь, а в главном процессе, в компьютеризации. Да при чем тут компьютеры, так во всем! — Корецкий махнул рукой.

— Как видите, не объективная нужность вопроса определяет его судьбу, а внутренняя целесообразность или нецелесообразность, очевидная на этот момент верхушке власти, и продиктованная причудами их властных скачек.

— То есть, если я правильно поняла, вы тоже считаете, что вопрос не пройдет на правительстве Москвы?

— Вы меня спрашиваете? — опять разулыбался Корецкий, раздумывая, как же быть с этой прямолинейной русской простотой? Впрочем, может быть потому-что и комфортно жить в этой стране, если бы, конечно, не кровавые бани раз в поколение.

— Катерина Владимировна, я прошу меня простить, меня начинает поджимать график...

— Извините меня, спасибо, — Катя встала и своей безусловной глубинной деликатностью еще больше понравилась Семену Израилевичу. Он, как человек мягкий, не выносил толстокожих.

...- Подождите секунду, присядьте. Я просто задам вам несколько вопросов. Москва — гигантская касса, состоящая из доходов и расходов. В США президент, если где-то возникла сложная ситуация с миллиардом долларов, пусть даже в частной фирме, готов поломать свое рабочее расписание и лично принять участие в разрешении трудностей. Они там, в Америке правильно понимают и хорошо отработывают свои обязанности. А сколько миллиардов долларов в годовой кассе Москвы? Не знаете?

А кто знает? — Корецкий вдруг хитро улыбнулся. — Много миллиардов. Москва — хорошо видимый горшок с деньгами на планете Земля. А, кстати, у кого больше прокручивается на хозяйстве годовая сумма — у Москвы или у России в целом? — Семен Израилевич снова хитро улыбался.

— Катерина Владимировна, — продолжил он, — энергетика города — очень крупный кусок этих денег. Здесь на аптекарских весах все взвешено — куда, кому, — Кате показалось, что у него еще раз промелькнула усмешка, — на какие цели, какие денежные потоки предписаны. Установка, разработанная фирмой «Сириус», может быть гениальной.

Но вы только представьте себе разрушения и переделки каких масштабов вы намерены произвести в столь трудно установленной и всесторонне взвешенной финансовой картине. Это же панорама Бородинского поля после сражения. Никогда, никто не пойдет на такую ломку, заверяю вас. И идет на это только один человек — мэр, потому что хоть он и виртуозный игрок во всех тех играх, он, как и вы, как и всякий простой человек, понимает элементарную вещь: энергетике города техническое перевооружение позарез необходимо. А десяти тысячам чиновников вокруг мэра на это наплевать с высокой горы. Вот мэр и должен считаться и с той

реальностью, и с этой. Впрочем, я заговорился. Катерина Владимировна, вы там с академиком Лодеевым не падайте духом. Самому тому факту, что мэр указал на вашу установку пальцем — то есть такому неслыханному везению — готовы были бы обзавидоваться во всех сферах жизни города, вы думаете — только вы одни двигаете новинку, да их видимо-невидимо, — вдруг привел он к мысли, когда-то уже слышанной Катей в кабинете Спиридонова. — По большому счету, чем бы не завершилось заседание правительства Москвы, ваши дела идут просто отлично. Ну, передавайте привет академику!

Глава 14

От Корецкого Катя ехала уже с полной сумятицей в голове: и финансовые потоки Москвы, и пантера, зализывающая рану, и Пушкин с жестокосердным Онегиным, вдвоем появляющиеся на ослепительном петербургском балу. Но, главное, боль в душе явно притупилась, стала вполне терпимой, можно было быть просто нормальным человеком, а не подранком, прячущим от других глаза, чтобы каждый встречный не бросался с готовностью помочь: «Что с вами?».

Итак, Катя отогнула палец на своем кулачке, будто собиралась считать свои оставшиеся опоры в жизни.

Надо срочно, намертво перестать быть такой, которую можно завести в выселенный дом, приготовленный под реконструкцию. Распрямитесь. Доказать в первую очередь самой себе: «Я — другая». На других, что они там про меня думают, наплевать. Та, которую можно в машине оглушить сверхкрепким напитком и вези куда хочешь — это не она, это случайный ее образ, которого нет и не было никогда.

Мало ли что КОМУ показалось. Я — другая. Железная леди. Свая, которая вбита в морское дно и будет непоколебимо выполнять свою задачу, то есть держать конструкцию пирса независимо от ударов миллиардов волн прибоя. Я и есть та свая. Вперед!

... В «Сириусе» Катя, как пожизненная круглая пятерочница, дословно пересказала Палычу объяснения Корецкого. Палыч с минуту посидел молча, потом задумчиво произнес:— Да-а, попали мы на минное поле. Я сейчас бегаю по высшим инстанциям на федеральном уровне, ищу хотя бы временный кислород, чтобы как-то потянуть

время на случай, если резолюция правительства Москвы будет положительной, но, допустим, временно без финансирования. Но — увы!

Всюду по нулям. Может статься, мы окажемся в положении бегуна, который всех опередил, но от перегрузки упал бездыханный в метре от олимпийской медали. Наше дело победит, но со временем, а мы сейчас выйдем на улицу безработными!

Палыч сжал кулаки, лежащие на столе на вытянутых руках и стал точь-в-точь похож на физиолога Павлова с известного портрета.

— Не расстраивайтесь вы так, — Катя встала с ним рядом и положила руку ему на плечо. — Может, еще как-то образуется.

Поскольку Палыч-Павлов остался недвижим, Катя двинулась к выходу.

— Катюша, звонили из приемной префекта, начальника Спиридонова, — при этом имени он внимательно посмотрел на Катю, — нас с вами завтра ждут у префекта в одиннадцать — он хочет лично проверить, как идет подготовка вопроса. Встречаемся там — идет?

Перспектива встретиться с Ним глаза в глаза заставила Катю подумать о линии обороны: как себя вести? Да никак, просто безликая маска. Каждый делает свое дело — и все.

Только она это подумала, как сотрудница объявила: — Катя, к телефону.

Вся лаборатория обернулась и только было начала готовиться к театру, как сотрудница дала отбой тревоги: — Какой-то женский голос.

Это были слова не в адрес Кати, поскольку та уже брала трубку, а в адрес общего собрания, чтобы у всех, говоря украинским языком, «не повылазило».

— Здравствуйте Катерина Владимировна!

— Здравствуйте, Ксюша.

— Я выполняю поручение Юрия Иннокентьевича, он предлагает вам билеты на концерт.

— Нет-нет, спасибо. Передайте благодарность.

Не могу. До свидания.

— Подождите, Катерина Владимировна! Это не вам персонально билеты. Дело в том, что на концерт билеты бесплатные, они распространялись строго среди работников префектуры. Однако, поскольку, как сказал Юрий Иннокентьевич, фирма «Сириус»

делает сейчас важное совместно с префектурой дело, двое ваших сотрудников премируются этими билетами. Я секунду назад звонила, — Ксюша стала читать по бумаге — Лодееву Василию Павловичу, правильно? да, так вот, он дал согласие.

— Нет, пожалуй, я не смогу, — после микроколебания ответила Катя.

— Ой, ну вы напрасно. Билеты на семнадцатое, на вечер, места прекрасные, каждый билет на два лица, так что можете взять с собой кого-то из родственников.

Надо бы взять маму — как давно они вместе никуда не выбирались, подумала Катя.

— Ксюша, а вы не сказали, что за концерт.

— Так значит я вам главное не сказала — это концерт моей любимой французской певицы Патрисии Каас, она только что прилетела в Москву.

Соглашайтесь.

При имени Патрисии Каас позиция Кати рухнула.

— Хорошо, Ксюша, спасибо. Я завтра буду у вас, возьму билеты.

... Со странным чувством отчуждения и отчасти внутреннего содрогания подходила Катя к зданию префектуры — так, наверное, приближается человек к камере пыток, где он уже был и где его пытали.

Катя пошла на хитрость: она не стала проходить близко у открытой двери Его приемной, мимо которой должна была пройти неизбежно, а прошла на отдалении, с улыбкой махнув Ксюше, будто бы и вовсе забыла про билеты. И дальше — к Антонине Дмитриевне, благо, время было — Катя пришла раньше на целых пятнадцать минут.

Хитрость удалась. Ксюша нагнала Катю в коридоре уже с билетами — вот и не пришлось лишней раз заходить в Его приемную с риском с Ним столкнуться.

И хотя, увы, это все равно произойдет через пятнадцать минут, но — тем не менее.

Они с Антониной искренне обрадовались друг другу. Катя в одно предложение сообщила: новое то, что им открылось — у вопроса большая вероятность не пройти положительно на заседании правительства Москвы.

— Это нам объяснил Юрий Иннокентьевич, — сказала Катя с каменным бесчувствием.

— Он приезжал к нам на фирму. Ой, мне пора. Где у вас приемная префекта?

— Этажом выше. Ну, держитесь, Катенька. Старый холостяк, — вдруг добавила Антонина без всякой связи, — не в состоянии поверить в любовь, поэтому его

единственная реакция — любовь уничтожить, чтобы скорее вернуться в привычное холостяцкое душевное равновесие. Держитесь!

Аудиенция у префекта вряд ли длилась больше семи минут. Когда они заходили, Катя, как с чужим, поздоровалась с Ним и, слава Богу, впредь имела возможность смотреть на префекта. Ей самой говорить больше не пришлось.

Префект был невысоким, плотным, седым, очень серьезным и осанистым, радушным, но молчаливым.

Интересно, подумала Катя, если на него надеть фуражку и военный китель — ни дать ни взять — генерал, бравший с Жуковым Берлин. У всех тех военных маршалов и генералов какие-то совершенно одинаковые лица. Образ, пусть спустя полвека, все равно высоко чтимый в стране.

Разумеется, Он сел напротив Кати. И Он же докладывал о проделанной работе — коротко, обобщенно, веско, имея возможность через раз глядеть то на префекта, то на Катю.

Ничего не изменилось на лице префекта. Точь в точь: смотрит с Мавзолея на проходящие мимо в параде войска. Как же так, подумала Катя: эти высокопоставленные чиновные дядьки все посвящены в те потаенные подлинные обстоятельства, про которые им с Палычем достались только намеки и недомолвки, те обстоятельства, которые в корне меняют и судьбу проекта, и про все то молчком.

Только кивают согласно — и все. Что, сейчас спрашивается, префект кивнул, если знает, что вопрос, скорее всего, не пройдет положительно на правительстве?

Вот и верь после этого тому, что видишь!

Ведь не знай Катя даже тех крох, что с ними поделились, она бы осталась в полной уверенности, что с точки зрения префекта все идет хорошо.

— Ну что ж, все идет хорошо, — заключил префект.

— Я очень рад был видеть в своем кабинете прославленного академика Василия Павловича Лодеева, давайте и дальше тесно сотрудничать. Юра, не забудь про наглядное оформление — вдоль стены должны быть схемы, диаграммы и т.д. Ну и, наконец, сам готовь доклад. Пишешь?

— У меня есть предложение к присутствующим, — сказал Спиридонов. — Все материалы, надо отметить — очень качественно подготовила Корнева Екатерина

Владимировна, — Он кивком головы указал префекту на Катю, — она помощник Василия Павловича. Как вы смотрите, Василий Павлович, если текст моего доклада на правительстве под моим, разумеется, руководством также подготовит Екатерина Владимировна? Она ведь полностью компетентна в вопросе, схватывает на лету, в этом я много раз убедился, а то, что доклад должен буду произнести я — так это пустая формальность, дело-то общее.

— Не возражаю, — сказал Палыч.

— Хорошо, — каменно сказала Катя, слегка отупев от того, как это коварный мужской интеллект ее женскому интеллекту в два хода поставил мат, а она и не видела раньше такой возможности, складывающейся на шахматной доске.

Маршал с Мавзолея благосклонно улыбнулся Кате.

Они вышли в приемную, и Он, глядя невинными глазами на Палыча, решил Катю добить: — Так что же, может, мы с Катериной Владимировной сразу и спустимся ко мне для первого совещания по подготовке доклада?

— В добрый путь! Прощаюсь. Катюша, я уехал в Академию наук, — Палыч пошел к лифту. — Да, спасибо за билеты, Катюша, вы их взяли? Адью!

По лестнице на этаж вниз Он шел на полкорпуса сзади Кати, да не просто рядом, а почти касался.

Почти. Но не коснулся. У Кати с затылка до пят была гусиная кожа. Она думала только одно — что методом железной сваи, о которую сто лет хлещут волны, она как-нибудь пройдет через это испытание.

Ведь когда-нибудь это да кончится!

В кабинет они прошли мимо Ксюши, застывшей с огромными глазами. Он плотно закрыл за ними свою вечно открытую настежь дверь, внятно приказав Ксюше: — Ко мне никого. И ни с кем не соединять, я занят, точнее, — меня нет.

Катя деревянно села за приставной столик. Он не пошел за свой начальственный стол, а сел напротив Кати за этот же столик. Они оказались глаза в глаза.

Он ладонью обхватил себе нижние пол-лица, как будто сам зажал себе рот, чтобы ничего не сказать, а на самом деле то была поза серьезной задумчивости по поводу того, что было перед его глазами. А там были глаза Кати. Она собрала все свое

мужество и решила выдержать взгляд во что бы то ни стало. Так они и смотрели. И продолжалось это вечность.

— Екатерина Владимировна, — наконец произнес он так, словно предварял важное сообщение.

— Слушаю вас, — прервала его Катя тоном, исключая какие-либо изменения не по теме доклада.

Они опять вечность смотрели глаза в глаза.

— Ну ладно, пусть так, — медленно произнес он и, не отрывая от нее глаз, пододвинул к ней бумагу и ручку.

Это дало возможность Кате взять ручку и уставиться в бумагу как бы в ожидании инструкций, хотя она ощущала, что он продолжал смотреть на нее, как смотрел: чуть издали, если голубые блестящие навывкате глаза вообще способны смотреть издали.

И заговорил. Он начал напоминать места, абзацы и даже строки из объемной папки материалов, которые потребуются для его доклада, свободно владея всем этим по памяти, но располагая вообще в иной последовательности, которая, чуть с удивлением отметила Катя, также наизусть зная весь объем текста, выявила новые убедительные и доказательные связи и сквозные линии, которые она сама, будучи автором, и не предполагала.

Он завершил виртуозное цитирование. Катя перестала синхронно делать пометки на листе.

— Катерина Владимировна!

— Я сделаю текст в этой последовательности.

Катя, не имея больше уловки с бумагой, вынужденно подняла от нее глаза. Он смотрел все так же, как в первую минуту.

— Ну что ж, — вздохнул он. — Ладно. Пусть так, — сказал он все в той же формулировке. — Встретимся по этому материалу в следующий вторник, раньше я, к сожалению, не смогу.

Катя хотела было встать.

— Секунду, — теперь Он опустил глаза и уперся ими в стол. На Его лбу была видна работа мысли — видно, перебирал какие-то варианты высказывания и отвергал их.

— Ладно, пусть так, — прервал он свои внутренние потуги все теми же словами. — Спасибо, до свидания.

Глава 15

Катя возвращалась в «Сириус» почему-то не в ожесточенно-стоическом настроении, а в плаксиво- лирическом — будто из проколотой камеры вышел воздух.

На встрече с Ним она держалась хорошо, похвалила она себя. И тут же осознала — как же она взволнована тем, что была с Ним рядом! Ей почему-то показалось страшно жаль, что она его теряет. Словно рыба, вдруг оставшийся на отколовшейся льдине: смотрит, как увеличивается трещина и понимает, что вряд ли перепрыгнет, а если нет, то навсегда прощай, надежда...

Подождите! Осенило Катю. Он же дал знак, вспомнила она: билеты! Она достала из портфельчика билеты и тут заметила, что в углу одного написано от руки: «г-ну Лодееву В. П.», а в углу другого: «г-же Корневой Е. В.» Но почерк! Это был тот же почерк, каким была написана записка в злопамятной коммуналке. Это был Его почерк!

...Странно, что сидя за компьютером, выстраивая в заданной Им последовательности абзацы и строки, превращая все это в единый логичный текст, Катя словно общалась с Ним. Точнее — с Ним бесплотным: с Его мыслью. Это было приятное и безопасное общение, ибо ничего не мешало незримо для окружающих отвлекаться от Его железной мужской логики и предаваться своим попутным размышлениям.

Что важнее для человека — уважение или любовь?

Глупый вопрос! Нет-нет, не глупый. Потому что по всему, что Он до сих пор по отношению к Кате сделал — видно: Он ее недостаточно уважает.

С самого начала Он ни в грош ее не ставил как работника, но, видимо, потом изменил свое мнение.

А как сейчас Он ее как женщину расценивает?

Как женщину — согласную. Но, быть может, потому- то Он и презирает женщин, потому-то Он и циник, что всегда встречает в них только согласие.

Да, Он видный, важный, влиятельный, шикарный.

Да, мужиков, тем более Его возраста — ох, как крепко женщинам недостает. Как много болтается неприкаянных, ничьих женщин без всякого шанса. Неудивительно, что готовы вешаться Ему на шею — лишь только взгляд бросит.

Что же она сидит-то перед компьютером, сложа руки? Надо же — до чего у нее дошло разложение трудовой дисциплины! То ли близок конец «Сириусу», то ли из-за Него Катя совсем стряхнулась, но было ли хоть когда-то, чтобы она лишь для видимости смотрела в монитор, а думала о своем?

Вот! — догадалась Катя, — Он ее и принял, как всех других! А как же иначе — Катя словно выросла в своих глазах от собственной объективности: у Него не было ни единой возможности хоть как-то отличить ее от предшественниц. Господи, так, оказывается, это Он не с ней персонально был циником, а просто вел себя, как всегда! Ей досталось заодно, а она переживает, будто оскорбить хотели именно ее и только ее.

Стоп! Катя почувствовала, что находится рядом с какой-то ключевой, поворотной мыслью, которая изменит всю ее жизнь. Кате для видимости немного понажимала клавиши.

Ну-ка, разматаем эту мысль, не спеша. Да, у них были поцелуи. И, конечно, она потрясена до сих пор — настолько это событие было грандиозным.

Но ведь... именно этими-то поцелуями как раз и были разбалансированы их с Ним отношения! Да-да, именно ими: непонятно, почему так получилось, но вследствие поцелуев у Него на нее будто-бы появилось какое-то право.

Следовательно... — Катя восторжествовала от догадки. — Надо восстановить! Надо взаимоотношения с Ним начать вообще сначала, будто они и не были до сих пор знакомы! Только так! Только так у него может появиться возможность отличить ее от тех, кто вешается ему на шею от первого взгляда и первого слова. Эх, время упущено! Впрочем, до заседания правительства Москвы еще маленькое время есть — значит у них впереди несколько встреч.

Так пусть и начнется знакомство заново! Если...

успеется. Ох, как мало времени, как мало времени!

Но пусть будет как будет!

Итак, надо вернуть свой образ — четкой, достойной, суверенной. И обязательно — шикарной.

О! Она должна быть прекрасно одетой. Господи!

Спасибо Пальчу!

Катя, видя, что в лаборатории в этот миг никого, народ повалил курить на лестничную площадку, бросается к телефону, набирает номер: — Мама! Помнишь мы с тобой ходили в ГУМ, ну, тогда такую дуру сгоняли с вечерним платьем, которое я никогда в жизни не надену, а все деньги ухнули. Давай прямо сегодня пойдем еще раз туда же, купим мне что-то приличное и тебе что-нибудь присмотрим. Да, да, у меня есть на что, объясню при встрече. Да, в ГУМЕ у фонтана. До встречи!

...До представления Патрисии Каас оставалось минут пять-семь.

На концерт в самом деле пришла префектура в полном составе — с мужьями и женами. Все они, нарядные и церемонные, пока еще только рассаживались, кивали друг другу, заводили ничего не значащие разговоры и, разумеется, оказались сидящими буквально рядом, компактной группой — в двух или трех рядах. Катя издали видела префекта с супругой, поздоровалась с Ксюшей, которая пришла с очень серьезным веснушчатым молодым человеком.

Исключительно радушной была встреча с Антониной, которую под руку держал мужчина — копия Антонины, точь-в-точь (та же, прости Господи, расплывшаяся жаба с внимательным, добрым взглядом). Удивительно: многие люди становятся так похожи после десятилетий супружества!

Катина мама была воодушевлена, торжественна, ослепительно всем улыбалась. Да и Катя чувствовала себя на вершине положения — на ней чудо как сидел только что купленный великолепный дорогой костюм, он ее прямо-таки делал. Душа, конечно, далеко еще не зажила, руины дымились, все катино существо еще жило недавно перенесенным потрясением — но то были постепенно успокаивающиеся переживания, и они уже не мешали появлению ровного спокойствия и уверенности. Более того, жизнь стали просветлять всполохи некой надежды.

Надежды на что? Неясно. Но жить с ней стало гораздо легче.

Вдруг... Какая-то неодолимая сила заставила Катю обернуться. В другом конце еще не занятого ряда стоял — Он. Он своими голубыми навывкате глазами смотрел прямо

на Катю. Да не смотрел, а изучающе, придирчиво и в то же время одобрительно прямо-таки вкушал всю ее ладную фигуру, которую не скрывал, а подчеркивал прекрасный костюм.

Катя всей вспышкой внутреннего душевного пламени поняла, что нравится Ему. Она приветливо Ему кивнула и поздоровалась, но ровно настолько приветливо, как со всеми здесь. Отмерить Ему именно такую, равную со всеми долю внимания удалось ей усилием воли.

Они с мамой стали пробираться к своим местам.

Катя помахала улыбающимся ей Палычу и его интеллигентной старушенции, которые оказались почему-то далеко — через ряд. Наконец, Катя с мамой уселись. И — о Боже! — рядом с Катей стоял и с показным озабоченным видом сверял билет с номером места — Он, разумеется!

Ну сколько же можно наступать на одни грабли!

Опять Он так просто и элегантно поставил Кате детский мат в два хода. Вот почему, с таким опозданием осенило Катю, билеты были надписаны его рукой! Какой все-таки коварный! Их с Палычем, таких простодушных, рассадил далеко, а сам насильно организовал с ней свидание, усевшись рядом!

Пока Катя как бы заново разглядывала своего соседа с чувством, где смешалось и тяжелое болевое эхо, и неподдельное восхищение ловкостью аппаратчика-интригана, Он и ее мама через нее друг с другом здоровались, знакомились, кивали и улыбались.

Да, в этой ловкости Он крепко ее обходит!

Что же получилось: они должны сидеть бок о бок весь концерт, словно... супруги! Катя всерьез разволновалась, поскольку полностью не была готова к подобной ситуации.

Больше она на Него не смотрела. Свет погас.

Концерт начался, пространство зала заполнилось сильным голосом ее любимой певицы с упрямым французским грассированием. Но вся левая катина половина, обращенная к Нему, была словно под высоковольтным напряжением.

Да, пережитый болевой шок не мог уйти так быстро, он, кстати, никуда и не ушел, этим шоковым остаточным дребезжанием еще была пропитана каждая клетка того космоса, имя которому Катя.

Но надо же: прямо с наложением на невылеченную болезнь по ее телу разлился комфорт от излучаемой им ауры! Душа, словно диванная кошечка, немедленно захотела в этом тепле устроиться поудобнее, свернуться колечком и замурлыкать от наслаждения.

Катя не на шутку была озадачена столь предательской быстрой изменой, которую ей преподнесла ее же собственная женская природа. Нельзя, нельзя так быстро все прощать, все забывать и вновь оказываться плененной мужским обаянием!

Но странное дело: ее мысли были теперь не монолог, а диалог — с Катей, словно лучшая подруга, говорила Патрисия Каас. Нет, заверяла Катю хрупкая на вид, но столь отважная в любви Патрисия: женщина не жертва и женщина не тряпка. И никакой поворот в отношении с мужчиной, с любимым мужчиной — совершенно не основание терять высоту своего женского положения. Боже, изумилась Катя, какая очевидная, но какая верная мысль, и почему же она раньше не приходила в голову? — женщина прекрасна, но до тех пор, пока имеет мудрость... отвагу и силы оставаться прекрасной.

Вот именно эта нелогичность, а, точнее, — сверхлогичность, именно эта нестигаемость — есть исходное основание необъяснимого женского очарования.

Вдруг Он — что было заметно только им двоим — положил на ее руку свою тяжелую, такую приятную, такую родную ладонь. Катя с усилием для себя освободила свою руку и убрала. Других попыток он больше не делал.

Нет, не все в его цинизме было цинизмом — катиным мыслям было легко развиваться в темноте высокого зала, в диалоге со столь поддерживающей ее поющей подругой. Нет-нет, было и человеческое во всех Его поступках по отношению к ней.

Опять подгоняю события под мечту? Опять тороплюсь поверить, что Он может увлечься?

— Нет-нет, у вас был роман, — непререкаемо заверила Катю Патрисия, — короткий, но настоящий роман — это так, не сомневайся!

Спасибо, Патрисия, — катино сознание охотно и безоглядно подхватило эту поддержку.

Ах, если бы не она к Нему, а Он пылал к ней чувством!

— Да, ты перенесла удар, но то был удар не от унижения, — упрямым грациозированием со сцены проговорила восхитительная француженка, — тебя потрясло другое: что ты расстанешься с Ним, с мечтой о Нем. Да, он закоренелый холостяк и с Ним трудно, но не спеши во вдовью скорбь при живом любимом. Он может и должен тобою увлечься. Посмотри на себя его глазами и поймешь — так будет!

Катя незаметно скосила глаза на лежащую рядом Его руку — ей вновь, как когда-то, захотелось прижаться к ней щекой. На Катину правую руку легла мамина ладонь и сжала ее.

... Показывать вариант текста Его доклада Катя шла с легким сердцем — уверенно и даже весело.

Он был внимателен, галантен, почтителен. Но когда он стал читать, его брови поползли вверх.

— Но помилуйте, Катерина Владимировна, я уже привык к тому, что по исполнительности вы абсолютный чемпион, однако тут вы нарушаете инструкцию.

Вот этого факта я вам не называл.

Катя бесстрашно аргументировала, почему она посчитала важным этот факт вставить. Он слушал очень внимательно: — Убедили, согласен.

— Но вот здесь, в середине первой страницы, — я вам называл эти посылки в другой последовательности.

Катя опять изложила свою мысль, в силу которой пошла на своеволие.

— Нет, не убедили. Поясняю.

И он объяснил то, что Катя знать вообще не могла: в этом месте обязательно возникнет закономерный вопрос мэра к докладчику. Вот почему именно здесь, а не в другом месте должен располагаться нужный тезис: это как бы ответ на незаданный со стороны мэра вопрос.

Так они двигались по тексту, обсуждая всю смысловую канву. Когда Ксюша открыла дверь, она увидела двух смеющихся людей, лица которых светились радостью. Они

оба, смеясь, повернулись в сторону секретарши, и Ксюша прямо-таки физически ощутила эту пьянящую духовную близость, объединяющую сидящих по разные стороны столика таких красивых и так удивительно подходящих друг другу еще молодых, в сущности, людей.

Глава 16

— Катюша, тебе кофе наливать? — мама со скоростью, заведенной раз на всю жизнь поворачивалась между холодильником, плитой, столом. — Да что с тобой происходит? Ты смотришь в одну точку!

Катя! Очнись! Ты о нем что ли думаешь?

— Мама, я...

— Ну вот, начала говорить и замолчала. А через пять минут, между прочим, вылетать из дома...

— Мама, я...

— Ну?

— Я люблю его!

...Катя воспарила. Она блаженно улыбалась, все обязанности выполняла как во сне, но, между прочим, очень ловко. Она не знала, она даже и близко не могла догадаться раньше, что жизнь может быть такой счастливой. Точно: любовь есть Бог, Бог есть любовь. На что бы она ни посмотрела: угол дома, светофор, чугунный барьер набережной — все было исполнено гармонией и вызывало в душе прилив несказанного наслаждения каждой минутой жизни.

Оказывается, счастье бывает. Оказывается, когда оно приходит, — оно не улетучивается тут же, как дым, а уверенно присутствует в жизни. Засыпаешь счастливой, просыпаешься с тревогой — а вдруг то было умопомрачение, а сегодняшняя жизнь будет, как все предыдущие годы жизни, будничной, документальной, черно-белой кинолентой. И — фантастика! Ты счастлива сегодня так же, как вчера. Нет! Больше счастлива! Счастлива каждую секунду. Боже, я люблю Его. Ты слышишь, Господи, я люблю Его.

Я могу зажмуриться от необыкновенного наслаждения и без устали повторять и повторять: я люблю Его!

Катя не шла по городу — плыла. Она улыбалась?

И да, и нет; она — светилась.

И — удивительно! Каким преступно-ловким оказался ее ум, как изворотливо и коварно он стал обслуживать катино счастье. Она, честно говоря, даже не ожидала, что какой-то внутренний чертик вдруг захватит, образно говоря, «исполнительную власть» в ее повседневной действительности. Кажется, если бы для ее счастья сейчас потребовалось ограбление банка, ее всегда такой законопослушный ум сейчас вмиг вычислил бы, а потом блестяще провел операцию ограбления.

— Ксюша? Здравствуйте!

— Екатерина Владимировна, здравствуйте, сейчас соединю.

— Здравствуйте, дорогая Екатерина Владимировна, страшно рад! — это уже в трубке Его голос, голос, который она просто впитывает всем телом, от которого у нее приходят в трепет такие части того, что Катя воспринимала за словом «Я», которые ей самой раньше были неизвестны. «Я» перестало быть небольшой дозой будней — рабочей минутой, шагом по асфальту, строкой набранного на компьютере текста. Сейчас «Я» — это безмерное пространство счастья, которое, к тому же, никуда не спешит.

Счастье как бы застыло и в то же время менялось вместе с жизнью. Какая в душе открылась сила, какая уверенность, какой необъятный покой!

Обслуживающий ум-чертик вмиг придумал схему — как увидеть Его, как приблизиться, как почувствовать его рядом, причем немедленно!

— Юрий Иннокентьевич, здравствуйте, посоветоваться.

— Да, весь внимание!

... Дорогой мой! Я люблю, люблю, люблю тебя!

— Помните, в самом начале подготовки материалов был момент, вы поручили Антонине Дмитриевне помочь мне — был у нас такой эпизод.

— Господи, Екатерина Владимировна, как я клянусь себя за тот эпизод, простите ради Бога, но вы несмотря на мою жесткую тогда критику потом блестяще справились. Ну что мне еще приятное вам сказать, чтобы как-то загладить тот эпизод...

...Катя счастливо, залиvisto, необыкновенно хорошо рассмеялась в трубку.

— Я не об этом, Юрий Иннокентьевич, вы, кстати, были тогда полностью правы. Сейчас у меня предложение. Если бы вы еще раз поручили Антонине Дмитриевне мне помочь советом, мы бы вдвоем набросали проект наглядной информации в зале правительства Москвы — какие плакаты, схемы, диаграммы. А потом представим на ваш суд.

— Просто блестяще! Уже делаю. Ксюша! — было слышно, как он отдает распоряжение.

— Да, и у нас с вами, Юрий Иннокентьевич, если я правильно помню, встреча с руководителем департамента балансов городского хозяйства — Белоноговым.

— Да, Белоногова я не упускаю — с ним встреча послезавтра. Но, смею заверить, если знать закулисные штучки, встреча с ним — формальность.

Конечно, совершенно обязательная, но формальность.

Так что туда мы с вами поедем вдвоем, академик здесь даже не потребует, предлагаю — встретимся в одиннадцать в префектуре, отсюда и поедем.

А еще у меня для вас деловое предложение — а, впрочем, скажу в машине.

— И вы не скажите сейчас? Вы заставите меня мучиться в предположениях до послезавтра?

— Екатерина Владимировна, пока мы с вами говорили, у меня тут набилось народу, увольте, это не телефонное сообщение. Так что потерпите, очень хочу вас помучать. Все, прощаюсь, извините, некогда, Антонина ждет вашего звонка.

Катя, положив трубку, долго еще держала и смотрела на нее. Милый, милый, я люблю Тебя, услышь меня. Господи, сделай что-нибудь, чтобы и Он повернулся ко мне! Господи, да, мне хорошо, мне необыкновенно хорошо, но я хочу большего, я хочу, чтобы это была Наша любовь!

С Антониной она договорилась на встречу через три часа. То был дьявольский расчет по ограблению банка. Катя действовала как вор, но бесстрашно, словно суперавантюрист. На дорогу час. В запасе еще два часа. Ум-чертик услужливо вызвал к работе гениальную память: там есть стеклянная дверь, зеркальная, полупрозрачная. Туда!

Для этого Кате внутри префектуры потребовалось проделать необычный сложный маршрут — подняться на два этажа выше, пройти весь коридор и спуститься по

лестнице на два этажа — эта лестница не сквозная, вниз к выходу к ней не спуститься, поэтому раньше Катя всегда неизбежно проходила мимо Его открытой приемной.

Сейчас же Катя оказалась на другом конце их коридора, но не засветившись ни перед Ксюшей, ни перед Антониной, если бы та случайно вышла.

Ведь впереди еще два часа — Катя сама назначила это время. Так, а вот и та дверь. Как же устроен человеческий мозг, что он фиксирует ненужную, но важную впоследствии деталь. Это должна быть дверь к еще одному проходу. Так и есть! Это какая-то малоиспользуемая лестница — узкая, без отделки — типа пожарной. Но люди тут точно бывают: во-первых, кому удобно — бегают с этажа на этаж, а, во-вторых, на площадках курят.

Все, найдено! Катя достала материалы и углубилась в чтение. Два часа простоять на ногах — не беда! В удовольствие. Лишь бы Его увидеть.

Я хочу Его видеть. Он мне нужен! Ей был виден открытый проем Его приемной, а из коридора сама Катя видна не была — только зеркальное стекло.

Мимо скачками через две ступеньки промчался вниз парень — на вид шофер. Катя углубилась в материалы. Зеркальная дверь распахнулась, и вошли двое в помятых костюмах, сами такие-же помятые, закуривая, говоря о своем, не обращая на Катю внимания.

Катя читает: «Объемы энергопотребления в жилом массиве из расчета потребности на год составляют — дверь охотничьего домика распахнулась, колыхнув пламя керосиновой лампы. Катя, укутанная в теплый оренбургский платок, вскочила с полатей, укрытых солдатским суконным одеялом навстречу Ему. Он в мохнатой шапке, огромной шубе, весь морозный с абсолютно красным лицом, небритый, только успел отставить охотничье ружье к бревенчатой стене и обхватить ее в объятия. Поцелуй!

Поцелуй ледяных губ! На улице такой морозище.

Это же надо в какую глушь Он ее затащил. Она ждала Его весь длинный-длинный день, тревожилась.

«Ну, раздавишь же», — она смеется Ему прямо в лицо, в эти голубые блестящие навывкате глаза, прямо-таки утопая в своем неприлично большом счастье.

А вот и Он сам — вышел из приемной в коридор с каким-то мужиком. Стоят, о чем-то говорят.

Милый!

Курильщики загасили окурки о край стоящей в углу пепельницы, продолжая разговаривать, вышли.

Катя, оставаясь Им незамеченной, радуется украденному мигу общения с Ним — пусть издалека, из-за стекла.

Вот они пожали руки, Он вернулся в приемную.

Ну, надо же, оба уже в пальто, уже на выходе, а их Костик — обязательно будет сыночек и обязательно его будут звать Костик — надул. Они собирались в этот выходной ехать в Тушино на праздник воздушных змеев, а у Костика все штаны мокрые.

«Ну-ка поддержи, — говорит она Ему, своему самому любимому, дорогому, ненаглядному, мужу своему — вот-так, приподними — я сейчас Костика разую, штанишки и трусики сниму — вот, а теперь прямо в таком виде в ванную — подмываться. В пальто, в шарфе, в наклонку, быстрые движения, все немного неудобно, а что поделаешь, родительские хлопоты. А теперь быстро вытираем насухо костино хозяйство, молодец, не хнычет, но смотрит сердито такими же голубыми блестящими глазами, а теперь все: надеваем сухое...

Господи, да ведь Он же идет прямо на меня!

Остановился рядом! Нет, не может Он меня видеть!

«Да, — Он кричит кому-то в конец коридора, кому — отсюда не видно, завтра в двенадцать здесь. Все, лады!» И вроде хотел повернуться назад, к своей приемной, но...

Боже! — Катя от страха чуть не закричала. На полуобороте Он вдруг приостановился и посмотрел в зеркало. Их разделяло меньше метра. Ей показалось, что у Него мелькнуло желание протянуть руку к двери. И тут он резко повернулся и пошел к своему кабинету. Впрочем, не доходя до него, он в какой-то миг с колебанием замедлил шаг, но потом решительно вошел в приемную.

Катя перевела дыхание. «Опасно!» — скомандовал ум-чертик, «Быстрее — вниз!»

Катя со смешанным чувством полученного удовлетворения — ведь она сумела видеть

Его, и с переживаниями воровки, которая чуть не попала на краже белья вывешенного сохнуть, заспешила вниз. До встречи с Антониной был еще час.

Катя почти выбежала на крыльцо префектуры и остановилась. Видно, только что шел сильный дождь, еще всю капало, но стихало. И — надо же — при еще идущем дожде непонятно откуда засияло солнце.

Катя подняла к небу глаза и увидела чудо: с козырька, прямо над ней сверкающими россыпями сыпали десятки тысяч маленьких ослепительных капелек-солнц. Именно она, Катя, словно библейский персонаж, оказалась в божественной благодати — все это спускающееся, рассыпчатое сияние окружило ее веерами. И одновременно — вверх, к небесам в ее душе поднималась божественная музыка.

Чудо, чудо происходит — прямо сейчас, наяву.

Сверхъестественное куда более реально, чем все реальное. Любовь есть Бог. Катя возносится, окруженная веерным сиянием.

Перст Вседержителя указал на нее, на Катю, и ее это не только не удивило, наоборот, она восприняла указание как закономерное и правильное.

Любовь есть Бог.

... Встреча с Антониной была недолгой и плодотворной.

Они вдвоем методом мозгового штурма довольно быстро набросали план наглядного сопровождения вопроса на правительстве.

— Я смотрю, у вас все идет хорошо, поздравляю, — сказала Антонина Кате, как всегда читая у нее в душе, как в книге.

...В день поездки к Белоногову Катя пришла в Его приемную раньше на полчаса, еще раньше приходиться было неприлично. Она, молча, приветливо кивнула Ксюше и села в приемной так, чтобы Он не мог видеть ее в свою открытую дверь.

Это место уже заранее абсолютно точно вычислил ум-чертик, загарантировав ей целых полчаса общения с Ним — Катя просто слушала Его голос из кабинета, а это уже было для нее много. Катя уткнулась в материалы.

«Техническими особенностями предлагаемой установки являются... волжский свежий ветер делал отвесное солнце нежарким. Повсюду, сколько хватало глаз, синела речная стихия. Они, загорелые, в шортах и в футболках, сидели на деревянном

диване на палубе огромного красавца теплохода. Ветер ласково трепал катины каштановые волосы.

Удивительное ощущение — еще десять дней спешить совершенно некуда. Напротив на таком же диване сидела пара выбеленных временем старичков- англичан и наша девушка-гид английской группы туристов. Катин ненаглядный, горячо любимый муж, положив свою сильную руку на спинку дивана так, чтобы Катя могла положить на нее голову, поддерживал через девушку-гида разговор с иностранной четой.

— Да, слушаю, — донесся Его голос из раскрытой двери кабинета. Девушка-гид перевела Ему вопрос англичан. Старички разулыбались, разглядывая такую здоровую, сильную, молодую пару русских.

— Ну, конечно, — сказал Он, видимо, в трубку.

Девушка перевела.

— Когда вы увидите своими глазами, то заверяю — вы останетесь довольны, — Англичане закивали, Катя склонила голову на плечо своему любимому.

В приемную зашел какой-то сотрудник, встал в проеме Его двери.

— Иди-ка сюда, вот ты-то мне и нужен, — Катя поискала глазами — к кому это обращается тот, кто ей дорог больше всего на свете? А-а, так это — их сынок Костик вышел на палубу: ведь надо же как вытянулся к своим четырнадцати, копия — мамы, но только нос чуть картошкой и внимательно смотрят голубые блестящие, чуть навывкате глаза.

Как же так, мелькнуло у Кати, сыночку — четырнадцать, а они такие же молодые, как сейчас, неувязка какая-то, ну да ладно...

Сынок подошел, учтиво поздоровался со всеми, Катя втайне обомлела от гордости за сыночка. Англичане с интересом стали сравнивать его черты лица с родительскими. Снова — они задают вопрос, девушка-гид переводит. Катя чувствует шеей стальной мускул своего бесконечно любимого супруга.

— В общем, чтоб все было сделано к завтрашнему совещанию у префекта, — властно говорит Он, и англичане вместе с девушкой-переводчицей изумленно вытаращиваются на Него, — а я поехал в департамент к Белоногову, ко мне, наверное, уже пришли.

До Кати доходит, что происходит какая-то еще большая несуразица, она поднимает глаза, и перед ней стоит еще один Он, но не в шортах, а в костюме и с потрясающим галстуком, улыбается ей во всю ширь и берет ее за руку: — Так вы уже здесь, Катерина Владимировна?

Ксюша, а вы мне и не сказали. Здравствуйте, ну как дела? Вы готовы? Поехали!

Катя даже не стала осмысливать, — как это так: только что они вдвоем, прижавшись, сидели на палубе теплохода, а сейчас бок о бок спускаются по лестнице. Он смотрит на нее во все свои голубые глаза — и видно, да, это видно, что рад.

В его персоналке они также оказываются бок о бок на заднем сиденье.

— Надо ли как-то подготовиться к разговору с руководителем департамента? — ум-чертик шутя справляется с задачей внешне выдержать общение в сугубо деловых рамках. Главное — спровоцировать его на пространные объяснения, чтобы Катя имела полную возможность впрямую на Него смотреть и целиком Его потреблять.

— Нет, ничего не нужно. Это, я вам скажу, один из главных противников вашего, то есть нашего дела, он мог бы очень сильно навредить...

Машина пошла на поворот, и Катю прижало к Нему. Состоялось вселенское блаженство.

— Извините, — сказала Катя, отстраняясь.

— Ну что вы, что вы. Но Белоногов пытается угадать настроение верхов и побоится попасть не в масть.

— Вы сказали — верхов. А не мэра?

— Очень точное и пронизательное замечание, — его глаза одобрительно сверкнули, машина пошла на поворот и теперь Он всей столь бесконечно желанной тяжестью навалился на нее.

— Простите, Бога ради, — он отодвинулся, — вы попали в самую точку, мэр и верхи — не полностью совпадающие понятия... а, впрочем, приехали.

Белоногов оказался мужиком того же возраста, что и Он. И еще что-то их объединяло — трудно сказать, что, словом, то, что делает похожими всех чиновников. Но остальное было различным. Взгляд у Спиридонова прямой, бесстрашный, у Белоногова — наоборот: не то, чтобы бегущий, а какой-то неуловимый. Встреча

оказалась не просто формальной, как предупреждал Спиридонов, эта встреча стала театром загадок.

Белоногов сделал вид, что углубился в первую страницу стопки материалов. В кабинете воцарилась тишина. Катя посмотрела на тяжело ударившие в углу напольные часы под старину, а сама вознеслась на небо оттого, что в одной точке ее локоть и Его локоть соприкоснулись. Она медленно перевела свои сияющие счастьем глаза с часов на Белоногова, затем на мужественный профиль своего Воина, приготовившегося к сражению, и нежно поднесла ладонь к его скуластой бритой щеке. Белоногов поднял глаза с той самой первой страницы.

Катя столь же неспешно посмотрела на свою правую руку, лежавшую перед ней на столе: оказывается, маршрут к Его щеке рука сделала в воображении, а не в реальности. Это — хорошо. Вдруг Белоногов, не говоря ни слова, стал сдавленно смеяться.

Лицо ее Воина не дрогнуло ни одним мускулом.

Белоногов кончил трястись и, не глядя на текст, перевернул сразу несколько страниц разом, затем так же углубился в открытую страницу. Опять, не говоря ни слова, засмеялся Ему в глаза.

Вдруг Катя осознала, что присутствует при тяжелой мужской схватке. Ее Воин оставался недвижимым, в упор глядя на Белоногова. Катю захватила гордость за своего мужчину, который, как видно, в этой схватке не уступал и не собирался уступать.

Но вдруг Он, не меняя недвижимого бойцовского взгляда, тоже засмеялся, и минуту они вместе смеялись, глядя друг на друга. Так, не глядя на материалы, Белоногов перевернул всю их стопку и откинулся на спинку дорогого кожаного кресла. Решил, видимо, прервать невидимый турнир, натолкнувшись на то, что Спиридонов не дрогнул.

- История состоит из событий, не имеющих значения, и событий, не имевших места,
- начал диалог Белоногов, не упрощая загадочный спектакль, а усугубляя его.
- Это так. Однако следы преступлений ведут не только в прошлое, но и в будущее,
- ответил на том же китайском языке ее воинственный Гладиатор, который в

отличие от Белоногова продолжал оставаться в напряженной позе боевой готовности.

— Преступлений... — эхом отозвался Белоногов и неодобрительно покачал головой.

— Ну что ж, большому кораблю — большое плавание, — он вдруг опять двусмысленно рассмеялся, протягивая Гладиатору стопку материалов.

... Они вышли на крыльцо департамента. Ее ладонь опять же в воображении коснулась щеки ее Воина, в котором еще продолжали кипеть страсти мужского турнира — сопротивление, ожесточение и внешнее хладнокровие. Чтобы как-то успокоить любимого, она сказала: — Юрий Иннокентьевич, если честно, я не поняла ничего.

Он уставился в отсутствующий в городских условиях горизонт, крутанул желваками: — А здесь ничего и не надо понимать, Екатерина Владимировна, не обращайтесь внимания. Произошел обмен фигур, все остались при своих. Мы этап прошли, отметились — и ладно. У нас с вами последний визит — к вице-премьеру. Но это — тоже формальность. Вы сейчас...

— ... к вам, в префектуру, — повторила Катя вслед за своим изобретательным умом-чертиком. Вы сможете нас с Антониной Дмитриевной принять по плакатам и диаграммам?

— Отлично, садимся, — он распахнул перед Катей дверцу персоналки.

Катя села вольно, уже не опасаясь, что невзначай они могут коснуться друг друга. Когда машина пошла на поворот, Катя, чтобы не упасть на Него, чуть-чуть уперлась, да не совсем ловко, одной рукой Ему в плечо, другой попала прямо в атлетическую грудь и они оба — лицо в лицо — рассмеялись.

То был смех счастливых людей. Господь остановил на миг секундную стрелку всех часов мира. Да, они прошли этап, но совсем какой-то другой, нежели в кабинете Белоногова. Они вдвоем прошли какой-то свой рубеж.

— Катерина Владимировна, возвращаюсь к деловому предложению, о котором намекнул раньше, — Он был ликом светел, в глазах сверкала жизнь, всем корпусом Он развернулся к ней. — Завтра вечером в гостинице «Метрополь» в ресторане «Луксор» наша префектура проводит мероприятие.

Это — тусовка богатеньких. В общем, чтоб долго не рассказывать — подводится итог конкурса на лучшего предпринимателя, лучшую фирму.

Словом, водка, икра и хорошая музыка.

— А я здесь причем? — Катя улыбнулась любимому.

— Я вас приглашаю. Вы приглашены мною. Я хочу поужинать с вами за одним столиком, я хочу танцевать с вами, — он взял ее кисть в свою огромную сильную ладонь. — Я хочу, — Он чуть помедлил, подбирая слова, — чтобы вы мне доверяли.

Доверяла? Да я люблю тебя, милый! Катя, не торопясь, разглядывала Его вертикальную морщину меж бровей, волевые складки в уголках рта, нос картошкой — наверное, в Арктике ледоколы таким приспособлением ломают толщу льда.

— Хорошо, пойдете.

— Ну вот и чудно, — он поднес ее руку к губам и коснулся, — вот пригласительный билет. Прошу вас, в семь вечера приезжайте, проходите в зал без меня. У меня именно в это время совещание, я не смогу вас ни встретить, ни проводить в зал, приеду с небольшим опозданием. Встретимся там, внутри ресторана — хорошо? — он все еще держал ее руку в своей.

Катя, продолжая разглядывать черты лица этого сильного человека — Ее Мужчины, просто кивнула в ответ. Он снова поднес ее руку к губам. Машина затормозила.

Глава 17

... Какая странная произошла сцена — сцена обсуждения плана иллюстративного сопровождения докладов! Антонина попросила, чтобы не она, а Катя рассказала об их совместных идеях, а сама откинулась всем своим расплывшимся телом, прищурилась.

Катя, пылая от собственного счастья прямого общения с любимым, очень толково и логично все изложила. Он слушал внимательно, но в Его взгляде было гораздо большее. Изумление? Неподдельный интерес? Какая-то дальняя мысль, уходящая в глубины Его памяти и сознания. В этих казенных стенах чиновник впервые, наверное, видел любящую женщину, излучающую счастье. Самый запрянтанный, самый навечно задраенный колодец его души именно сейчас, причем насильно, без его на то

разрешения, открывали, и он был от этого и потрясенным, и незащищенным одновременно.

Ничто из происходящего не ускользало от всеведущих глаз-щелочек старой колдуньи Антонины.

Когда они после плодотворного обсуждения вышли из Его кабинета, Антонина бережно за руку довела до своей комнатки костром до неба сгорающую Катю. Столь же бережно усадила перед собой на стул и стала дожидаться, когда хоть факел чуть поутихнет. И, наконец, потупив взор, чтоб не спугнуть необычное явление природы чернотой своих мыслей, она тихо спросила Катю: — А вы с академиком знаете, что ваш вопрос на правительстве Москвы может не пройти?

— Да, знаем, — не сразу переходя из цветного фильма в черно-белый, ответила Катя.

— А что тогда произойдет? — продолжая глядеть в пол, еще тише спросила Антонина.

— Конец придет нашей фирме «Сириус».

— Да, — ладонь Антонины остановилась на катиной руке. — В том числе и вашей фирме «Сириус».

Словно ружейный выстрел прозвучал в веселой роще, полной жизни и солнечных пятен. Красавица Олениха в предельной тревоге вскинула голову: что? где?

Катины глаза застыли от внезапного наигорчайшего озарения: Антонина права — Катя вот-вот Его потеряет!

...В спортзале тело не хотело слушаться. Единственное, что хотелось — распластаться, прижаться щекой к ковровому покрытию и в таком положении застыть. Еле-еле она доволочила ноги до дому, бросила в прихожей сумку.

— Катюша, — донесся из слабоосвещенной комнаты мамин голос, — иди сюда, по телевизору тот самый концерт показывают, ну, помнишь, куда мы ходили на Патрисию Каас, еще тогда рядом сидел Юрий Иннокентьевич! Иди, посмотрим.

Катя села на диван рядом с мамой, и мама, точно как тогда, положила свою ладонь на катину руку.

Катя вдруг поняла, что хотя с совершенно новым чувством слушает французскую певицу, Патрисию вновь абсолютно точно отвечает на катины тяжелейшие вопросы

— именно сейчас, когда Катя повержена. Да, любимый уходит, — говорит упрямая французская подруга. — Да, ты останешься одна.

Да, нет большей боли и большей драмы. Но надо все равно суметь остаться с гордо поднятой головой, даже, если это выше твоих сил. Погибать в любви надо, оставаясь прекрасной. Только так!

Почему ты считаешь себя поверженной? — безжалостно выговорил Кате французский речитатив. — У тебя с Ним осталось еще две-три встречи. Да ты счастливая! Сколько женщин не имеют и этого шанса!

Не гнись перед Ним! Не показывай страдания!

Пусть эти две-три встречи и будут отпущенной тебе Богом счастливой жизнью. Конечно, это очень короткий интервал, даже — миг. Но и за него будь благодарна Всевышнему. Будь счастлива!

Катя, потрясенная осознанным, медленно, с огромным опасением повернула голову не вправо, где мама, а налево. Его рядом не было! Было пустое место на диване, а сквозь это пустое место, сквозь воздух видно было кресло у стены, а над ним эстамп. — Что с тобой? — встревожилась мама.

— Все нормально, — глухо ответила Катя. Ну, Юрий Иннокентьевич, держись. Ну, ты у меня напоследок получишь! Ну, покажу я тебе кузькину мать! Катя вдруг поняла, что стала абсолютно вселенски спокойной, уверенной, сильной.

...Катя не помнила, когда последний раз была в ресторане, а в «Метрополе» точно не была никогда.

Разумеется, одна в ресторан она бы не пошла ни за что — это Он сморозил, явно не подумав. Но и ошиваться в ожидании рядом с «Луксором» тоже было совершенно невозможно, она бы прохожими просчитывалась исключительно как проститутка — без вариантов. Оценив на месте обстановку, Катя поняла, что нет иного выхода, как поджидать Его с другой стороны проспекта, от боковой стены Малого театра. Далеко, правда, но разглядеть можно.

Увы, вся эта конспирация все равно вызвала интерес — один раз замедлила ход проходящая мимо иномарка, другой раз остановилась рядом милицейская машина, и сержанты внаглую рассматривали «новенькую». Однако, видимо, не пришли к единому решению и пока уехали.

Наконец-то Катя увидела подъехавшую на той стороне, у входа в «Луксор», до боли знакомую шикарную машину болотного цвета. Вот выскочил Он и, быстрым шагом устремился в ресторан. Катя не спеша пошла к тоннельному переходу на ту сторону. Когда она, отдав плащ в гардеробе, обернулась к зеркалу, она увидела нечто потрясающее. Перед ней стояла... Богиня Любви! Бежевое струящееся вечернее платье — то самое! не скрывало, а обнажало все, что способно взорвать мужские инстинкты.

Полушария едва закрытой груди имели свободу любого трепетного движения, которую предоставляло ее гибкое, сильное, ладное тело. Линии бедер, вдруг появляющиеся во вроде бы опущенной ткани, создавали впечатление даже большей обнаженности, нежели бы она была обнажена на самом деле.

Интригу создавал и разрез платья, в совершенно непредсказуемый момент в нем появлялась и тут же за тканью исчезала уже по-настоящему обнаженная женская прелесть — вся линия ноги аж «до сих пор». Было ясно: все это умопомрачительное великолепие должно буквально взрывать мужское естество, хватать, скручивать, терзать в последних любовных муках. Такой Катя и вошла в круглый полуосвещенный зал, где лилась чарующая музыка и с бокалами в руках разговаривали друг с другом великолепно одетые мужчины и женщины.

Она вошла — и... стоящие рядом в разных группах мужчины потеряли нить разговора, забыв о приличиях, уставились на нее. Впрочем, может, с еще большим вниманием успели все в ней рассмотреть и дамы.

Прямо перед Катей стоял Он. Он, видимо, лишился дара речи. Его взгляд то охватывал ее целиком, то ревниво впитывал каждую клеточку ее смеющегося властного лица, то жадно впивался в ее почти обнаженную грудь — уже с безнадежностью оторваться хоть когда-то в веках.

— Екатерина Владимировна! — вымолвил Он, наконец, забыв об окружающих и не зная, что сказать дальше. Он сделал к ней шаг и взял за руку.

Подвел к столику, уставленному фужерами, протянул ей бокал шампанского, чокнулся с ней своим бокалом: — Как хорошо, что вы здесь, за встречу!

От шампанского у Кати чуть-чуть поехал горизонт, она рассмеялась: — Так что здесь происходит?

Он с усилием оторвал свои стоячие голубые глаза от ее груди: — Сейчас произносятся речи, потом будут награждения, — в это время мы можем, как и все присутствующие, подкрепиться.

Он галантно поухаживал за ней, усадил ее совсем за другой столик на двоих. Появившийся рядом как из-под земли безукоризненно одетый молодой человек-официант молниеносно сделал их столик изобилием изысканных яств. Катя вполне хладнокровно распробовала их — одно за другим, впрочем, более занятая не яствами, а происходящим на полукруглой низкой сцене прямо перед ними, в то же время благосклонно смеясь Его шуткам.

Чувствовалось, что в Нем из глубины распалась всесокрушающая тигриная сила. Было видно, что он несказанно горд, находясь рядом с главным украшением зала. И в самом деле, произносящий приветственные слова седовласый префект — тот самый боевой генерал победного 45-го года — не смотрел никуда, а обращал свою речь к ней, к Кате, будто именно она была лидером бизнеса.

Катя от души, залиvisto рассмеялась очередной удачной шутке своего Ухажера, снова чокнулась с Ним бокалом с шампанским и увидела, что на сцену для награждения каким-то подарком в темной бархатной коробочке вышли трое, почему-то показавшиеся знакомыми. Вдруг ее Кавалер, наскоро извинившись, встал, при внимании всего зала нимало не смутившись, пересек круглое пространство перед низенькой сценой — взял в руки микрофон: — Предлагаю поднять тост за этих молодых людей — они являются истинными реалистами, причем именно потому, что требуют от жизни невозможного!

Смех, аплодисменты, музыка... Тут Катя вспомнила, где видела этих крепких парней — еще в самом начале своего появления в префектуре. Тогда Он вышел с ними из своего кабинета шушукаться у окна в коридоре. Темные корешки по темным мужским делам. Да, все-таки власть — темная сфера. И как только мужчины в ней разбираются? — думала Катя, улыбаясь, поднимая бокал шампанского со своим вновь возвратившимся Партнером.

И вдруг зажигательные африканские ритмы румбы с подъемом скрипичной волны испанских мелодий полностью сменили обстановку в зале. Пары от столиков стали спускаться в центр, в круг.

Он пригласил ее на танец и шел чуть сзади. Катя спиной чувствовала, что его глаза попытались успеть плотоядно насытиться всем, что сзади открывало взору ее платье. Когда Катя повернулась к Нему лицом, глаза Его сверкали, было видно, что Он в волнении. Мужики любят глазами, — гласит народная пословица. Так получай же, закоренелый холостяк: сгоришь сегодня в топке желания! Будешь знать, как сводить женщину с ума, оставаясь при этом в великолепном хладнокровии. Как бы не так!

Сегодня ты у меня потеряешь разум!

Какие возможности для движений женского тела открывает румба! Точнее, то — что заложено в ее ритме: смещение по фазе шага партнера и шага партнерши.

Такое малое запаздывание, а чистой воды эротика! Мужик входит в раж. Катя легко, с упоением воспроизвела сексуальную пантомиму бедер, которую требовал танец. Он — сильный, но прямолинейный, не столь гибкий, как надо бы для румбы, поэтому сопровождал ее движения с едва заметным усилием. Однако глаза Его горели, как звезды, они только успевали схватывать то линию ее бедра, то открывающуюся вдруг в разрезе наготу ноги, то бесконечно вожделенный трепет открытой груди.

Прекрасный, но однако смертельно ядовитый цветок распустился, чтобы сладко-притягательным запахом привлечь, соблазнить жертву, лишит какой бы то ни было возможности самоуправления, подчинить своей воле, затянуть в самую сердцевину своего дурмана — и ... затем резко закрыться, захлопнуть ловушку. Для чего? А чтобы попросту потребить жертву не более как средство питания.

Шампанское, шоу со сцены, удивительный уют полутемного, заполненного музыкой кругового пространства.

Галантные ухаживания ее не на шутку разогретого Партнера.

Полностью подчиненное катиной воле ее гибкое тренированное тело пустилось во все тяжкие в греховных движениях. Самба, этот латиноамериканский вальс, дал ей возможность со смехом наблюдать, как чуть раскрасневшийся от страсти Партнер переживает прикосновения их тел друг к другу различными частями, что это и положено в самбе. Катя двигалась легко, изящно, она прекрасно знала, что в этом танце, в этом платье, почти любое ее движение порождает взрыв Его сексуального переживания.

А если еще немного подыграть... И это ей удавалось блестяще. У Него на лбу выступили капельки пота, а Катя беспечно, заливисто смеялась, полностью предоставляя Ему возможность быть темпераментным латиноамериканцем и галантным русским кавалером одновременно.

Только Он подвел ее к столику — и тут — танго!

Какая музыка! Нет ничего более божественного!

Такой ритм, такая неумолимо подхватывающая всю душу музыкальная сила! Они с улыбкой посмотрели друг на друга и вернулись в танцевальный круг.

Как, оказывается, сродни русской натуре аргентинская ритмика. Катя соблазняет: она дразнит и чуть убегает. Заставляет Его добиваться ее и покорять.

Вся Его натура пылает желанием. Ах, этот ритм! В Его могучих руках Катя слушается идеально, сейчас она способна на все.

Катя вполне невинно откинула голову с устремленным в никуда кротким взглядом. Он жадно глазами поедает эту идиллию. Сейчас мы твое мужское естество на барабан намотаем, сейчас ты помучаешься!

Кобра сложилась кольцами, предрешая судьбу жертвы своими вертикальными прорезями в зрачках. Любимый, конец тебе пришел! Ну, все-таки наберись сил и вытащи свой взгляд из моего откровенного выреза на груди!

Им не суждено было сесть за свой столик — к ним подошел префект с эффектной молодой дамой.

Ай-яй-яй! Все вы мужики такие! Где же твоя жена, префект? Катя помнила по концерту, что благочестивая супруга префекта выглядит совсем иначе.

Сразу же подошли и крутые, которых награждали, тоже с девицами. Стали все в кружок вести солидный разговор абсолютно ни о чем, подхватывая дружным смехом как очень удачную шутку любую попытку в этом направлении. Надо же, какой карнавал беспечно веселого времяпрепровождения — мишура, блески, игра света, великолепные наряды, галантность, легкое головокружение от прекрасных напитков! Катя заметила, что исподволь префект ест ее глазами, поглядывают также и крутые, и еще другие, подошедшие к их кружку мужики.

Но сильно прижимала ее кисть Его стальная рука — это мое, не трогать! Теперь сражаться за меня хочешь, любимый?

Вечер кружился сплошным фейерверком. Вот они уже сидят на другом конце зала в шумной компании.

Упитанный голливудский раскрасавец, — Кате представили как зам. главного архитектора чего-то там — разгоряченно доказывает ее Любимому какую-то мысль, однако ее Любимый отнюдь не теряет суть происходящего. Он в первую очередь — с ней, и лишь во вторую очередь слушает какого-то там зам. главного архитектора.

Когда у Кати появилось ощущение, что чаша сегодняшних впечатлений уже почти наполнена, вечер вдруг упал в самый быстрый, самый жизнеутверждающий танец-джайв. Кате захотелось просто шалить, ей стало необыкновенно легко и весело.

Бог с Ним, с Партнером, доведен ли он до предельной точки мужского желания, — Кате уже стало все равно. Она захотела просто двигаться всем телом так, чтобы было отпадно, чтобы это была самая греховная преисподняя! Катя опустила в сознании любой и всяческий контроль — сейчас можно все!

Да, неслучайно в переводе с Чикагского сленга jibe — это крутой секс. Тем, что Катя разрешила себе, своему телу — Катя Его просто добила. И он, судя по всему, дошел до неистовства своего мужского запала, которого в Его жизни не было очень давно, может быть, никогда. И вдвоем они, видимо, произвели на всех впечатление — вокруг них присутствующие выстроились в круг и задавили ритм аплодисментами. За время танца Катя прожила абсолютно наполненную смыслом и значением законченную долгую счастливую жизнь.

...Когда они вышли в ночную прохладу самого что ни на есть центра Москвы к шикарным, отливающим глубоким лаком сгрудившимся автомобилям, Он открыл перед ней дверцу своей ослепительной иномарки.

— Как тогда? — серебристым колокольчиком в лицо Ему от души весело рассмеялась Катя и со словами «Спасибо! До свидания!» шагнула мимо Него к услужливо распахнутой дверце такси.

Хоровод родных огней усилил легкое головокружение от шампанского и танцев, Катя откинулась на спинку кресла, абсолютно счастливая. В этом же состоянии она впорхнула в подъездную дверь своего дома. Машина такси развернулась, газанула и направилась к выезду из двора, обогнув, чтобы не задеть стоящую в тени с погашенными фарами дорогу иномарку болотного цвета.

Глава 18

...Как объяснила Ксюша, в подъезде № 5 мэрии на Тверской, 13 им заказан пропуск. В этом красном здании, бывшем здании Моссовета, что напротив памятника Юрию Долгорукову, Катя ни разу не была. Когда они с Палычем вошли, то увидели огромную толчею униженных и оскорбленных, пришедших искать правду по поводу текущих крыш, разделения лицевых счетов, несправедливостей от жэковских начальников и так далее, и тому подобное.

Вся эта шумная и жалостливая публика кучковалась у поста со строгими милиционерами и у единственного телефона. Оказалось, однако, что и в окошечко бюро пропусков, что буквально в трех шагах влево по маленькому коридорчику, тоже маленькая очередь. Всегда жизнерадостный, веселый Палыч был не похож на себя: задумчивый, упорно молчащий.

Но Катя не допытывалась до причин — она вся, с головы до пят, словно нить накаливания в лампе, включилась пока еще слабым свечением. Они стояли с паспортами в руках, минута за минутой, а накал вольфрамовой нити нарастал. Господи, ведь через несколько минут, в приемной зам. премьера она увидит Его!

Но это произошло раньше. Только они с Палычем повернули от окошка обратно к милицейскому посту, вольфрамовая нить дала вдруг ослепительную вспышку: ей навстречу, не видя никакого Палыча, шагнул Он. Неодолимая сила и ее заставила сделать такой же шаг навстречу Ему. Прямо балет на сцене Большого театра!

Любимый! Эти блестящие чуть навывкате голубые глаза, этот милый упрямый гладиаторский нос картошкой, эти могучие плечи и коренастая властная осанка. Любимый!

«Здравствуйте!» — эхом одновременно сказали оба. Они не коснулись друг друга, но и не было в том нужды: Он весь, целиком был в ее владении. И потому она сразу же заметила перемену: пропал холодный, расчетливый, надменный мужчина, привыкший ломать других. На его месте был по уши влюбленный и потому растерянный и чуточку смешной юноша. А ведь разве это и удивительно? Была ли в Его богатом любовном опыте любовь-то? Может, ее и не было! А если любовь, то есть влюбленность пришла к Нему впервые, растеряешься тут, станешь смешным.

— Я специально пришел к вам сюда, — сказал Он, поздоровавшись, наконец, с Палычем, — чтобы провести вас другим путем, а то вы заплутаете.

Вслед за Ним они двинулись, но не к лифту, а по коридору в другую сторону, потом вдруг снова вышли на улицу — но нет, то была не улица, а внутренний дворик мэрии, где стояли черные машины правительственного вида, — пересекли дворик, опять вошли в здание, далее по коридору и, наконец, вновь оказались там, где милицейский пост, лифт и гардероб, но уже в другом корпусе.

В лифт набилось много важных дядек и столь же важных немолодых чиновных тетек — что-то в них во всех было застывшее, словно не люди, а мумии.

Но Катя жила близостью ткани Его дорогого пиджака — ей было видно только это. Она не могла поднять глаз на Него, но знала: он, презрев все приличия, во все глаза смотрит на нее.

На пятом этаже, сразу около выхода из лифта, снова оказался милицейский пост, где их пропуска опять проверили. Дальше они вошли в массивную дверь, оказались в просторной приемной, отделанном на удивление скромно, в духе сталинской эпохи — такие, приемные были, наверное, у наркомов.

Там стоял Белоногов и трое каких-то неизвестных невзрачных чиновников — видимо, мелкие аппаратчики.

— Здорово! Да ты что не здороваешься? Совсем зазнался, — хохотнул Белоногов, толкнув Его в плечо.

Он и в самом деле забылся, — так и смотрел на Катю. Растерянно оглянулся, наскоро пожал всем руки, и снова шагнул от этой группы к Кате и Палычу.

— Я должен докладывать? — спросил, словно издалека, отчужденный, замкнутый Палыч.

— Нет, не вы, а Белоногов, — словно автомат, ответил вихрастый застенчивый подросток, продолжая по-уши влюбляться в Катю.

Солнце катиного счастья садилось. Она, как и Палыч, интуитивно уже на сто процентов была уверена, что их проект не пройдет. И что тогда? Словно холодная тьма, охватывающая все мировое пространство, начиналась там, за тем мигмом, когда объявят, что заседание правительства Москвы завершено.

Да, до того мига пока еще все светло, еще продолжается многообразная жизнь, еще Катя может позволить себе наслаждаться тем, что они с Ним могут быть рядом, видеть друг друга, встретиться взглядом, но затем... словно все обрезается мраком.

Какие основания, чтобы они после того увидели друг друга? Никаких — Он очень занят. Он закоренелый холостяк. У него были, есть и будут женщины.

Его подхватит ежедневный вихрь событий, и он забудет Катю — не через день, может быть, но уж через неделю, месяц — это точно.

Да, сейчас умилительно смотреть на грозного, сильного мужчину, охваченного увлечением, влюбленностью: вытаращился своими голубыми глазами, потерял весь лоск циника. Приятно, конечно, когда мужчина так явно неравнодушен к тебе. Милый, дорогой мой, любимый мой!

Но что будет после двух часов вторника, то есть через три дня, когда закончится заседание? Холодная, неразличимая муть.

Боже мой, жизнь прошла! Катя, получала неизъяснимое удовольствие, глядя, как Он обменивался с Палычем незначущими словами, и одновременно была в смятении. И вдруг вспомнила всю свою жизнь. Вечная круглая отличница. Студенческий роман, и вроде тогда дошли до этого самого, но все это было, в сущности, детской шалостью. Ожидание счастья. Прекрасная спорая работа. Страшная душевная травма от предательства, поиск достойного пути без личной жизни. Пустые годы работника-автомата.

И вдруг — такое счастье: любовь! Да, Катя любит Его, любит всем своим существом, будет любить Его всегда.

Нет, Катя не чувствовала себя несчастной, что через три дня она, перейдя черту тьмы, потеряет все это сияющее солнцем пространство. Нет, спасибо тебе, жизнь, что дала полюбить, что дала глотнуть столь нужного женскому естеству несказанного блаженства. Теперь у Кати этого не отнять.

Ну и пусть снова пойдут годы человека-автомата.

Но теперь это будет лишь внешне, внутри же ее останется весь смысл ее жизни — любовь к Нему.

Милый мой, спасибо тебе, я прощаюсь с тобой, но ты останешься со мной навсегда.

Катя улыбалась, но по щеке ее покатила слеза.

«Я плачу, я плачу» — густой, могучий бас, страдая, исполнял по радио, что негромко было включено у секретарши, великий русский романс.

— Я плачу, Катя, — тихо и скорбно вдруг сказал Палыч вне всякой связи с тем, о чем они только что говорили с Ним. — Все наше дело скоро закончится, извините.

Палыч в чувстве взял Катю за руку, Катя встречно накрыла его пальцы другой своей ладонью. Этот человек заменил Кате отца, а катин отец давным-давно погиб в безвестной маленькой войне, которую наша страна вела почему-то в Африке.

— Заходите, — объявили присутствующим.

Это был не кабинет, а просторный зал с длинным столом для заседаний, торцом упиравшимся в массивный стол хозяина кабинета, заместителя премьер-министра.

Навстречу вошедшим поднялся эдакий лев — представительный, видный, крупный мужчина, всем хорош собой, прямо-таки народный артист с очень понимающей ухмылкой, хотя вроде еще никто ни о чем не докладывал.

Так он с этой понимающей ухмылкой, оставаясь при этом с совершенно непроницаемым лицом, и выслушал Белоногова, который на память процитировал несколько основных фактов и цифр из материалов, подготовленных Катей.

— А ты что скажешь, Спиридонов? Да перестань ты разглядывать соседку — ты что, для этого сюда пришел? — дружелюбно, но властно сказал народный артист.

— Белоногов все сказал правильно, — челюсти Ее Любимого сжались, лицо окаменело, как перед последней схваткой. — Но разрешите высказать свою точку зрения.

Аппаратчики все как один подавили непонятную улыбку. Она же как будто мелькнула и в неменяющейся ухмылке народного артиста: — Обижаешь, Спиридонов. А для чего же мы тут собрались? Конечно, выкладывай свою точку зрения.

Катя вдруг поняла, что все слова здесь имеют совершенно иной смысл и что Он решился на что-то, не вписывающееся в негласный регламент, то есть Он хочет сказать какую-то правду, которая Ему самому повредит.

— Я убежден и хотел бы просить об этом — поддержать направление, — настолько отдельно и настолько самоотверженно отчеканил Он, будто после этих слов Его расстреляют. — В конечном итоге...

Простите, но я хотел бы это подчеркнуть: в конечном итоге, — Он сделал длинную паузу, — город от этого выиграет.

Вот, наконец! Наконец-то они с Палычем и узнали истину про судьбу своего проекта: он может быть выгоден городу, но только «в конечном итоге», то есть очень отдаленно. А сколько им неведомого заслоняет выгоду до этого «конечного итога»? Видимо, очень много. Причем, настолько заслоняет, что сказать об этой отдаленной выгоде вслух можно лишь, рискуя карьерой.

Народный артист вскинул бровь, понимающая ухмылка исчезла, он стал с медленным ритмом стучать торцом карандаша о стол, в упор глядя в Его глаза. Наступила мертвая тишина. Ее единственный Любимый Человек, судя по всему, оказался в смертельной и неравной схватке. Но выдержал взгляд.

У народного артиста вдруг вернулась понимающая ухмылка, он откинулся в кресле: — Белоногов, изучи вопрос.

— Но... — начал было Белоногов.

— Никаких «но», — отрезал заместитель премьера.

— Спасибо, — это было адресовано всем присутствующим в том смысле, что совещание окончено.

Когда они все вновь оказались в приемной, ее Любимый и Белоногов встали лицом к лицу очень близко, как два бойцовских петуха.

— Поди-ка, оказывается, ты у нас какой, — медленно сквозь зубы процедил Белоногов.

Ее Любимый, окончательно сделав стоячим взгляд своих навывкате голубых глаз, ничего не ответил, видимо, ждал удара в челюсть, а словечки — это так, пустяк. Белоногов вдруг повернулся и, не прощаясь, быстро вышел из приемной.

Они двинулись к лифту. Впереди, сгорбившись, шел Палыч. Катя и Он шли сзади, плечо к плечу и... вдруг их пальцы невидимо ни для кого встретились.

Так они и шли, держась за руки: «мы долгая нежность друг друга», — пока у лифта к ним не повернулся Палыч.

— Спасибо, — глухо проговорил он в адрес ее Любимого. — В своей жизни я видел много мужественных поступков по защите правды — и в Совмине, и в ЦК. Мало из этих героев выживало, их после рубили, как капусту. Знаете, я вас очень зауважал.

Еще раз: спасибо, — Палыч крепко пожал руку ее Любимому, и дверь лифта открылась.

Они все трое молча смотрели на убывающие цифры этажей на табло над дверью. Кроме них никого в лифте не было. Когда загорелась двойка, что значит они проходили мимо второго этажа, Палыч повернулся к двери, приготовившись к выходу. И тут, не сговариваясь, Катя и ее Любимый слились за его спиной в поцелуе, который длился вечность, то есть, пока не открылась дверь.

— До свидания, — Он официально попрощался с Палычем и Катей у милицейского поста. — Наш вопрос на заседании правительства Москвы второй, то есть он начнется не в десять, а после перерыва в двенадцать. Встретимся без пятнадцати двенадцать там же, где и сегодня. О наглядной информации не беспокойтесь, наши работники все плакаты и диаграммы в перерыве повесят. Докладчики — я и Белоногов.

Вас, Василий Павлович, мэр вызовет в прениях. Не обижайтесь, не техническая мысль, заложенная в вашем устройстве, здесь главное. Главное то, что ломать устоявшиеся хозяйственные отношения, тем более основанные на очень-очень больших деньгах, чрезвычайно трудно. Но надо — это мэр понимает, поэтому и вынес вопрос на обсуждение.

Но вынес, видимо, так, чтобы не более чем поугубить всю эту братию, чтоб не заснули окончательно. В общем, то, что вопрос не пройдет — это верняк, но окончательной формулы мэра, я, клянусь, предсказать не могу, — Он на прощание поднял руку.

— Еще раз — большое спасибо! — помахал ему Палыч.

Прощай, мой милый! Прощай навсегда! Один раз осталось увидеться. Катя с любовью посмотрела на оглянувшегося на нее в дверях ее Единственного, Ненаглядного, Любимого. Он был освещен последними лучами заходящего ее катиного счастья.

Спасибо, жизнь, что подарила эту огромную любовь.

Жизнь прошла не зря!

Когда они с Палычем простились, Катя лишилась сил. Она рухнула на скамейку за Юрием Долгоруким, с восхитительной скорбью размышляя над своей прошедшей жизнью, которая закончилась вдруг таким оглушающим женским счастьем непосредственно перед чертой, за которой мгла.

И с сожалением читая жизнь мою, Я трепещу и проклиная, И горько жалуясь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю.

У Пушкина было не с «сожалением», там было другое слово, но и так сойдет, улыбнулась своим мыслям обессиленная круглая отличница.

...Когда вечером, в спортзале, Катя, выполняя команды тренера, делала упражнение за упражнением, ее вдруг поразила мысль, что она сама стоит именно в той самой позе, что и женщина, у которой с ослепительно белой задницы мужские руки стягивали черные колготки тогда, в том порнофильме.

О, Боже, я же стою как раз попой к окну, — Катя, потрясенная этой мыслью, оглянулась к черноте окна. Там, действительно, было только черно, но... Катя могла поклясться, что в миг, когда она обернулась, от стекла отпрянуло чье-то лицо. Его лицо?!

Катя вскочила, не обращая внимание на недоумение тренера, подбежала к окну. Она увидела в слабом свете только ряд стоящих легковых автомобилей.

Но не показалось ли ей, что, когда она еще только подбегала к окну, хлопнула дверца машины?

И что там — ах, плохо видно! — вон там, за той «Волгой», что там за иномарка? Неужели — та самая?

Или ей все мерещится?

Нет, не побегу на улицу, ничего проверять не буду, — Катя прямо рядом с окном рухнула на мат в позу индийского йога.

Глава 19

Странными видениями начался вторник. После звонка будильника Катя еще продолжала лежать с закрытыми глазами. Вот прямо под ней пестрая многоликая толпа, но все равно Катя видит с палубы именно Его. Вот Он сложил руки в рупор, что-то кричит ей, но из-за многоголосого шума не слышно.

Катя машет Ему, но теплоход, покачиваясь на волнах, постепенно отходит от пристани, и — что это? — Катя потеряла Его из виду. Где он? Катя в тревоге ищет глазами и не находит, не находит...

— Катюша, вставай, у тебя ответственный день, — мама заглянула в комнату.

— Нет, ма, не к спеху. Мы с Палычем договорились не ходить с утра на работу, а полдвенадцатого встретиться прямо у мэрии.

Катя принимает душ. Сейчас отойдет поезд. Катя из купе улыбается своему Единственному Любимому, а он ей что-то жестами показывает. Как они любят друг друга! Вот поезд тронулся, Он пошел рядом с окном, посылает ей воздушный поцелуй.

Вдруг какое-то чужое мужское лицо примкнуло прямо к стеклу, а пассажир ее купе что-то радостно заорал и изнутри купе загородил собою окно. Поезд ускоряется, стекло загорожено, Катя не видит Его, она в отчаянии, у нее украли драгоценную секунду еще раз увидеть своего Единственного. Катя рванулась к оставшемуся просвету стекла, чтобы еще раз увидеть Его, и тут пассажир сместился именно в эту сторону. Боже! Поезд пошел быстро. Катя метнулась к другой стороне окна а там... никого, только быстро уходящая платформа...

— Да не переживай ты так, — мама долила Кате еще чашку кофе, — чем бы не кончилось совещание у мэра по вашему вопросу — проживем, не умрем.

Зазвонил телефон.

— Катя, это тебя, Василий Павлович зовет, — позвала мама и шепотом: — не случилось ли чего, у него голос, как с того света.

Катя вскинула глаза — на часах десять сорок.

— Катенька, — услышала она слабый голос Палыча и похолодела, — Катюша, вы пойдете на заседание без меня. У меня сердце, сейчас придет «скорая». Я уже позвонил Спиридонову, сказал ему, что вы приказом назначаетесь на должность заместителя директора «Сириуса», и он сказал, что в прения вместо меня вписаны будете вы. Все, не могу говорить, удачи...

В трубке гудки. К Палычу ехать по времени уже бессмысленно.

В мэрии, там, у окошка бюро пропусков, где они договорились, Его не оказалось. Без пяти двенадцать Катя перестала ждать и повторила маршрут: через внутренний дворик к другому лифту, на пятый этаж. Сколько она передумала, ожидая, что они вместе проведут десять-пятнадцать минут до заседания.

Последняя встреча! Кто ее украл? Почему Его нет?

После милицейского поста на пятом этаже — море народу. Двери зала заседания правительства Москвы — недалеко от дверей заместителя премьера.

Перерыв. Светят юпитеры, журналисты берут телеинтервью у разных важных шишек — а, кстати, вон и Анна Ивановна Румянцева дает интервью московскому каналу, судя по надписи на микрофоне.

Вон промелькнула туша депутата Рытова. Вот в группе других стоит Белоногов, скопил на нее глаза, но не поздоровался и глаза отвел. На стене десятки портретов — бывших руководителей Москвы.

Странно, прямо перед ней стоял и с каким-то генералом беседовал тот самый человек, который изображен на предпоследнем портрете. Значит, догадалась Катя, он тоже возглавлял Москву — когда-то раньше нынешнего мэра. Но нигде в толпе не было Ее Любимого!

— Катерина Владимировна, здравствуйте! — навстречу Кате шел улыбающийся низенький рыжий Корецкий. — Вы уже заняли место? Нет? Тогда быстрее в зал, а то останемся без мест, — Корецкий под руку повел Катю в зал.

В дверях Катя еще раз оглянулась на публику в холле и... увидела Его. Дверь из приемной заместителя премьера отворилась, и оттуда, словно корабль, двинулась высокая статная фигура народного артиста с неизменной понимающей ухмылкой, а рядом сжав зубы, шел Он! Корабль продолжал ее Единственному что-то через плечо высказывать, а ее любимый шел будто после тяжелого испытания. Катю он не видел. Сейчас он, видимо, вообще ничего не видел своими блестящими чуть навывкате голубыми глазами.

Действительно, Семен Израилевич был прав — еще секунда, и они остались бы без мест. Никакого красного бархата, тяжелых царских люстр и инкрустированных паркетных полов, как Кате казалось раньше — она, видимо, спутала с кремлевскими апартаментами, виденными по телевизору.

Зал хоть и большой, но, между прочим, — тесный.

Половину зала занимала подкова — такой формы длиннющий стол с двадцатью шестью местами. В центре подковы место мэра. Другая половина зала — очень тесно поставленные несколько рядов простых стульев для депутатов высших чиновников,

приглашенных, прессы. Вокруг свободных мест уже через минуту началась... не грызня, конечно, но суэта. Не досталось места какому-то депутату, корреспонденту. Рядом встал, тоже без места, главный архитектор города — но ему тут же внесли дополнительный стул.

Двери зала закрылись, по длине всей подковы заняли места префекты, в том числе и их префект, похожий на боевого генерала, министры московского правительства, заместители премьера. Народный артист, уже сидя на своем месте, продолжал через плечо что-то говорить ее Единственному Ненаглядному, а тот стоял за стулом и молча, крутя желваками, слушал.

Тут открылась боковая дверь, быстро вошел мэр и со словами «Спиридонов, не нарушай регламент, иди садись», занял главное место в зале.

Катю поразил вид мэра: на дворе весна, а он был абсолютно загоревшим. Почти негр. Но мэр, еще не открыв второго вопроса заседания, а обращаясь к аудитории с вольным вступлением, вдруг сам все объяснил.

— Федеральному правительству надо бы всерьез обратить внимание на то, что творится в так называемых оффшорных зонах, какие деньги нашего государства через них уходят. Я вот тут десять дней был на Кипре, так что такого посмотрелся... — тут мэр словно прикусил язык, видно, почему-то пожалев о сказанном, тем более в присутствии прессы.

Сидящий рядом с Катей Корецкий скопил на нее хитрющие глаза, мол, «а что я вам говорил».

Мэр деловито объявил: — Спиридонов, заместитель префекта.

Ее Единственный, Любимый, Ненаглядный быстро прошел к трибуне в углу зала и стал монотонно, без выражения, словно пономарь, читать по бумаге подготовленный тогда еще Катей доклад.

Тому, что стало происходить, Катя изумилась.

Из двадцати шести человек правительства Москвы человек пять-шесть от силы слушали или делали вид, что слушали докладчика. Половина углубилась в свои служебные бумаги, которые достали из портфелей.

Другая половина и вовсе достала сегодняшние газеты.

Катя заметила, как один углубился в кроссворд.

— Почему они не слушают, — шепотом еле слышно спросила она Корецкого.

— Это так кажется, — тоже шепотом ответил старый хитрый лис. — Они слышат, но понимают главное: суть происходящего совсем в другом, не в том, о чем говорит докладчик, более того, эта суть происходящего их лично не касается.

— Но и мэр не слушает, — изумилась Катя. В самом деле, мэр всем корпусом повернулся к своему заместителю, то есть спиной к докладчику, и довольно весело о чем-то с ним беседовал.

— Тоже — только видимость, — еще тише ответил Корецкий, — мэр знает вопрос, ему незачем все слушать, но все ключевые моменты доклада он ловит четко.

Как-то до досадного беславно ее Возлюбленный дочитал свой доклад и сел — совсем недалеко.

И только тут увидел Катю. Его почерневшее лицо от неизвестных Кате переживаний просветлело, он улыбнулся, хотя это получилось немного мученически, и приложил руку к груди, мол, извините, что не встретил. Катя нежно улыбнулась Дорогому Ей Человеку и чуть махнула кистью. Оба обернулись на трибуну.

Белоногов с трибуны валил вопрос. Он говорил какие-то непонятные гадости. Точнее, это были цифры, экономические показатели, сравнительные характеристики работы энергетических служб Москвы, но на языке, доступном лишь работникам городского хозяйства, — в результате Катя не понимала ничего. Она поняла главное — вопрос топят и довольно круто.

Оказалось, это еще цветочки. Вышедший первый в прениях черноволосый заместитель начальника какого-то экономического департамента без бумаги очень складно и логично стал говорить что-то такое мэру — тут мэр повернулся и стал внимательно слушать — что, видимо, только они вдвоем с мэром и понимали. Это были аргументы и контраргументы по поводу рабочих тонкостей управления экономикой города, и Катя почувствовала, что все соседи слева и справа, сидящие на стульях, потеряли нить. Честно говоря, Катя даже не поняла — «за» их проект выступает черноволосый или «против».

Следующим вышел седой солидный дядька в дорогом синем костюме с очень толстыми линзами очков. Говорил тоже без бумаги, но тут было понятно все. Смысл в том, что город, а по логике докладчика — лично мэр, так крупно задолжали этому

господину, что он довел техническое состояние своих энергетических систем до критической грани. И типа того, что этот в очках и синем костюме еще потерпит, но вообще-то происходящее недопустимо, и правительство Москвы должно именно так дело и понимать.

Катя опустила голову и задумалась. Если она сегодня приедет к Палычу и скажет, что их разработку завернули, — как бы старика не хватил удар.

А с ней самой — что будет завтра? И с Милым она видится в последний раз...

На трибуне борец за народные интересы Анна Ивановна Румянцева. Она с жаром своими словами пересказала все то, что они подробно проработали в материалах: городу не хватает решимости и денег, чтобы модернизировать энергетику, и в итоге население платит из своего кармана за техническую отсталость.

Вышел худощавый директор какого-то московского завода. Он вдруг начал говорить какие-то фантастические вещи о том, что заводы имеют огромные задолженности в оплате за энергию, но, оказывается, в зависимости от желания погасить разные по степени задолженности энергетические службы выставляют директору разные тарифы, и перед всеми присутствующими на заседании Правительства Москвы вдруг стала открываться за простым вроде вопросом сложная картина, допускающая подспудные закулисные торги, нарушения, злоупотребления.

— Спасибо, — неожиданно резко прервал директора мэр.

Директор вроде не понял, ведь ему сказали не «садитесь», а «спасибо», и стал называть цифры разных тарифов, и тут мэр очень резко и властно сказал: — Спасибо.

Директор, как человек дисциплины, все понял и сел. Корецкий опять скосил хитрющие глаза на Катю. Катя потерянно пыталась осознать — какую же малую клеточку в огромной и непонятной жизни Москвы они с Палычем занимают со своей разработкой.

Да, шансов — ноль.

Мэр уткнулся в список выступающих.

— Давайте, последний докладчик, а затем обсудим постановление. Корнева Екатерина Владимировна, заместитель директора фирмы-разработчика «Сириус». Академик Лодеев, мне сказали, заболел.

Кстати, я хорошо знал работы Василия Павловича, когда еще сам возглавлял научно-производственное объединение. Это крупный ученый, гордость российской науки. Проходите, пожалуйста, Екатерина Владимировна.

Катя вышла из своего ряда, не чуя ног. На нее смотрел мэр, весь зал, телекамеры. Ее руки как бы невзначай в этой тесноте коснулась Его рука. «Спасибо », милый!» Катя прошла к трибуне мимо оказавшихся совсем ненужными плакатов и диаграмм.

Она встала в трибуне и глянула в зал: все смотрели на нее. И мэр смотрел на нее. Катя знала доклад наизусть.

— Уважаемый мэр, уважаемые члены правительства...

— начала было круглая отличница защищать диплом.

— Подождите, Екатерина Владимировна, — прервал мэр. — Разрешите, я сам задам вам вопрос.

Вот во всем этом проекте — что, по-вашему, главное?

С вашей личной точки зрения.

Тут вдруг необычная отвага охватила Катю, она почувствовала себя легко и уверенно: — Главное вот что, — ее голос четко прозвучал в зале. — В конечном итоге, извините, я хочу подчеркнуть эти слова, — в конечном итоге городу этот проект нужен, город от него выиграет!

Катя увидела, как вскинул бровь народный артист — точь-в-точь так же, как тогда, когда эти слова произнес ее Любимый. Катя взглянула на мэра.

Он не смотрел на нее, а смотрел как бы в никуда чуть-чуть поскребывая свой почти полностью лысый череп.

— Большое спасибо, Катерина Владимировна, присаживайтесь. И передайте, пожалуйста, пожелания скорейшего выздоровления академику Лодееву и благодарность за прекрасную техническую разработку.

Катя почему-то заметила, что на слове «прекрасную » Белоногов недоуменно поднял голову.

Когда Катя пробиралась на место, уже не таясь ее Возлюбленный пожал ей руку.

— Молодец, прекрасно, хотя дело ваше дрянь, — шепотом поздравил Корецкий.

Оглушенная произошедшим Катя временно отключилась и не слышала, что говорили члены правительства. Да их с мест, не вставая, и высказалось- то всего трое. Потом

говорил заместитель премьера — но все это было, как на немой киноленте, Катя оставалась в шоке и не слышала.

Боже, что же я творю. Мне же важно слышать каждое слово — Катя с усилием вернула восприятие.

— Поэтому я еще подчеркиваю, — завершил свое выступление народный артист, — размеры платежей населения за пользование услугами наших энергетических ведомств надо увеличивать, у нас нет другого выхода.

Надо же! Все пропустила! Вот плюха! — Катя была в отчаянии. Мэр по-прежнему сидел, как и во время ее выступления, глядя вникуда и почесывая свой гладкий череп.

— Что это он, — Катя шепотом спросила старого лиса.

— Когда он поскребывает лысину, это означает всегда только одно, — прошептал всезнающий Семен Израилевич, — что мэр сам наперед не знает окончательного решения, что в нем самом борются какие-то противоположные соображения.

— Ладно, завершаем, — задумчиво произнес мэр. — Все здесь говорилось правильно, хотя не всегда чистосердечно, он почему-то посмотрел в сторону Белоногова. Самые правильные слова сказала Екатерина Владимировна. Но это — абстрактная истина, а конкретная ситуация, в которой находится городское хозяйство, гораздо сложнее.

— Примем такое решение, — мэр оттолкнул от себя материалы, — проект постановления, подготовленный ведомством Белоногова, мы отвергнем, конкурсный проект постановления, подготовленный отважным Спиридоновым, который очень скоро свернет себе шею, если будет продолжать в том же духе, — тоже отвергнем, вообще никакого решения принимать не будем, а вернемся к вопросу ровно через год. А пока, — мэр обернулся к народному артисту, сидевшему с понимающей ухмылкой, — изучайте вопрос. Все!

Мэр встал и также быстро вышел в боковую дверь. Загрохотали стулья, все встали, и тут через весь зал прозвучал зычный голос народного артиста: — Спиридонов, подойди-ка сюда! — Ее Единственный, Ненаглядный, Любимый по-солдатски повернулся и быстро пошел в сторону, откуда прозвучала команда. Катя осталась без последней встречи. Она стояла посреди пробирающегося к выходу народа и не могла собраться с мыслями — что же ей делать дальше? И вообще — что произошло?

Глава 20

И тут до нее стало доходить — она потеряла все: Любимого, научного шефа, работу и специальность.

Не то, что год, «Сириус» не протянет без финансирования и полмесяца. Вот она — черта, за которой мгла. Ну что ж, прощай светлая полоса, спрячемка свое счастье поглубже в самые таинства души, чтобы никто никогда не смог его задеть, чтобы оно навсегда оставалось только ее счастьем.

Катя глубоко вздохнула и побрела, еле волоча ноги.

— Катюша, фактически вы выиграла, — весело обратилась к ней народный защитник Румянцева.

Из возможных результатов вы получили лучший!

— Анна Ивановна, а где тут можно выпить чашку кофе?

— Я бы пошла с вами, да обещала интервью корреспонденту «Новостей» — вон дожидается. Подниметесь полмарша по той лестнице, затем насквозь по коридору, в конце лифт, на нем опуститесь туда, где получили пропуск, затем вниз в подвал, дальше по длинному подземному коридору и налево — увидите весь народ туда идет. До свидания!

Катя медленно продвигалась к выходу из зала в толпе высоких московских чинов. Слева аппаратные сотрудники уже убрали со стены ненужные плакаты со схемами и диаграммами. Полная бесформенная женщина, дотянувшись, сняла с крюка таблицу и медленно-медленно повернула свое жабье лицо от стены в сторону горестной катиной спины.

То ли это царевна-лягушка в пожилом возрасте, то ли так и должны выглядеть добрые феи, но это некрасивое мясистое образование в пятнах и пупырышках, называемое лицом, вдруг чему-то своему улыбнулось...

Катя брела опустошенная, ее портфельчик казался ей тяжелой ношей. Когда она, наконец, оказалась перед входом в служебную столовую мэрии, путь ей преградил симпатичный пожилой дядечка, пенсионер в белом халате, с которым все здоровались, и он всех пропускал.

— Вы кто? — спросил он Катю.

— В каком смысле? — не поняла Катя, которой было все равно.

— Покажите удостоверение — вы работник мэрии?

— Нет, я была на заседании.

— Тогда вам сюда нельзя.

— Да я только кофе выпить.

— Нет, еще не кончилось официальное время обеда работников аппарата. Когда закончится — приходите.

Вроде мелочь, а даже и кофе выпить не получилось в довершение ко всему списку сегодняшних бед.

Катя было повернулась, и тут прямо рядом прозвучал родной взволнованный голос.

— Катерина Владимировна, какое счастье, догнал вас. Это Румянцева подсказала, что вы пошли сюда.

— Товарищ Спиридонов, проходите, — сказал пенсионер.

— Вы что, пообедать решили? — Он не обратил внимания на приглашение вахтера-пенсионера. — Проходите.

— Ей нельзя, она не из аппарата, — сказал вахтер.

— Нет, я ничего не хочу, до свидания, — Катя улыбнулась Ему усталыми, любящими глазами. Любовь свою она уже упаковала глубоко внутрь, ее Любимый был в ней и с ней, а этот рядом — двойник, хотя, конечно, живой и до невозможности родной.

Катя уже переступила черту мглы — ей было все равно.

— Катя, я понимаю вас, — в нем заговорил отнюдь не сильный уверенный мужчина, а волнующийся растерянный юноша, не то влюбленный, не то сбитый с толку сомнениями. — Я понимаю, с «Сириусом» проблема, ему не помочь. Я понимаю, вы остаетесь без работы. Катерина Владимировна, переходите работать в префектуру в один из моих отделов. Нет, что я говорю, Господи, надо же такое сморозить — ведь я не смогу быть вашим начальником.

Нет, давайте, я позвоню — вас возьмут в богатую фирму на хорошую зарплату...

У Кати из глаз покатались крупные слезы, и она их не стыдилась. Вот и дождалась прощания с Любимым.

Вот, оказывается, где проходила черта, за которой мгла. Да, конечно, она ждала от Него предложения.

Ждала все это время, буквально с момента первой встречи на выставке. Но разве такого предложения?

— Нет, спасибо, — дрогнувшим голосом сквозь обильно текущие слезы сумела проговорить Катя, любящим взглядом прощаясь с Единственным Родным на свете Человеком.

— Прощайте, — промолвила она, поднося к лицу платок.

Почерневший, потерянный ее Единственный Любимый Человек, наконец, осознав оскорбление, которое ей нанес, больше не в состоянии был ничего сказать.

— Катя, — только и воскликнул он.

Катя повернулась от него к выходу.

— Нет, теперь уж я вас не пущу, — забежал вперед и преградил ей дорогу вконец растроганный пенсионер в белом халате. — Так и быть, в виде исключения, проходите, пообедайте.

— Спасибо, — беззвучно прошевелила губами ревушая Катя и вдруг неожиданно для самой себя обняла седую голову и чмокнула доброго старикана в щеку. Старик без чувств отвалился к стене, а Катя быстро побежала по длинному гулкому подземному коридору к выходу.

Ничего не соображая, не переставая плакать, вызывая тем самым сочувственные взгляды окружающих, Катя через весь город добралась до кардиологической клиники, куда отвезли Палыча. Перед тем, как зайти к нему в палату, она зашла в туалет и глянула на себя в зеркало. Хороша, ничего не скажешь: распухшее от слез лицо. Катя умылась, вытерлась платком, взглянула — лучше не стало. Ладно, надо идти.

Когда Катя вошла в палату, сердце ее сжалось — она никогда не видела Палыча таким бледно-зеленым.

А жалостливее всего то, что эта маска еще попыталась улыбнуться.

— Катюша, — еле слышным слабеньким голосом проговорил Палыч, — Господи, это я во всем виноват, втянул вас в авантюру, которая и не могла кончиться хорошо, а вы сейчас вон как убиваетесь.

«Боже, он подумал, что я плакала из-за «Сириуса»!»

— Катюша, плюньте! Не горюйте так. Дело было предрешено. Знаете, мой бывший аспирант, что сейчас в Штатах работает, предлагает работенку, так что мы с вами устроимся на долларовую зарплату.

Жалко только, не на страну родную работать. Но я верю, наше отечество возродится, и мы еще потребуемся.

Вы слышите? Я приказываю вам прекратить переживать — вы будете нормально зарабатывать по специальности, я не позволю вам уходить менеджером в торговлю.

— Василий Павлович, это я вам приказываю — немедленно замолчите, вам нельзя говорить и волноваться, не думайте обо мне. Выздоровливайте — обсудим, а пока — молчите!

Катя взяла Палыча за старческую, всю в венах морщинистую руку, и они молча смотрели друг на друга. Отец и дочь.

Жизнь прекрасна, потому что люди могут любить друг друга.

Заглянула сестра: — Все, заканчивайте визит, больному запрещены перегрузки.

— До свидания, дорогой Палыч, выздоравливайте, я приду завтра и все подробно расскажу, хотя больше половины не поняла.

Катя пожала стариковскую руку.

— Ухожу!

— Нет, не уходите, вы нужны мне оба!

Катя чуть не упала. В дверях с огромным букетом роз с истерзанным, но сияющим лицом стоял Он.

— Здравствуйте, Василий Павлович! Разрешите доложить. У меня сейчас был очень сложный разговор с Белоноговым. Мы с ним и обычно-то не очень, а сейчас побеседовали не на шутку. В общем, не буду детализировать, скажу главное: фирма «Сириус» от ведомства Белоногова в порядке исключения получает скромное, но достаточное финансирование сроком на год до следующего рассмотрения вопроса на правительстве Москвы по статье испытательские работы в области опытных перспективных разработок городского хозяйства.

— Молчите, Василий Павлович, — приказал ее Единственный Возлюбленный, — вам нельзя говорить.

А теперь второе главное — цветы, Василий Павлович, я привез не вам. Я при вас хочу сделать предложение руки и сердца Екатерине Владимировне.

— Екатерина Владимировна, — Он встал по стойке смирно с цветами в вытянутых руках. — Я люблю вас. Я люблю вас. Я бесконечно люблю вас. Я жить без вас не могу. Я прошу, я умоляю вас — станьте моей женой!

У Кати горохом посыпали слезы — второй раз за сегодняшний день. Пауза затянулась.

— Вы принимаете мое предложение или отвергаете?

— голубые блестящие чуть навывкате глаза нависли над Катей, как тогда, в самый первый раз, на выставке.

Катя не смогла вымолвить ни слова, только утвердительно кивнула головой, и рухнула на могучую грудь Своего Единственного Возлюбленного и разрыдалась вовсю.

— Вы оба решили меня в могилу свести, — раздался слабый голос Палыча.

— Посетители, на выход! — скомандовала ничего не понимающая медсестра, широко распахнув дверь.

— Секунду, — Палыч остановил Катю и ее Любимого, которые уже двинулись к выходу. — Дети мои, я благословляю вас и хочу сделать маленький свадебный подарок. Я вашу ситуацию давно просчитал, поэтому вот это ношу с собой. Возьмите — это ключи от моей дачи. Когда еще вы определитесь с жильем, а пока пусть у вас будет гнездо с первого дня. Час на машине Юрия до города — это ерунда. Дорогу знаете, все необходимое там найдете.

Целую вас, дорогие мои.

Глава 21

...В огромном полутемном со скрипучими половицами доме Палыча было почему-то очень уютно.

Он скинул пиджак, и она положила руки на его сильные плечи. Они слились в долгом поцелуе. Какое счастье вдыхать и чувствовать плоть любимого человека!

Его огромная сильная ладонь опустилась ей на грудь, и все ее тело задрожало от прилива соков любви. Она прижалась к нему всем телом, и ее женская природа словно вздохнула за все годы вынужденной консервации и невостремленности.

Наконец, они чуть не задохнулись в поцелуе и со счастливым смехом разняли губы.

Он взял с полки два фужера и стал раскрывать шампанское, да не успел открыть — они снова слились в упоительном поцелуе — встречной радости двух молодых организмов.

Взрыв открывшейся пробки произошел между ними в его руках, шампанское хлынуло, и новобрачные, хохоча, обнаружили, что полностью облиты.

Он успел разлить остатки по бокалам, и они, прислонившись мокрой одеждой, сначала пили, глядя друг на друга одними глазами из-за края стекла, а потом опять слились в поцелуе.

Катя ненарочно вдруг полила из своего недопитого фужера Ему за воротник, Он дернулся, поежившись, они оба, поняв в чем дело, расхохотались, и он уже медленно вылил остатки своего фужера ей за шиворот.

Вдруг он сделал от нее шаг назад, взялся за диван и сильным движением разложил его, снимая декоративные подушки. Катя подошла к шкафу, открыла — он был полон чистого постельного белья. Она протянулась к простыням, Он подошел сзади, обеими руками взял ее за грудь, положил свою голову на ее плечо. Она обернулась, и они в такой неудобной позе опять слились в поцелуе.

Они, стоя по разные стороны дивана, вместе застелили простынь. Катя встала по стойке смирно и затем через голову сняла платье. Он, глядя на нее во все глаза, торопливыми движениями снял рубашку, расстегнул брюки — они упали на пол.

Катя так же стянула комбинацию. Ее грудь затрепетала в полуоткрытом лифчике. Он рывком стянул майку, наклонился, разулся, стянул носки.

Катя, глядя на Него, сняла колготки. Расстегнула лифчик и грудь высвободилась, полностью открывшись Его взору. Был слышен Его глубокий вздох. Для любящего мужчины такое зрелище на грани его возможностей терпения.

Он быстрым сильным движением снял трусы.

Ее шокированному взору предстал мохнатый, кривой, напряженный донельзя член, его мужское естество, но вид этот не только не покоробил или оттолкнул Катю,

наоборот, вызвал волну нежности и влечения. Катя была счастлива видеть Любимого таким.

Катя сняла трусики, и его блестящие чуть навывкате голубые глаза опустились на черный треугольник меж ее ног.

Они, не сговариваясь, сделали шаг навстречу друг другу, встав на колени на диване. Они снова слились в поцелуе, но это уже была не нежность, а страсть. Одна Его рука накрыла ее обнаженную грудь, а другая сзади обхватила попу. Катя, ощутив, как ей в живот уперся твердый член, задохнулась от прилива влечения.

Они рухнули набок. Ее белые ноги, словно крылья лебедя, распахнулись и взмыли вверх. Его жадный взор вперился в царство сладострастия, что обнажилось при размахе ног-крыльев. Он наклонился и впился поцелуем в эти губы. Катя закинула голову от томления и счастья, и вдруг властная сила скрутила ее.

— Иди ко мне, — еле вымолвила она.

Он пальцами раздвинул губы и вошел в нее всем своим огромным и сильным естеством. Кате показалось, что у нее от вожделения ртом пошла пена.

Но нет, то было просто видение. Но застонала она реально. Он положил обе свои сильные ладони на ее грудь и стал ритмично работать словно маховик.

Катино тело извивалось от наслаждения. Она мученически сжимала своими пальцами его ладони, которые буквально впитывали ее грудь.

Он рухнул на нее, впившись уже не в поцелуе, а будто хотел вовсе вырвать ее губы из ее лица.

Катины мышцы вокруг его входящего члена дернулись, потом еще и еще, а член продолжал ритмически входить и выходить. Она изо всех сил обхватила его шею, не думая, что может задушить его. Его сильные пальцы вдавились в ее белоснежные плечи. Катя совсем близко увидела огромные блестящие голубые глаза. Нос картошкой она не видела, он утонул в ее щеке. Резкий импульс прошел по всей нервной системе Кати, она почувствовала пробег этого импульса от его члена до кончиков ее ног, ее рук, по ягодицам, к груди, которая распустилась, словно роза. Ритмичность входящего члена стала более резкая, рывками, вхождение становилось все более сильным ударом, и вдруг ослепившая молния затмила ее сознание, все ее тело повело. Огромный зверь, который работал над ней все это время, дернулся,

приподнялся на руках, лицо его исказилось и он издал первобытный звук, что-то между долгим скрипом, воем и стоном. Два остро пахучих причинных места любящих кончили друг в друга.

Его стон и скрип завершился, еще раз конвульсия, два, три, и Он рухнул частью на нее, частью рядом.

— Только не выходи из меня, — прошептала она, не открывая глаз, продолжая испытывать блаженство доисторической самки. Истома, сладость — от всего: от могучих ног, которые она обвила своими, от сильных круглых его ягодиц, на которых лежали ее ладони, от мохнатой груди, что задавила ее плечо, от мускулистой руки, бессильно лежавшей поперек ее груди.

Чуть позже, она, обнаженная, подошла к окну, за которым на звездном небе сияла огромная луна, и посмотрела на сосну, о корни которой она тогда, во время футбола, споткнулась.

Ее любимый бессильно лежал на диване плашмя.

— Любимая моя жена, знаешь что?

— Что, любимый?

— Роди мне сына, и назовем его Константин, Костик.

Конец.